КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Очеркъ колівщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. IV. Я. П. Шульгина. (1—21).

II. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. VIII—XII. О. П. Роговой (22—58).

III Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (59—87).

IV. Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани (волынской губ., ровенскаго уѣзда). Ѳ. Кудринскаго. (88—104).

V. Надъ Днѣстромъ. Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ Осипа Федьковича. (105—116).

VI. Документы, извѣстія и замѣтки. Рѣчь кн. Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. Сообщилъ В. Ю. Разбойникъ Тараненко. Бориса Познанскаго. Замѣтка о гетманѣ Павлѣ Тетерѣ. П. Шафранова. Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ Курскѣ. Г. І. Вержбицкаго. Некрологъ. Г. (105-135).

VII. Библіографія. 1) Дополненія и поправки къ Собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря В. В. Латышева. 2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 годахъ на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго. В. Латышевъ. Проф. Ѳ. Г. Мищенка. Stanisław Smolka. Kiejstut i Jagełło П. Г. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. П. Каманина. Ѳ. И. Булгаковъ Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. П. Ж. Ѳ. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. В. Я. Обозрѣніе журналовъ. (136—160).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Лѣтопись Нодгорецкаго монастыря.

2) Свадебныя пѣсни въ лубен. у., полт. губ. Собралъ В. М.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особеностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXX.

1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 20-го іюля 1890 г.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1])

ГЛАВА 4.

Мѣры правительства Рѣчи Посполитой противъ коліевъ.

Извлекши съ возможною полнотою изъ Кодненской книги все то, чѣмъ характеризуются участники коліивщины, отъ ватажковъ до послѣднихъ пособниковъ возставшихъ крестьянъ включительно, мы считаемъ нелишнимъ обратиться теперь къ характеристикѣ дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгаръ коліивщины и непосредственно послѣ нея, собравъ для этого тѣ мелкіе разрозненные факты, какіе по данному вопросу встрѣчаемъ и въ той же Кодненской книгѣ, и у польскихъ мемуаристовъ.

Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка все войско Рѣчи Посполитой, дѣлившееся издавна на двѣ большія части—литовскую и польскую, не заключало въ себѣ даже по спискамъ 17000. Но и изъ этого числа на защиту интересовъ государства въ предѣлахъ украинскихъ воеводствъ, гдѣ разразилась коліевщина, приходилась всего только четверть польской части войска. А такъ какъ во всей польской части было 12000 солдатъ, то въ каждой изъ четырехъ „партій“ этой части могло быть по

[1]) „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 6.

3000 человѣкъ. Быть можетъ, при надлежащей воинской дисциплинѣ такого числа обученныхъ военному строю солдатъ было бы вполнѣ достаточно для подавленія крестьянскаго движенія 1768 года, особенно если принять въ разсчетъ численную слабость возставшихъ; но въ томъ то и дѣло, что при отсутствіи въ польскомъ войскѣ дисциплины и „украинская партія“, какъ и три остальныя, никогда не заключала въ себѣ и двухъ третей полагавшагося въ ней числа людей. Обыкновенно *регментарь*, т. е. начальникъ партіи самъ бывалъ въ отсутствіи и его замѣнялъ кто-нибудь изъ его подчиненныхъ, которому онъ давалъ титулъ „стражника“. Въ свою очередь очень часто не бывали при войскѣ и *ротмистры*, т. е. начальники хоругвей, на которыя дѣлилась вся партія; эти тоже замѣщали себя—*поручиками*, которые однако опять таки часто уѣзжали въ свои помѣстья, сложивъ обязанности по командѣ хоругвью на *намѣстниковъ*. Но, кромѣ начальствующихъ, не бывало часто на лицо и „*товарищей*“ и „*шереговыхъ*“, изъ которыхъ составлялись хоругви. Подъ товарищами же разумѣлись исключительно дворяне, записывавшіеся добровольно въ хоругвь, и ихъ бывало при нормальномъ порядкѣ по 25 человѣкъ въ хоругви, а подъ „шереговыми“—тѣ слуги товарищей, которыхъ эти послѣдніе приводили съ собою обыкновенно въ количествѣ 3—4 человѣкъ для образованія хоругви. Благодаря указаннымъ удаленіямъ во свояси и начальниковъ, и подчиненныхъ, нерѣдко въ хоругви, вмѣсто нормальнаго по штатамъ числа 100—125 человѣкъ, бывало всего человѣкъ 30—40. И подобная недостача въ людяхъ случалась тѣмъ чаще, что на содержаніе ихъ не хватало средствъ: казенныя средства, которыя ротмистры получали отъ регментаря для распредѣленія между товарищами, часто растрачивались на частныя нужды и кутежи, такъ что волей неволей приходилось распускать по домамъ часть солдатъ. Притомъ же кичившіеся титуломъ „товарищей“ паны часто вовсе не думали о своихъ обязанностяхъ, считая себя неуязвимыми со стороны суда при существовавшихъ военныхъ непорядкахъ [1]).

---

1) Kitowicz. Opys obyczajow i zwyczajow. T. II, стр. 74—84.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ изъ „украинской партіи“ нерѣдко на лицо бывало человѣкъ 700 и много много если 1000. Съ такими же силами, еще недисциплинированными, трудно было дѣйствовать противъ трехъ-четырехъ гайдамацкихъ ватагъ численностью въ 2000 и въ 1000 душъ и противъ значительнаго числа болѣе мелкихъ гайдамацкихъ загоновъ. Надо было подавлять и сравнительно организованныя группы возставшихъ, предводительствуемыя Желѣзнякомъ, Швачкой, Неживымъ, Бондаренкомъ, и давить загоны, ведшіе, быть можетъ, еще болѣе опасную партизанскую войну. А если еще принять въ разсчетъ враждебныхъ польскому правительству барскихъ конфедератовъ, которыхъ королю надо было также усмирить, то военное ничтожество какихъ-то 700—1000 чел. должно предстать предъ нами съ полной очевидностью.

Въ первое время движенія мы поэтому вовсе не встрѣчаемъ въ документахъ даже упоминаній о польскихъ отрядахъ. Желѣзнякъ, Швачка, Неживый, Бондаренко и всѣ загоны встрѣчаютъ только оборону со стороны поляковъ, но не нападеніе; но и оборона ведется безъ помощи жолнѣровъ. И въ Лисянкѣ, и въ Умани, и въ Бѣлой Церкви, и въ Каневѣ—повсюду сами обыватели, поляки и жиды, ведутъ защиту да еще кой-когда народныя милиціи, которыя вообще представляли для пановъ малонадежный элементъ, о жолнѣрахъ же упоминаній нѣтъ. Волей неволей поэтому польскому правительству оставалось обратиться за помощью къ русскимъ войскамъ, пребывавшимъ въ краѣ для подавленія барской конфедераціи и поддержанія требованій русской дипломатіи въ Варшавѣ.

Только послѣ того, какъ главное дѣло при подавленіи бунта было сдѣлано для поляковъ генераломъ Кречетниковымъ, полковникомъ Протасьевымъ и другими русскими офицерами,—только послѣ этого показываются на свѣтъ божій польскіе подъязды и становятся опасными для обезсилѣвшаго гайдамачества, но и въ это время, при сколько-нибудь значительной численности ватаги, польскіе отряды обнаруживаютъ всѣ слабыя стороны своей организаціи.

Въ Кодненской книгѣ[1]) есть слѣдствіе объ отступленіи подъязда, отправленнаго на Побережье (такъ называлась юго-западная часть нынѣшней подольской губ., прилегающая къ Днѣстру, внизъ, начиная съ уѣзда могилевскаго) противъ гайдамацкихъ отрядовъ, все еще бродившихъ по краю, хотя главныя силы ихъ и было уже уничтожены русскими войсками. Подъяздъ былъ подъ командой Каминскаго, товарища хоругви панцырной. Каминскій, вышедши изъ Троянова, гдѣ помѣщалась главная квартира войска короннаго партіи украинской и подольской, провелъ свой отрядъ на Побережье къ мѣстечку Бершадѣ и вблизи этого мѣстечка въ селѣ Вербки узналъ отъ людей, что семь гайдамакъ съ возами ночуютъ близъ ихъ села. Тотчасъ же распорядился онъ отправить нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей команды для захвата этихъ гайдамакъ, что и было, въ виду малочисленности послѣднихъ, исполнено безпрепятственно. Всѣ семь гайдамакъ съ двумя возами были приведены къ Каминскому. Отъ нихъ при распросахъ онъ узналъ, что невдалекѣ стоитъ болѣе значительная гайдамацкая ватага, человѣкъ въ полтараста, и что они сами—только отрядъ этой ватаги. Каминскій при этомъ извѣстіи снялся съ своею хоругвью съ мѣста и прошелъ, не бросая арестованныхъ гайдамакъ и ихъ обоза, въ с. Билый Камень. Туда онъ прибылъ днемъ, часовъ въ 12, и не успѣлъ онъ тамъ остановиться, какъ напали на него гайдамаки, несясь на польскій отрядъ съ страшнымъ крикомъ. Для спасенія своего жолнѣры попрятались въ крестянскія хаты и изъ нихъ отстрѣливались. Длилось такое положеніе чуть не до захода солнца, пока нападающіе не зажгли хатъ, въ которыхъ засѣли поляки, и сосѣдняго гумна. Весь отрядъ, въ виду численности гайдамакъ, по плану Каминскаго, долженъ былъ отступить къ селу Пятковкѣ. На пути туда была гребля, и Каминскій при отступленіи счелъ нужнымъ воспользоваться ею для отстрѣливанія отъ непріятеля, пока это было возможно. Но „gdy mnie—приводимъ собственныя слова командира Каминскаго—nieprzyiaceli nacisneli mocno żem się iuż utrczymac nie mogl,

[1]) Кодн. кн. стр. 501—513.

umyslilem porządną uczynic reytaradę, i jaka przynależy żołnierzowi, ale gdy zabaczili moiey komędy ludzie wielką liczbe haidomakow wstrzimac onych nie moglem, wzieli się do rospruszki...". Паническій страхъ напалъ однако не на всѣхъ, бывшихъ въ хоругви: по утвержденію Каминскаго, и онъ самъ, и нѣкоторые изъ товарищей и шереговыхъ, отступая, все же отстрѣливались и давали отпоръ гайдамакамъ. Бѣжавшихъ было, впрочемъ, не мало; впереди всѣхъ были: бывшій стражникъ товарищъ Загоровскій, капралъ Павловскій и шереговый Маковскій. Замѣтя бѣгство Загоровскаго, командиръ Каминскій послалъ къ нему шереговаго Дудкевича съ приказомъ вернуться на помощь, ему, командиру, и вернуть своихъ подначальныхъ шереговыхъ. Загоровскій же, по его собственнымъ показаніямъ, напрасно передавалъ приказъ командира бѣжавшимъ жолнѣрамъ: всѣ они, не оборачиваясь въ его сторону, бѣжали на гору къ с. Пятковкѣ. Самъ же онъ, Загоровскій, потому де не вернулся, что считалъ дѣло вовсе потеряннымъ и думалъ, что самаго командира нѣтъ уже въ живыхъ. Интересно, что и Дудкевичъ, привезшій приказаніе Каминскаго вернуться, самъ присталъ къ бѣжавшимъ, такъ что командиръ его увидѣлъ только въ Пятковкѣ. Загоровскій скакалъ на конѣ такъ поспѣшно, что потерялъ даже свое копье и ни разу не выстрѣлилъ изъ ружья; трусость свою онъ напрасно выгораживалъ тѣмъ, что копье будто бы потерялъ не онъ самъ, а его слуга, и напрасно силился увѣрить, будто не стрѣлялъ онъ потому, что непріятель не приближался къ нему ни разу на разстояніе выстрѣла. Когда же Загоровскій, убѣгая, замѣтилъ товарища Игнатовскаго, мимо котораго онъ ѣхалъ, то прокричалъ, что не можетъ сдержать перепуганнаго коня и потому по неволѣ бѣжитъ. Другой храбрецъ, шереговый Марковскій, убѣгая, не имѣлъ ни карабина, ни сабли, а гдѣ дѣлъ онъ все это—неизвѣстно. Капралъ Мацей Павловскій, бѣжавшій съ Загоровскимъ, утверждалъ, что приказа вернуться Загоровскій ему не передалъ; когда же ему на слѣдствіи напомнили, что онъ самъ непосредственно слышалъ переданное Дудкевичемъ приказаніе и что, какъ не подначальный Загоровскому, могъ бы самъ оста-

новить бѣгущихъ и по крайней мѣрѣ лично вернуться къ Каминскому, то капралъ на все это ничего не отвѣтилъ.

Въ томъ, какъ себя держали въ это время и нѣкоторые другіе товарищи и переговые, тоже лестнаго мало для жолнѣрской храбрости. Во всѣхъ почти показаніяхъ фигурируютъ бурьяны, среди которыхъ прятались опѣшившіе паны товарищи и ихъ слуги. Въ виду этихъ бурьяновъ сомнительными храбрецами представляются и тѣ „товарищи“, которые въ показаніяхъ своихъ выставляютъ себя таковыми. Невольно какъ-то въ разсказываемомъ ими усматриваешь какъ разъ обратное ихъ утвержденію, и серьезныя показанія дѣлаются комичными. Особенно интересны въ этомъ отношеніи росказни Васильковскаго, одного изъ „товарищей“, бывшихъ въ дѣлѣ. Онъ, по его показаніямъ, былъ раненъ „w krzyża“ еще до переправы черезъ греблю, тѣмъ не менѣе продолжалъ де драться и на греблѣ. Когда же тутъ его снова ранили въ руку, то его задержалъ гайдамака, у котораго онъ, Васильковскій, передъ тѣмъ вырвалъ ратище, и котораго онъ самъ было задержалъ. Случилась же эта чудесная перемѣна ролей между паномъ Васильковскимъ и гайдамакой только благодаря тому, что гайдамака какимъ то невѣдомымъ образомъ умудрился убѣжать отъ пана, добыть себѣ копье, „nie wiedziec jakim sposobem porzucano“ панома Загоровскимъ, и копьемъ этимъ поколоть въ плечи пана Васильковскаго. Панъ Васильковскій при этомъ будто бы обернулся къ нападающему, схватился за его копье (zlapalem mu za spise), и они вступили въ рукопашную (porwalismy się za barki). Между тѣмъ подошли другіе гайдамаки. Они хотѣли пана Васильковскаго заколоть, но до этого не допустилъ превратившійся неожиданно въ полнаго доброжелателя недавній противникъ его. Гайдамаки тогда прослѣдовали за бѣгущими, оставивъ Васильковскаго съ его гайдамакой. Этотъ же послѣдній ограничился тѣмъ, что ободралъ пана и затѣмъ велѣлъ ему спрятаться въ бурьянъ, что онъ, панъ, и исполнилъ. Въ показаніяхъ это сообщеніе звучитъ такъ: „ten mnie obdarszy roskasal mi się zachowac w burian, com uczynil“. Ночью только панъ Васильковскій выбрался изъ своего убѣжища

и, нанявъ въ Пятковкѣ подводу, направился къ м. Бершадѣ, гдѣ собрался весь разбитый отрядъ.

Самъ панъ командиръ, или комендантъ, какъ его величаетъ нашъ документъ, панъ Каминскій, по его показаніямъ, несмотря на бѣгство многихъ изъ его отряда, оставался еще на гребдѣ, давая отпоръ гайдамакамъ, и двинулся за бѣжавшими по направленію къ с. Пятковкѣ не прежде, какъ отступили гайдамаки. Но иную картину встрѣчаемъ мы въ показаніяхъ шереговаго Витвицкаго. Витвицкаго этого во время атаки гайдамаки сильно де покололи, и онъ уже за греблей упалъ съ коня, который убѣжалъ. Лежа на землѣ и не имѣя силъ встать, Витвицкій видѣлъ, какъ мимо него въ Пятковкѣ на гору неслись отъ гребли „товарищи“ и „шереговые“. Минулъ его и панъ комендантъ Каминскій, „za ktorym haidamaci gonili“. Выходитъ, стало быть, что Каминскій отступленія гайдамакъ отъ гребли не дождался и самъ долженъ былъ послѣдовать примѣру Загоровскаго, Павловскаго и др. Шереговый Витвицкій обезсиленъ былъ, очевидно, не долго. Онъ почувствовалъ необходимость отъ несшихся мимо него гайдамакъ спрятаться опять таки въ тотъ же классическій бурьянъ и перебыть тамъ до ночи, ночью же онъ смогъ дойти до Пятковки и оттуда на подводѣ доѣхать въ Бершаду. Все дѣло представлялось Витвицкому очень жаркимъ. По его словамъ, только въ быстротѣ конскихъ ногъ заключалось спасеніе жолнѣровъ въ пятковской стычкѣ. „Kto mial konia zlego— ten zabity zostal“, и „ten byl na przendzie y bez razu zostal, kto mial konia dobrego“.

Дѣйствительно, было нѣсколько убитыхъ и раненныхъ, но неуязвленныхъ изъ числа бывшихъ въ отрядѣ было больше. Всѣ они собрались въ концѣ концовъ въ Пятковкѣ, а оттуда уже вмѣстѣ съ догнавшимъ ихъ „комендантомъ“ двинулись въ Бершади. Въ это же мѣстечко на отдѣльныхъ подводахъ прибыли отставшіе раненые, скрывавшіеся въ бурьянахъ въ моментъ гайдамацкой погони. Въ Бершадѣ, по словамъ Васильковскаго, „komęda sie ulokowala goiąc się“.

Слишкомъ очевидно изъ всего этого дѣла, что между жолнѣрами господствовала полная распущенность, что въ нихъ не

было никакого сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ соотчичамъ, и что храбрость въ нихъ могла бы быть вызвана только личною опасностью, да и то при условіи, что отъ опасности этой бѣгствомъ нельзя бы было избавиться. Между тѣмъ положеніе ихъ собратій, не успѣвшихъ убѣжать изъ края, было подчасъ поистинѣ отчаянное, и немного нужно бы было польскому солдату патріотическаго сознанія для того, чтобы энергично приняться за ихъ защиту, тѣмъ больше, что вообще поляки, внѣ условій деморализаціи, не трусливы. Въ подтвержденіе и ихъ подчасъ отчаянной храбрости и той бѣды, какую терпѣли паны въ это время, можемъ сослаться, въ дополненіе къ пересказанному раньше, на одинъ изъ эпизодовъ этого возстанія—на нападеніе отряда гайдамакъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ на село Ризану Крыницю возлѣ Умани [1]). Ватага эта отдѣлилась отъ Желѣзняка, направлявшагося къ Умани, и была однимъ изъ многихъ загоновъ, ведшихъ партизанскую войну. При ея нападеніи—въ Ризаной Крыници оставались: шляхтичъ Янковскій, его братъ, шляхтичъ Гусаковскій и другіе. Женщины ихъ, дѣти и старики попрятались по житамъ близъ села, а три названныя лица засѣли въ хатахъ и оттуда мѣтко стрѣляли по своимъ врагамъ. Многихъ они убили и ранили, убили и того крестьянина, который по порученію гайдамакъ привезъ соломы къ хатамъ для поджога. Но пожаръ заставилъ ихъ оставить мѣсто своей засады: Янковскій былъ убитъ тутъ же, братъ его погибъ въ пламени, а Гусаковскаго схватили, вывели за село и тамъ убили. На другой день не принимавшіе участія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ крестьянъ Ризаной Крыници нашли въ житахъ убитыхъ пановъ—Кондрацкаго, жену и дочь Гусаковскаго. Оставшіеся въ живыхъ изъ спрятавшихся, по уходѣ гайдамакъ, вернулись въ село, но на ихъ несчастіе туда подоспѣлъ новый гайдамацкій загонъ изъ 5 человѣкъ съ ватажкомъ изъ села Буки, потомъ повѣшеннымъ. Немедленно были найдены вернувшіяся въ село пани Бачинская и Кондрацкая, послѣдняя съ дѣтьми, и безжалостно убиты. Только дѣти Бачинской, дочь и

[1]) Кодн. кн., стр. 93—94.

сынъ, убѣжали къ крестьянину Ивану Шевцу и имъ были спасены отъ смерти.

И вотъ при такихъ то бѣдахъ польскаго населенія края—польскіе жолнѣры не проявляли почти никакой дѣятельности! Между тѣмъ жолнѣры эти были сами и поляки, и католики и не могли, подобно украинскимъ крестьянамъ, возмущаться тѣми несправедливостями, какія чинили польскіе паны-католики, пользуясь защитой законовъ Рѣчи Посполитой, по отношенію къ русскому населенію края. Подвергавшіеся опасностямъ паны были для жолнѣровъ только страдающіе собратья и защищать ихъ они были обязаны, но этого то и не было, и не было въ силу поголовной распущенности, царившей въ польскомъ войскѣ.

Всѣ столь существенные недостатки „украинская партія“ проявляла во время завѣдыванія ею регитментаря Воронича. Подъ конецъ движенія онъ подъ предлогомъ болѣзни и вовсе удалился отъ дѣлъ, уѣхавъ въ свое помѣстье [1]). Для поправленія дѣлъ король отправилъ на Украину коронаго гетмана Браницкаго съ королевскими полками и литовской гвардіей. Тогда же впервые явился на Украину панъ Стемпковскій, числившійся комендантомъ хоругви, состоявшей изъ польскихъ рекрутъ; противъ украинскихъ бунтовщиковъ Стемпковскій велъ гусарскія и панцырныя хоругви, въ которыхъ въ общей сложности было не больше 400 душъ. Появились однако эти силы въ Украинѣ уже послѣ разгрома гайдамакъ Желѣзняка ген.-маіоромъ Кречетниковымъ и поручикомъ Гурьевымъ [2]). Крупныхъ военныхъ дѣйствій въ это время уже не предвидѣлось: противъ гайдамакъ, еще ютившихся въ краѣ и продолжавшихъ свои нападенія, достаточны были такія военныя силы, какъ силы небольшихъ подъѣздовъ, вродѣ подъѣзда пана коменданта Каминскаго, о которомъ шла рѣчь выше. Настало время не войны съ возставшими, а суда надъ ними. Коронный гетманъ Браницкій предоставилъ тогда это дѣло суда надъ гайдамаками Стемпковскому, получившему въ то же время назначеніе отъ короля быть регимента-

[1]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 123.

[2]) Adam Moszczynski. Pamiętnik do historyi polskiej, стр. 148.

ремъ украинской партіи вмѣсто удалившагося на покой Воронича. Самъ же Браницкій долженъ былъ, соединясь съ генераломъ Кречетниковымъ, идти атаковать барскихъ конфедератовъ, которые были занерты въ Барѣ и между которыми шли нелады [1]).

При Браницкомъ совершена была по его приговору только казнь четвертованія надъ Гонтой и то не въ Умани, а въ с. Сербахъ, близъ пограничнаго города Могилева. По мнѣнію Браницкаго, пролить кровь Гонты тамъ, гдѣ пролилась кровь невинныхъ жертвъ его неистовства было бы унизительно для послѣднихъ [2]).

При Браницкомъ же былъ совершенъ между поляками и русскими раздѣлъ плѣнныхъ гайдамакъ. Всѣ гайдамаки, состоявшіе подданными Рѣчи Посполитой, должны были подлежать суду польскаго правительства, всѣ же изъ гетманщины, Слободской Украины и Запорожья—суду русскаго правительства. По словамъ автора „Rzezi humanskiey“ [3]), Браницкій послѣ этого раздѣла отправилъ будто бы во Львовъ 800 плѣнныхъ, въ Броды 500, въ Винницу 300 и по извѣстному числу въ другіе города. По словамъ автора мемуара, всѣхъ плѣнныхъ было нѣсколько тысячъ, причемъ будто бы запорожцевъ было 1500 человѣкъ. Преувеличенность этихъ чиселъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. По утвержденію Тучапскаго, напало на Умань съ Желѣзнякомъ 500 гайдамакъ да 700 козаковъ Гонты [4]). Кромѣ того, есть и другое утвержденіе, по которому опять таки подъ Уманью было не нѣсколько десятковъ тысячъ возставшихъ, а всего только 2000 [5]). Изъ всего же этого, конечно, ясно, что Браницкій не могъ разослать столько плѣнныхъ по разнымъ городамъ, сколько было показано отмѣченнымъ выше мемуаристомъ, скрывшимъ свое имя. Наконецъ есть и прямое утвержденіе г. Скальковскаго на

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 152.

[2]) Bunt hajdamakow. Rzez humanska, стр. 114 (изд. Рачинскаго, заключ. въ себѣ мемуары трехъ лицъ).

[3]) Ibidem, стр. 114.

[4]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Изд. Рачинскаго, третій мемуаръ, стр. 126. и 127. Въ „Наѣздахъ гайдамакъ“ Скальковскаго приведенъ тотъ же мемуаръ, стр. 213. и 214.

[5]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 107.

основаніи данныхъ сѣчеваго архива [1]), что Кречетниковымъ подъ Уманью было схвачено 887 человѣкъ гайдамакъ и 150 запорожцевъ. Считая это послѣднее утвержденіе, какъ основанное на документальныхъ данныхъ, болѣе достовѣрнымъ, нельзя не отнестись скептически и къ увѣренію Вероники Кребсъ (мемуаръ которой при всѣхъ своихъ достоинствахъ заключаетъ въ себѣ и много невѣрностей и неточностей)—будто Стемпковскій изъ подъ Умани для суда увелъ къ Могилеву 2000 человѣкъ [2]). Относительно плѣненныхъ тогда гайдамакъ и ихъ разсылки для казней изъ Умани у Кребсъ есть впрочемъ и одно, очевидно, вѣрное заявленіе, что Стемпковскій увелъ всѣхъ плѣнныхъ гайдамакъ изъ Умани потому, что у него было всего 400 человѣкъ кавалеріи, и онъ боялся крестьянъ, въ рукахъ которыхъ было еще много оружія и которые въ одну минуту могли бы собраться въ большомъ числѣ для освобожденія арестованныхъ [3]). Заявленіе это тѣмъ вѣроятнѣе, что и Браницкій, и Кречетниковъ въ это время уже удалились съ своими войсками къ Бару, имѣя въ виду осадить конфедератовъ.

Каково же было отношеніе польскаго правительства къ плѣннымъ гайдамакамъ на судѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ и у польскихъ мемуаристовъ, и въ документахъ Кодненской книги. Нельзя при этомъ не замѣтить, что матеріалъ о судѣ надъ гайдамаками недостаточно уясненъ, тѣмъ больше, что показанія мемуаристовъ не отличаются пунктуальной опредѣленностью. Тотъ же фактическій матеріалъ, который намъ удалось извлечь изъ Кодненской книги, къ сожалѣнію не совсѣмъ удобно ставить въ одну параллель съ показаніями о томъ же мемуаристовъ, такъ какъ послѣдніе въ большинствѣ случаевъ говорятъ о судѣ надъ гайдамаками тотчасъ по ихъ усмиреніи, Кодненская же книга наша даетъ судебные разборы дѣлъ въ 1769 и даже въ 1770 г. Конечно, спустя годъ—полтора послѣ разгрома гайдамакъ у судей могло быть нѣсколько иное отношеніе

---

[1]) Ibidem, примѣч. на стр. 112 и стр. 109 текста.

[2]) Уманская рѣзня. Записки В. Кребсъ. Изд. г. Ревы, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 28, 31.

къ судимымъ, чѣмъ тотчасъ же послѣ разгрома. Остается поэтому группировать весь матеріалъ именно соотвѣтственно источникамъ, изъ которыхъ приходится черпать его, и по времени, когда производился разборъ дѣлъ.

Выше мы уже сказали, что тотчасъ же послѣ уманской расправы Кречетникова коронный гетманъ Браницкій передалъ регименгарю украинской партіи Стемпковскому право суда надъ плѣнными гайдамаками. Желчный, обозленный Стемпковскій немедленно послѣ этого приступилъ къ дѣлу. Мемуаристъ Липпоманъ такъ передаетъ о его дѣятельности: „регименгарь Стемпковскій, впослѣдствіи воевода кіевскій (?), прійдя съ своею командою въ Лисянку приказалъ повѣсить шестьдесятъ крестьянъ безъ всякаго соблюденія какихъ бы то не было юридическихъ формъ. Далѣе разосланные по селамъ и малымъ мѣстечкамъ отряды русскаго и польскаго войска повсюду вывѣдывали о причастныхъ къ бунту крестьянахъ, брали ихъ и высылали въ разныя мѣста, а больше всего въ мѣстечко Кодню близъ Житомира, гдѣ помѣщалась войсковая команда. Тамъ же надъ выкопанной глубокой ямой каждому изъ схваченныхъ, привязанному къ колодѣ, положенной на краю ямы, палачъ топоромъ отсѣкалъ голову и затѣмъ и голову, и тѣло бросалъ въ яму. По наполненіи одной ямы, выкапывали другую. Такимъ путемъ лишено было жизни великое множество крестьянъ. Могли тамъ пасть и невинныя жертвы, подговоренныя къ бунту злостнымъ сбродомъ. Гибель невинныхъ была возможна, такъ какъ было достаточно малѣйшаго предлога къ обвиненію въ причастности къ бунту въ той или иной формѣ“ [1]). Неизвѣстный авторъ другого мемуара— Rzeź humanska, изд. Рачинскимъ въ Познани, такъ объясняетъ образъ дѣйствій Стемпковскаго: „...послѣ того, какъ Стемпковскій насмотрѣлся на экзекуцію надъ Гонтой, онъ сказалъ: „не онъ одинъ вызвалъ бѣду, не онъ одинъ долженъ поэтому и погибнуть“—и началъ ужасный розыскъ“ [2]). Тучапскій также въ своемъ мемуарѣ отмѣчаетъ суровость суда

[1]) Lippomann. Bunt haidamakow (изд. Рачинскаго), стр. 49.

[2]) Тоже изд. Рачинскаго. Второй мемуаръ, стр. 116.

Стемпковскаго: „губили и наказывали тогда гайдамакъ разными способами: то рубили головы, то вѣшали, то лишали одной руки и одной ноги, то драли розгами. Свидѣтелями этихъ наказаній были Каменецъ, Львовъ—тамъ повѣшено 200 гультаевъ,—Кременецъ, Винница, Житоміръ, Летичевъ и иные города, въ которыхъ по 7, 5, 8 гультаевъ было лишено жизни“ [1]). „Нѣкоторыхъ даже, читаемъ еще въ „Наѣздахъ гайдамакъ“ г. Скальковскаго, мучили слишкомъ изысканнымъ образомъ, достойнымъ дикарей американскихъ. У несчастныхъ, обѣ руки обвязавъ паклею, напитанною дегтемъ, зажигали и такъ водили ихъ по селамъ и мѣстечкамъ. Многіе старики, жители западной Россіи, помнятъ еще (г. Скальковскій писалъ свою книгу въ 1845 г.), что въ молодости видѣли такихъ несчастныхъ изувѣченныхъ въ глубокой уже старости, которые, сидя у церквей или на большихъ дорогахъ, просили милостыни. Народъ не отказывалъ имъ въ подаяніи, и на вопросъ любопытныхъ: „что это за люди?“ отвѣчали: „не пытайте—то люде бували“ [2]).

Къ несомнѣнному звѣрству лично Стемпковскаго изъ всѣхъ ужасовъ, отмѣченныхъ мемуаристами надо однако прежде всего отнести только крайнюю поспѣшность при раздаваніи смертей и невыполненіе юридическихъ формъ,—вслѣдствіе чего, конечно, могли быть тяжелыя ошибки. Оправдывать его, хотя бы отчасти, именно въ этомъ тѣмъ, что судъ его и бывшей при немъ коммиссіи былъ судъ военный, нельзя: судъ его былъ скорѣе всякаго возможнаго военнаго суда. Но затѣмъ, быть можетъ, не мѣшаетъ при уясненіи себѣ жестокостей казней надъ гайдамаками вспомнить и мирныя законы того времени, тѣ статьи литовскаго статута, подъ которыя могли бы быть подводимы преступленія гайдамакъ.

Прежде всего возьмемъ въ разсчетъ статьи, относящіяся къ государственнымъ преступленіямъ... Оказывается, что всякій, дѣйствовавшій во вредъ государю или государству, путемъ ли вспомоществованія непріятелю, или инымъ какимъ образомъ, подлежалъ четвертованію. Затѣмъ къ этому непосредственно добав-

---

[1]) Тоже изд. Рачин. Третій мемуаръ Тучапскаго, стр. 143.

[2]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 125.

лено: „равной и тѣ подлежатъ казни, кои таковому преступнику совѣтомъ либо какимъ нибудь дѣломъ вспомоществуютъ или, заподлинно о томъ вѣдая, не донесутъ". Положенія эти находимъ мы въ литовскомъ статутѣ въ раздѣлѣ 1, артикулѣ 3, параграфѣ 3.

Не трудно видѣть, что всѣ крестьяне, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, и всѣ имъ близкіе, знавшіе о ихъ участіи въ бунтѣ, но не донесшіе о томъ, по закону должны были подвергнуться четвертованію. Если же даже Стемпковскій не ко всѣмъ примѣнялъ именно этотъ родъ казни, то только по недостатку палачей и времени, ибо четвертованіе—казнь наиболѣе длительная.

Далѣе, относительно пособничества бунтовщикамъ всегда съ успѣхомъ могла быть примѣняема статья 3-го раздѣла, артикула 48-го, гдѣ рѣчь идетъ о недоставленіи врагу государства „воинскаго оружія, такожъ желѣза, стрѣлъ, пороху, селитры, свинцу и другихъ военныхъ и кормовыхъ для людей и скота припасовъ", а также ничего другаго, „изъ чего бы тое дѣлать дерзнулъ, того смертью — усѣченіемъ голови—казнить, а таковыя оружія и припаси и всѣ его пожитки взять въ казну".

Несомнѣнно, конечно, что и по этой статьѣ въ числѣ жертвъ Стемпковскаго должно было быть не мало „sciątych".

Смертной же казни черезъ повѣшеніе подлежали по §§ 1 и 2 артикула 7, раздѣла 14 и воры, на воровствѣ пойманные съ поличнымъ или безъ поличнаго, „если покража явится цѣною выше 20 рублей" [1]). При похищеніи же на сумму менѣе 20 рублей и при неоднократномъ повтореніи такихъ кражъ даннымъ лицомъ наказывали публично у столпа розгами или плетьми и урѣзывали уха.

Въ раздѣлѣ же 11, артикулѣ тоже 11, сказано и о пособникахъ ворамъ. „Кто бы, читаемъ въ означенной статьѣ, вору помоществовалъ... либо у себя краденныя вещи передерживалъ, продавалъ или би онимъ съ ворами дѣлился... тотъ таковой же винѣ и казни, какъ и самъ воръ, подлежать будетъ безъ всякаго послабленія.

---

[1]) Рубль л. литовскаго статута по изслѣдованію Чацкаго=35 польскимъ злотымъ и $21^{24}/_{30}$ грошамъ или 5 р. 36 к. на наши деньги. Теличенко. Очерки кодиф. малор. пр. „Кіев Стар.", 1888 г., книга 10-я.

Опять ясно, что и эти статьи закона о ворахъ при желаніи унизить политическаго врага могли быть безъ затрудненія примѣняемы къ судившимся въ Кодненской коммиссіи бунтовщикамъ.

Страшныя наказанія по статуту полагались и за убійства, пораненія, нанесеніе побоевъ, особенно помѣщикамъ.

За убійство посполитымъ владѣльца своего или вообще шляхтича полагалось четвертованіе, за пораненіе—отсѣченіе головы, за нанесеніе удара или просто за угрозу—отнятіе руки (Статутъ, раздѣлъ 11, арт. 9; разд. 11, арт. 29, § 1 и арт. 49, § 1).

По отношенію къ возставшимъ коліямъ статья эта болѣе, чѣмъ предъидущія могла быть примѣняема безъ натяжекъ.

Указавъ такимъ образомъ, что Стемпковскій для оправданія своей жестокости по отношенію къ отданнымъ въ его руки людямъ могъ бы во многихъ случаяхъ сослаться на законъ, мы вовсе однако не имѣемъ въ виду выставлять его человѣкомъ закона. Нѣтъ, Стемпковскій и его коммиссія, конечно, не иначе отнеслись бы къ выпавшему на ихъ долю суду, какъ отнеслись они въ дѣйствительности, и въ томъ случаѣ, если бы законъ не отвѣчалъ ихъ жестокимъ хотѣніямъ. Расправа была бы таже и и при болѣе мягкомъ законѣ, только дѣйствіе закона должно бы было быть пріостановлено.

Переходимъ къ даннымъ о судѣ, доставляемымъ намъ Кодненской книгой. О массовыхъ истребленіяхъ гайдамакъ къ книгѣ этой почти нѣтъ упоминаній, вѣроятно, потому, какъ мы уже сказали, что она заключаетъ въ себѣ разборъ дѣлъ уже въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, когда первое ожесточеніе поляковъ прошло. Въ одномъ только документѣ есть указаніе на то, что въ Шароградѣ производилась экзекуція четвертованія надъ 25 гайдамаками изъ Ружина и Каменоватой [1]). Но если нѣтъ въ нашей Кодненской книгѣ упоминаній болѣе частыхъ о массовыхъ истребленіяхъ возставшихъ, то зато довольно отдѣльныхъ казней. Изъ 336 дѣлъ 218 окончилось лишеніемъ жизни подсудимыхъ, 34—сѣченіемъ и только 85 освобожденіемъ. Освобожденныхъ судомъ считать избѣгшими наказанія впрочемъ нельзя: они, во-

[1]) Кодн. кн., стр. 591.

первыхъ, до суда долго бывали содержимы въ предварительномъ заключеніи на мѣстѣ ли ихъ поимки или уже въ кодненской ямѣ, а во-вторыхъ, при допросѣ, для вящшаго выясненія дѣла, кодненская коммиссія нерѣдко прибѣгала къ первой степени пытки — битью плетью. Изъ дѣлъ, кончившихся уродованіемъ подсудимыхъ, въ кодненскихъ документахъ только одно: нѣкто Стефанъ Мысловскій за убійство осадчаго Нагурнаго, виновника смерти родственницы его, а также за убійство четырехъ жидовъ былъ наказанъ отсѣченіемъ руки и ноги [1]). Изъ 218 казненныхъ 9 четвертовано, 151 обезглавленъ, 57 повѣшено и 1 посаженъ на колъ.

Къ четвертованію въ Коднѣ, какъ видимъ, прибѣгали сравнительно рѣдко въ виду продолжительности этой казни и недостатка въ палачахъ. Къ ней прибѣгали только въ исключительныхъ случаяхъ. Четвертованы были, во-первыхъ, нѣкоторые изъ запорожцевъ, почему то подпавшіе польскому суду, во-вторыхъ — ватажки гайдамацкихъ загоновъ, попавшіеся въ руки, и въ-третьихъ, крестьяне, обнаружившіе большую свирѣпость въ періодъ избіенія шляхты тѣмъ, что выдавали ихъ на смерть и лично убивали часто послѣ того, какъ ими было куплено себѣ у данныхъ людей повидимому безопасное убѣжище.

Изъ запорожцевъ четвертованію подверглись бывшіе въ загонѣ Савки Плыханенка—Ѳеодоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый [2]). Изъ ватажковъ же гайдамацкихъ загоновъ четвертованію подверглись Степанъ Головацкій, дѣйствовавшій съ своимъ загономъ близъ Шполы [3]) и Савка Плыханенко, имѣвшій небольшой отрядъ изъ запорожцевъ, изъ которыхъ трое выше названы, и дѣйствовавшій близъ Бѣлой Церкви [4]). Другіе ватажки, какъ знаемъ, не попадали на судъ въ Кодню. За выдану и убійство шляхтичей, купившихъ себѣ золотомъ убѣжище, четвертованы Якимъ Зарудный, Герасимъ, Кирило Романюкъ [5]).

---

[1]) Кодн. кн., стр. 523.
[2]) Кодн. кн., стр. 482.
[3]) Кодн. кн., стр. 539.
[4]) Ibidem., стр. 482.
[5]) Ibidem, стр. 482.

Подъ отмѣченныя выше категоріи не подходитъ одинъ—это Роговскій, бывшій жолнѣръ, участвовавшій въ убійствѣ на дорогѣ какого-то шляхтича[1]). Наконецъ, не менѣе жестокой казни, чѣмъ четвертованіе—посаженію на колъ, подвергся много разъ нами упоминавшійся шляхетскій ренегатъ Николай Чоповскій, бывшій въ наиболѣе дисциплинированной, идейной, гайдамацкой ватагѣ Семена Неживаго[2]).

Изъ дѣлъ, не всегда оканчивавшихся смертной казнью, особенно рѣзко обнаруживаютъ жестокость судившихъ въ Коднѣ дѣла о преслѣдованіи крестьянъ, у которыхъ находили что бы то ни было изъ загабленнаго при возстаніи 1768 года. Крестьянъ такихъ обыкновенно наказывали плетьми послѣ долгаго держанія въ предварительномъ заключеніи, а иногда даже смертію чрезъ снятіе головы или повѣшеніе[3]). Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обладаніе награбленными вещами могло означать соучастіе въ бунтѣ, но вѣдь обрѣтеніе награбленнаго могло во многихъ случаяхъ производиться при полномъ невѣдѣніи, что обрѣтается добытое нелегальнымъ путемъ; притомъ же мы уже знаемъ, что послѣ грабежей ватаги нерѣдко распродавали все добытое особымъ купцамъ, которые за ними слѣдовали[4]); легко могло поэтому случиться, что попадало затѣмъ награбленное отъ этихъ купцовъ къ людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ, путемъ простой купли.

Не мало терпѣли отъ жестокости кодненскаго суда и родственники нерозысканныхъ коліевъ. Отца, дядю, отчима брали нерѣдко взамѣнъ исчезнувшаго за границу сына, племянника, пасынка[5]). Ихъ не всегда наказывали по суду, но самое сидѣніе въ кодненской ямѣ въ предварительномъ заключеніи стоило многаго.

Вообще въ судебномъ процессѣ той ужасной поры поражаетъ полное невниманіе къ отсутствію какихъ бы то ни было

---

[1]) Ibidem, 493.

[2]) Ibidem, 482.

[3]) Ibidem, 447. Дѣло Савки Малаго.

[4]) См. настоящую статью гл. I.

[5]) Кодн. кн., стр. 452.

доказательствъ преступности судимыхъ. Такъ, Мартынъ Швецъ изъ Теплина Уманскаго при дознаніи оказался виновнымъ въ кражѣ вещей и въ конокрадствѣ, между тѣмъ его приговорили къ обезглавленію—за гайдамачество. Мотивомъ для такого осужденія послужило такого рода умозаключеніе кодненскихъ судей: „Martyn Szwiec przez zwerchnost dworska tu w sekwestr odeslany zostal, to iuż nie bez racyi haidamacstwa“ [1]). Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, положимъ, дѣло съ лицомъ, уличеннымъ въ кражѣ на сумму свыше 20 р., и поэтому одѣлить его въ Коднѣ смертнымъ приговоромъ могли и не по политическому мотиву. Что же, кромѣ политическаго мотива, могло играть роль при осужденіи на смерть черезъ повѣшеніе Панаса Галайковскаго изъ Соколовки, который на судѣ рѣшительно ни въ чемъ виноватымъ не оказался? Политическая преступность этого лица была для судей достаточно доказана тѣмъ только „że (Galaikowsky) przez Ip. Żebrowskiego przyslany“ [2]). Наконецъ не лишеннымъ интереса для уясненія польскаго легкомыслія на судѣ представляется и слѣдующій случай. Жена крестьянина Петра Носенка, жителя уманскаго, донесла на мужа—будто онъ ее хотѣлъ убить. Этого было достаточно, чтобы коммиссія заподозрила Носенка—и въ гайдамачествѣ. Когда же у Носенка при раздѣваніи его оказался поколотый пупъ, то подозрѣніе готово было обратиться въ увѣренность. Но Носенко энергично сталъ утверждать, что жену свою онъ только побилъ и вовсе не грозилъ ей смертію, и что рану подъ пупокъ нанесъ ему козакъ Ященко. Послѣ этого судьи ограничились наказаніемъ розгами, но все же выразили ему свое недовѣріе; ему было сказано: „nie od kozaka ty iestes podkłoty, ale od lacha, ktoregos ty tam pod czas ryzaniny kłuł, a może nie iednego, ale kolo sta — gdyż tam każdy kłuł, chyba ten nie kłuł, co by rąk nie mial, a ty się tu zapierasz“ [3]). Дальше, конечно, судебной подозрительности идти было некуда.

---

[1]) Кодн. кн., стр. 439.

[2]) Ibidem, стр. 491.

[3]) Ibidem, стр. 344.

При такомъ болѣе, чѣмъ строгомъ, примѣненіи жестокаго закона, конечно, изгибла цѣлая масса сперва плѣненныхъ съ оружіемъ, а потомъ просто беззащитныхъ крестьянъ, въ моментъ движенія двинувшихся было также на защиту своей жизни и вѣры отъ невыносимаго польско-уніатскаго гнета. Сколько именно было казнено Стемпковскимъ — сказать трудно. Кодненская книга наша, повторяемъ, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ дѣлъ военно-судной коммиссіи и 218 человѣкъ казненныхъ, въ ней означенныхъ, есть только ничтожная часть. Но если даже и въ самомъ дѣлѣ погибло много отъ палачей, то все же не 30000, какъ утверждаетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій [1]). Думаемъ, что, при слабой тогда населенности края, и всѣхъ возставшихъ, какъ въ батагахъ, такъ и внѣ ихъ не было такого числа, какъ 30000. Тѣмъ не менѣе, если даже уменьшить число истребленныхъ поляками въ 5—6 разъ, то все же уничтоженіе такого количества людей является актомъ непониманія польскимъ правительствомъ существенныхъ интересовъ собственнаго государства. Даже съ точки зрѣнія наиболѣе потерпѣвшихъ отъ коліевъ шляхтичей-помѣщиковъ, за интересы которыхъ ратуетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій, громадное количество казней было дѣломъ неблагоразумнымъ, ибо тѣмъ самымъ паны лишались нужныхъ имъ работниковъ. По мнѣнію Мощинскаго, лучше было поступить такъ, какъ поступилъ комендантъ львовскій, полковникъ Корытовскій. Этотъ послѣдній отданныхъ ему 60 молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ гайдамакъ не повѣсилъ, подобно другимъ комендантамъ и Стемпковскому, а оставилъ на своей фабрикѣ въ качествѣ рабочихъ: онъ „wymurował nimi pod owczas jedne z najpiękniejszych kamienic w rynku miasta Lwowa, trzymając ich w miejscu zdrowem i (конечно) bezpiecznem; karmił ich za to i odziewał, że mu służyli do fabryk, aż do czasu zabrania Lwowa przez Austryakow, gdzie w tenczas uwolnieni z aresztu, popowrocali do domow“ [2]). Раздумывая затѣмъ, какъ могло бы еще поступить польское правительство, Мощинскій продолжаетъ: „jeżeli

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 150.

[2]) Ibidem, 149.

nie można było naśladowac pułkownika Korytowskiego, to należało przynajmniej, potraciwszy naczelnikow, decymowac tylko dla przykładu zwiedziony lud i nie gubic haniebnie młodzieży do 30 tysięcy (!) naizdrowszey i najdorodniejszej, złem zgorszeniem i smutkiem, że nie było i katów do wieszania ich po miesteczkach, tylko jeden drugiego wieszał bez przygotowania religijnego na smierc [1]) Въ краѣ, нуждавшемся въ населеніи, совершившаяся расправа была верхомъ неразумія, конечно, тѣмъ болѣе, что раньше 1768 г. даже такой неважный человѣкъ, какъ губернаторъ Млодановичъ, поставленный на свою должность Потоцкимъ, считалъ нужнымъ хотя бы только въ интересахъ своего патрона, мало помышляя о государствѣ, всячески увеличивать численность населенія во ввѣренной ему Уманщинѣ, и одною изъ его мѣръ было возвращеніе къ мирному труду изловленныхъ имъ и осужденныхъ доминіальнымъ судомъ на смерть цѣлыхъ сотенъ гайдамакъ. Устраивалъ онъ это обыкновенно такъ по утвержденію мемуариста, скрывшаго свое имя: оглашалъ повсюду о лѣтахъ и винахъ заключенныхъ и приговоренныхъ къ смерти гайдамакъ; для осмотра ихъ допускалъ людей въ тюрьму, причемъ всѣмъ видно было, что пойманные люди молодые, бодрые, сильные, здоровые; если же какая дѣвушка (młodzika) при наступленіи времени исполненія смертнаго приговора заявляла, что тотъ или другой изъ видѣнныхъ ею приговоренныхъ милъ ей и что она готова быть его женой, и затѣмъ избраннаго ею выражала готовность увести съ мѣста казни, обнявъ его рукою или зацѣпивъ за шею платкомъ,—то Млодановичъ такихъ счастливцевъ освобождалъ отъ казни и даже надѣлялъ ихъ землей за извѣстныя повинности; такимъ путемъ дано было краю не мало новыхъ семей [2]). Какой-нибудь способъ помилованія, если и не столь романтичный, какъ способъ Млодановича, должно было бы избрать и польское правительство, тѣмъ болѣе что въ компетенцію короля, какъ и всякаго представителя верховной власти въ другихъ странахъ, входило самое широкое право помилованія.

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, 150.

[2]) Изд. Рачинскаго Bunt haidamakow. 2-ой мемуаръ, стр. 70.

Между тѣмъ, по сознанію самихъ поляковъ, результаты усмиренія оказались ужасными. Цитированный только что мемуаристъ сообщаетъ, что послѣ усмиренія бунта на Украинѣ мало осталось крестьянъ-хозяевъ: уходили въ Волощину, въ Крымъ, въ „Москву", на Донъ,—и степи вновь запустѣли такъ, что казались чуть не дѣвственно-первобытными [1]). Оставшіеся же на мѣстахъ очень тяготились своимъ положеніемъ, а когда былъ возстановленъ прежній порядокъ съ рѣзкимъ разграниченіемъ всеправной шляхты и безправнаго поспольства, то многіе изъ нихъ стали рѣзаться, вѣшаться, топиться [2]).

Этимъ мы кончаемъ нашу характеристику дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгаръ коліивщины и непосредственно послѣ нея.

Я. Шульгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Bunt haidamakow, стр. 116.

[2]) Ibidem стр. 116, 117.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА VIII.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ЯССЫ.

Князь Василій сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ съ великимъ логофетомъ, когда вошелъ къ нему второй постельникъ и доложилъ, что прибыли козаки подъ начальствомъ молодаго Хмельницкаго.

— Вотъ видишь, Стефанъ, обратился князь къ своему канцлеру, теперь у насъ силъ прибыло, и мы можемъ потягаться съ нашимъ врагомъ. Вѣрный бояринъ нашъ позаботится, чтобы гостямъ нашимъ было хорошо—обратился онъ къ постельнику. Начальникамъ отвести лучшія комнаты дворца, войска же размѣстить по квартирамъ, и чтобы всего у нихъ было вдоволь.

Постельникъ съ низкимъ поклономъ удалился; а князь обратился къ Георгицѣ:

— Завтра я имъ дамъ аудіенцію, а послѣ завтра можно будетъ и тронуться въ путь. Пусть этотъ палачъ Радулъ воображаетъ, что отпразднуетъ надъ нами побѣду; а мы нагрянемъ неожиданно, разгромимъ врага, опустошимъ его границы и принудимъ его продолжить перемиріе.

— Я бы не совѣтовалъ вашей свѣтлости дѣйствовать круто, возразилъ Георгица. Могутъ возникнуть неудовольствія съ Портой,

[1] См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 6.

да и трансильванскій князь не замедлитъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстановить противъ насъ султана.

— Не я первый началъ, возразилъ князь: Матвѣй стягиваетъ войска у моей границы подъ начальствомъ этого кровожаднаго Радула. Не сидѣть же мнѣ, сложа руки, и ждать, когда имъ угодно будетъ лишить меня престола. Это рѣшено, Георгица, и ты меня не отговаривай! закончилъ господарь тономъ, не допускающимъ возраженій.

Онъ всталъ.

— Довольно я терпѣлъ обидъ, пора и разсчитаться!

Георгица отвѣсилъ почтительный поклонъ и вышелъ; а князь отправился на половину своей жены.

У господарши сидѣла гостья, супруга великаго логофета. Она была родомъ валашка и принадлежала къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій. Обмѣнявшись привѣтствіями, Василій сѣлъ къ столу, на которомъ стояли сухіе засахаренные плоды, розовая пастила и халва изъ орѣховъ. Гостья эта была не особенно пріятна господарю; онъ разсчитывалъ переговорить наединѣ съ женою; у него вошло въ привычку совѣтоваться съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, такъ какъ она обладала недюжиннымъ мужскимъ умомъ, соединеннымъ съ женскимъ чутьемъ и тактомъ; но уйти было неловко, и Василій молча слушалъ разговоръ женщинъ, вертѣвшійся на пустякахъ.

— Ваша свѣтлость, обратилась Георгица къ князю: правда ли, что пріѣхали козаки и татары? Я слышала объ этомъ мелькомъ отъ ворниковъ, когда шла во дворецъ.

— Да, пріѣхали, сухо отвѣтилъ господарь.

— Они поступаютъ на службу вашей свѣтлости? спрашивала неотвязчивая гостья. Ея безтактность вывела изъ себя князя.

— Позволю себѣ замѣтить— отвѣчалъ онъ сурово—женщинамъ не слѣдъ мѣшаться въ военныя дѣла.

Гордая валашка поблѣднѣла и закусила губы.

— Прошу извиненія у вашей свѣтлости! ядовито проговорила она и стала откланиваться.

— Зачѣмъ ты ее оскорбилъ? укоризненно проговорила

господарша. Валахи очень злопамятны. Какъ бы она не отомстила! У нея много родни при валашскомъ дворѣ.

— Что она можетъ намъ сдѣлать? отвѣчалъ Василій: пустая и вздорная женщина! Я удивляюсь Георгицѣ; такой умный человѣкъ и не нашелъ себѣ лучшей жены; какъ будто мало знатныхъ молдаванокъ.

— Не довѣряй Георгицѣ! замѣтила господарша. Ты увидишь, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ перейдетъ на сторону Бассарбы, не даромъ двоюродная сестра его замужемъ за Радуломъ.

Князь Василій сомнительно покачалъ головою.

— Не у всѣхъ женщинъ такая свѣтлая голова, какъ у моей господарши! шутливо проговорилъ онъ. Пусть женщины сплетничаютъ, строятъ козни; что намъ за дѣло до нихъ? Георгица же слишкомъ уменъ, чтобы перейти на сторону Матвѣя,—ему и здѣсь хорошо.

— Кто знаетъ, какіе планы у этого человѣка? замѣтила господарша.

— А вотъ посмотримъ, проговорилъ князь.

— Я пришелъ тебѣ сообщить, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, что пріѣхали козаки съ татарами. Я намѣреваюсь ихъ послать на границу Валахіи; пусть они побьютъ своевольнаго Радула. Гетманъ прислалъ намъ своего сына.

— Это тотъ витязь, о которомъ такъ много говорила Локсандра? съ любопытствомъ спросила господарша.

— А развѣ Локсандра знаетъ его? съ удивленіемъ спросилъ Василій.

— Какъ же, она видѣла его въ Варшавѣ.

Василій сурово сдвинулъ брови.

— Не люблю я этихъ польскихъ обычаевъ, проворчалъ онъ. Побывавъ въ Польшѣ, Локсандра набралась прыти, слишкомъ ужъ свободно себя держитъ съ молодежью. Ты ей замѣняешь мать; внуши ей, что мое дѣло найти ей мужа.

— Я ей не родная мать, тихо отвѣтила господарша.

— Чтожъ такое? возразилъ князь. Скажи ей, что это моя воля, что я желаю, чтобы она себя держала скромнѣе, какъ этого требуютъ обычаи нашей страны.

Домна Георгица, вернувшись домой и задыхаясь отъ гнѣва, прошла прямо на половину своего мужа.

— Что съ тобою? спросилъ Стефанъ, замѣтивъ взволнованное лицо своей супруги, ставшее еще непривлекательнѣе, еще злѣе.

— Это невозможно! задыхаясь проговорила она. Этотъ тиранъ думаетъ, что можетъ повелѣвать всѣми нами, какъ слугами, можетъ обращаться съ нами, какъ съ рабами!

— Что случилось? съ безпокойствомъ спросилъ Стефанъ.

Путаясь въ выраженіяхъ и останавливаясь, чтобы перевести духъ, жена его разсказала объ оскорбленіи, нанесенномъ ей княземъ.

Стефанъ вздохнувъ съ облегченіемъ.

— Я думалъ, Богъ знаетъ, что случилось! сказалъ онъ хладнокровно. Это тебѣ наука: впередъ будь осторожнѣе при дворѣ!

— Давно бы слѣдовало вамъ боярамъ,—со злостью отвѣчала домна, свернуть шею этому Лупулу.—И ты дуракъ, что не слушаешь моихъ совѣтовъ, держишься за этого стараго скрягу, ползаешь у его ногъ и получаешь за это толчки и пинки! Гдѣ тѣ богатства, о которыхъ ты мечталъ? Все идетъ въ ненасытный мѣшокъ этого кровопійцы. Онъ одинаково давитъ и бояръ, и мазулей, и черный народъ; онъ со всего умѣетъ самъ снять пѣнку и тебѣ ничего не перепадаетъ.

Въ своемъ раздраженіи супруга достопочтеннаго великаго логофета забыла, что кое что перепадало и на ихъ долю, особенно при судебномъ разбирательствѣ споровъ мелкихъ бояръ при размежеваніи земель и при дѣлежѣ наслѣдства.

— Помилуй, иронически замѣтилъ Стефанъ, онъ считаетъ себя благодѣтелемъ народа. Еще не далѣе какъ сегодня онъ называлъ армаша Радула палачемъ и кровожаднымъ звѣремъ...

— Вотъ прекрасно! воскликнула домна. Я бы желала знать, какая между ними разница? Радулъ подсылаетъ тайныхъ убійцъ къ своимъ врагамъ и бросаетъ ихъ тѣла въ рѣку, чтобы скрыть слѣды своихъ преступленій; а этотъ явно сажаетъ на колъ тѣхъ, кто становится поперекъ его дороги... Радулъ натравливаетъ на своихъ противниковъ своего господаря, обвиняя ихъ въ небывалыхъ проступкахъ, а этому не къ чему прибѣгать

къ какимъ либо уловкамъ, онъ прямо отрубаетъ головы тѣхъ, кого заподозритъ въ измѣнѣ.

— Молчи, жена! съ испугомъ озираясь, проговорилъ Стефанъ.—Твой языкъ не доведетъ насъ до добра. Самыя стѣны могутъ насъ слушать. Потерпи, будетъ время, и Лупулъ узнаетъ насъ, а теперь надо нести иго, дѣйствовать осторожно, не спѣша, такъ, чтобы не могло на насъ упасть и тѣни подозрѣнія.

Жена Стефана замолчала съ недовольнымъ видомъ и ушла къ себѣ.

— Позвать ко мнѣ цыганку Заиру! приказала она.

Черезъ нѣсколько минутъ старая сморщенная колдунья стояла передъ своею госпожей.

— Что прикажетъ благородная боярыня своей рабѣ? спросила она, смиренно цѣлуя руки госпожи.

— Я разсчитываю на твою вѣрность, Заира, проговорила боярыня. Сейчасъ же соберись въ путь и отправляйся въ Валахію къ женѣ великаго армаша, скажи, чтобы она ко мнѣ прислала немедленно кого-нибудь изъ довѣренныхъ ея людей, кто бы умѣлъ писать и могъ быть моимъ секретаремъ. Скажи ей также, что пріѣхали къ намъ татары и козаки. Только поторопись, время не терпитъ.

На другой день Тимошъ имѣлъ торжественную аудіенцію у князя Василія. Князь изложилъ ему свои планы нападенія на границу Валахіи, занятую войсками, насказалъ много комплиментовъ козацкой храбрости и просилъ какъ можно скорѣе присоединиться къ молдавскимъ войскамъ, уже выступившимъ въ походъ. У Тимоша вытянулось лицо. Онъ думалъ, что будетъ принятъ во дворцѣ, увидитъ прекрасную домну Локсандру; но князь говорилъ съ нимъ холодно вѣжливо, дѣловымъ только тономъ и, повидимому, не имѣлъ никакого намѣренія вводить его въ свою семью. Впрочемъ молодой козакъ не долго горевалъ, возможность показать себя въ ратномъ дѣлѣ вскорѣ заняла всѣ его помыслы и онъ живо собрался въ путь. Въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ на аудіенціи, были и знакомые намъ паны Кутнарскій и Доброшевскій. Панъ Доброшевскій былъ теперь

чѣмъ то вродѣ секретаря у неизмѣннаго своего товарища, Кутнарскій же велъ частныя дѣла князя и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей врожденной склонности, служилъ ему чѣмъ то вродѣ шута. Господарша часто посылала за нимъ въ тѣ минуты, когда Василій былъ особенно не въ духѣ. Онъ являлся, начиналъ играть съ княземъ въ шахматы или сочинялъ остроты и каламбуры на придворныхъ и къ князю возвращалось доброе расположеніе духа.

Выходя изъ аудіенцъ-залы, Кутнарскій тихо говорилъ своему пріятелю:

— А вѣдь не добре, панъ Доброшевскій! Какъ панъ полагаетъ? Нашему патрону то не на руку.

— Не на руку, пане! мрачно подтвердилъ панъ Доброшевскій.

— А что не на руку? освѣдомился онъ вдругъ, немного помолчавъ.

— Эхъ, голова-то у пана тугая! презрительно замѣтилъ Кутнарскій.

— Развѣ я не говорилъ пану, что князь Дмитрій не любитъ козака Хмельницкаго? Развѣ я не читалъ пану письма князя, послѣ пребыванія домны Локсандры въ Варшавѣ?

— Читалъ, панъ! лаконически подтвердилъ секретарь.

— Ну, и значитъ...

— И значитъ... протянулъ Доброшевскій, недоумѣвая, какой сдѣлать выводъ.

— И значитъ, что у пана куриные мозги, съ досадою проговорилъ Кутнарскій. Зная то, что мы знаемъ, всякій ребенокъ пойметъ, зачѣмъ сюда пріѣхалъ этотъ козакъ. Мы съ паномъ даже знаемъ больше, чѣмъ самъ князь, ну да я открою ему глаза при случаѣ.

Въ тотъ же вечеръ панъ Кутнарскій, приглашенный веселить князя, посматривая на домну Локсандру, завелъ рѣчь о козакѣ. Княжна скромно опустила глаза на вышиванье, дѣлая видъ, что вовсе не слушаетъ разговора, но сердце ея усиленно билось и дрожащіе пальцы невольно путали шелкъ и бисеръ.

— Ужасный народъ эти козаки, разсказывалъ панъ Кутнарскій, козаку ничего не значитъ оскорбить молодую панну, убить ребенка, задушить беззащитную старуху...

Паннѣ Локсандрѣ невольно вспомнился смущенный козакъ, сидѣвшій у ея ногъ и она подумала, что полякъ лжетъ.

— Чтожъ? улыбнулся князь Василій: намъ такихъ бойцовъ и надо.

— А это правда, что Хмельницкій прекрасный наѣздникъ? спросила господарша. Локсандра разсказывала, что онъ ѣздитъ лучше всѣхъ молодыхъ пановъ.

Василій строго взглянулъ на дочь.

— Гдѣ это домна Локсандра научилась оцѣнивать козачьи подвиги въ наѣздничествѣ? рѣзко спросилъ онъ.

Княжна вспыхнула и взглянула на отца.

— Я присутствовала на скачкахъ у великаго канцлера Оссолинскаго, съ достоинствомъ проговорила она: и Тимоѳей Хмельницкій остался на нихъ побѣдителемъ.

— Я искренно сожалѣю, что отпускалъ тебя въ Польшу, съ досадою проговорилъ князь.

— Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть этого козака? проговорила господарша. Ты, вѣдь, пригласишь его къ намъ, Василій? обратилась она къ мужу.

— Пани господарша напрасно желаетъ видѣть грубаго козака, вставилъ Кутнарскій. Эти козаки не знаютъ ни звычая, ни приличія. Онъ ни сѣсть, ни повернуться не съумѣетъ въ княжескомъ дворцѣ.

Княжна съ досадою взглянула на пана.

— Панъ Тимоѳей умѣлъ отлично сидѣть и держать себя за обѣдомъ у великаго канцлера, спокойно возразила она изъ за пялецъ. И даже съумѣлъ отвѣтить на дерзкія выходки князя Вишневецкаго, прибавила она.

Князь Василій даже ротъ открылъ отъ изумленія. Онъ съ минуту молча постоялъ за спиною дочери; потомъ его тяжелая рука опустилась къ ней на плечо, и грозный громовый голосъ глухо раздался подъ сводами залы.

— Локсандра ты забываешься! крикнулъ онъ.

Дѣвушка гордо встала изъ за пялецъ. Она молча посмотрѣла отцу въ глаза и, не говоря ни слова, медленно вышла изъ зала. Господарша послѣдовала за нею.

Панъ Кутнарскій, посмѣиваясь въ усъ, любовался всей этой сценой и съ нескрываемымъ удовольствіемъ смотрѣлъ теперь на взволнованнаго князя, шагавшаго взадъ и впередъ вдоль зала.

— Я имѣю нѣчто доложить его свѣтлости, сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

Князь остановился передъ нимъ съ заложенными назадъ руками.

— Говори, панъ! разрѣшилъ онъ.

— Его свѣтлости слѣдовало бы поскорѣе выдать замужъ прекрасную княжну. Я знаю одного изъ знатнѣйшихъ пановъ, который давно по ней вздыхаетъ.

— Кто такой? угрюмо спросилъ князь.

— Извѣстный уже его свѣтлости князь Дмитрій Корибутъ Вишневецкій, потомокъ славныхъ Мнишковъ, близкій родственникъ князя Іереміи.

— Объ этомъ надо подумать, отвѣчалъ князь. Княжна еще молода. Можетъ быть, найдутся женихи и познатнѣе.

— Но все таки его свѣтлость, можетъ быть, разрѣшитъ князю Вишневецкому заслать сватовъ, настаивалъ Кутнарскій.

— Сваты дѣвушкѣ не укоръ... Что же тутъ разрѣшать? уклончиво отвѣтилъ князь.

Вернувшись вечеромъ домой, Кутнарскій усердно принялся расталкивать спавшаго Доброшевскаго.

— Вставай, пане! Слышишь, вставай, дѣло есть! кричалъ онъ ему надъ самымъ ухомъ.

— Дѣло? А, дѣло? Не убѣжитъ, бормоталъ Доброшевскій.

— Ишь, вѣдь, пьяница! ворчалъ Кутнарскій, вытаскивая изъ подъ стола нѣсколько пустыхъ бутылокъ. И гдѣ это онъ ихъ розыскалъ? Кажется я все спряталъ подъ замокъ.

Не долго думая, Кутнарскій взялъ ведро холодной воды и вылилъ на спящаго. Тотъ вскочилъ, какъ встрепанный.

— Панъ всегда позволяетъ себѣ неприличныя шутки! сердито бормоталъ онъ, вытирая лицо и отряхаясь. Такъ можно схватить лихорадку! продолжалъ онъ. И къ чему это будить человѣка среди ночи, когда всѣ добрые католики отдыхаютъ.

— Полно болтать пустяки! сердито остановилъ его Кутнарскій: бери чернило, бумагу и пиши.

— Дай мнѣ хоть переодѣться! возразилъ Доброшевскій.

— Ну, хорошо! только поскорѣе!

Черезъ четверть часа они уже сидѣли за столомъ и при тускломъ свѣтѣ ночника сочиняли посланіе князю Вишневецкому, съ подробнымъ описаніемъ вечера, проведеннаго у молдавскаго господаря; въ приписке присовокуплялось слезное прошеніе прислать побольше злотыхъ: господарь скупъ и отъ него многимъ не попользуешься.

ГЛАВА IX.

СВАТОВСТВО.

Тимошъ блистательно исполнилъ свою задачу. Какъ орелъ налетѣлъ онъ на Радула съ его войскомъ, сбилъ и смялъ передовые отрады, ворвался въ Валахію, все уничтожая на пути, и заключилъ чрезвычайно выгодный для князя Василія миръ.

Вернувшись въ Яссы, онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что князь Василій пригласитъ его къ себѣ; но князь одарилъ его всевозможными подарками, окружилъ его полнымъ почетомъ и только.

Между тѣмъ гетманъ прислалъ сыну письмо и прямо приказывалъ ему просить руки Локсандры.

Княжна нѣсколько дней не видѣла отца. Она грустно сидѣла въ своихъ двухъ комнаткахъ и даже избѣгала общества молодыхъ боярышенъ изъ своей свиты. Наконецъ до нея дошли вѣсти о побѣдѣ Тимоша. Она встрепенулась и повеселѣла. Образъ молодаго богатыря постоянно носился передъ нею и теперь она надѣялась вскорѣ его увидѣть. Придворный этикетъ требовалъ, чтобы князь устроилъ для него пиръ, познакомилъ его съ семьею. Князь Василій и самъ хорошо это понималъ, но странное заступничество княжны за молодаго козака не давало ему покоя. „Кто ихъ знаетъ этихъ дѣвушекъ?“ думалъ онъ: „одному Богу извѣстно, что у нея сидитъ въ головѣ“. Наконецъ онъ придумалъ выходъ. Онъ устроитъ въ честь гостя охоту и пиръ въ лѣсу, въ охотничьемъ замкѣ, а Локсандрѣ прикажетъ сидѣть дома... На охотѣ ея отсутствіе никому не бросится въ глаза, и

къ тому же она можетъ отговориться нездоровьемъ. Онъ назначилъ день для охоты, послалъ приглашеніе Тимошу и тогда же объявилъ свое рѣшеніе женщинамъ.

— Это мужская забава! сурово замѣтилъ онъ. Вамъ тамъ нечего дѣлать, вы можете сидѣть дома.

Но тутъ случилось то, чего онъ никакъ не могъ ожидать. Всегда спокойная и уступчивая господарша на этотъ разъ ни за что не хотѣла уступить.

— Я хочу видѣть храбраго козака, который доставилъ намъ побѣду и покрылъ насъ славою, упорно настаивала она.—Хочу сама отблагодарить его. Мы не рабыни, чтобы намъ сидѣть взаперти, какъ преступницамъ, мы ничего не сдѣлали, за чтобы насъ нужно было наказывать.

— Да что вы будете дѣлать на охотѣ? урезонивалъ князь. Еще, пожалуй, медвѣдя или буйвола встрѣтите...

— Медвѣди то сидятъ здѣсь во дворцѣ, сердито возразила господарша: и давятъ насъ своими желѣзными лапами. Говорю тебѣ, Василій, что я хочу быть на охотѣ и буду. Ты не смѣешь меня запирать въ харемѣ.

— Ну, поѣзжай! согласился Василій, только оставь Локсандру дома. Ей то ужъ не для чего видѣться съ козакомъ.

— И Локсандра поѣдетъ! упрямо настаивала господарша. Зачѣмъ ей сидѣть дома? Довольно, что ты и такъ ни за что, ни про что накричалъ на бѣдную дѣвочку. Какая за ней вина? Она ничего дурнаго не сдѣлала. Ее тоже не для чего прятать подъ замокъ.

Василій махнулъ рукой.

— Дѣлай, какъ знаешь! проговорилъ онъ.

Въ рѣшительныхъ случаяхъ господарша всегда брала надъ нимъ верхъ. Онъ ее слишкомъ любилъ и уважалъ, чтобы отнестись къ ней со всею строгостью, какая была въ его власти.

Охота была не обыденнымъ событіемъ при дворѣ господаря. Обыкновенно князь охотился въ извѣстное время года; въ послѣдніе дни великаго поста или передъ Рождествомъ. Она длилась нѣсколько дней, звѣрей затравливали массою и потомъ дѣлили добычу между княземъ и всѣми боярами. Это дѣлалось

для того, чтобы звѣрь не переводился въ лѣсахъ. Вотъ почему охота, назначенная не въ обыденный срокъ, произвела особенное оживленіе въ Яссахъ. Всѣ спѣшили принять въ ней участіе, всѣ къ ней готовились, и боярыни, услышавъ про участіе въ ней господарши и ея падчерицы, наперерывъ упрашивали мужей взять ихъ къ собою.

Блестящее многочисленное общество собралось въ замкѣ. Сеймени, вооруженные шестоперами, въ красивыхъ полукафтаньяхъ, перетянутыхъ блестящими ремнями, богато вооруженные пажи-апроцы въ блестящихъ одеждахъ, княжескіе трабанты съ длинными алебардами и космами заплетенныхъ волосъ, падавшихъ на плечи, множество бояръ въ бархатныхъ и атласныхъ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками, въ качулѣ изъ бѣлыхъ барашковъ на головѣ, на богато убранныхъ коняхъ съ золотыми и серебряными чепраками, со сбруею, горѣвшею золотомъ и каменьями; отроки мосмеги, окружавшіе ихъ, въ одинаковыхъ одеждахъ, и среди всей этой пестроты нѣсколько боярынь и боярышенъ съ разгорѣвшимися отъ удовольствія лицами и блестящими глазами, все имѣло какой то сказочный торжественный характеръ, и Тимошъ невольно залюбовался на эту процессію, когда она двинулась изъ замка.

Князь Василій не представилъ его ни господаршѣ, ни дочери. Это было немного противъ этикета, но онъ считалъ себя выше приличій. Тимошу, вслѣдствіе этого, пришлось только издали любоваться на прекрасную Локсандру и на статную господаршу, ѣхавшую съ нею рядомъ.

Нѣсколько тысячъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень оцѣпили огромный лѣсъ, въ которомъ была назначена охота. Между ними установили псарей и тенетщиковъ, а охотники встали плотною цѣпью у поля и въ лощинѣ, куда должны были выгнать звѣря.

Домна Локсандра, господарша и боярыни стояли поодаль, окруженныя своими трабантами.

Раздался звукъ призывнаго рога, затрубили егеря. Крестьяне, вооруженные вилами и кольями, съ крикомъ, гиканьемъ и свистомъ двинулись въ лѣсъ, тенетщики растянули тенета; собаки

рвались и заливались громкимъ лаемъ; но ихъ спустятъ позже, когда появится крупный звѣрь.

Вотъ выскочилъ испуганный заяцъ, за нимъ другой, третій, показалась одна-другая лисица, выбѣжалъ молодой лось, взрывая ногами рыхлый снѣгъ на бѣгу; сердца охотниковъ не выдержали, дрогнули, одинъ за другимъ бояре помчались за дичью, слѣдуя примѣру князя, тоже страстнаго охотника... Лѣсъ загудѣлъ, затрепеталъ; никто уже не думалъ о заранѣе составленномъ планѣ, всякій дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, выслѣживая и преслѣдуя звѣря.

Господарша съ Локсандрой тоже поскакали въ лѣсъ, слѣдуя ихъ примѣру, разсѣялись по лѣсу и боярыни. Княжнѣ было привольно скакать на свѣжемъ морозномъ воздухѣ. Она смѣялась, какъ ребенокъ, когда при быстрой ѣздѣ на нее валились съ вѣтвей хлопья снѣгу, или когда конь ея скакалъ по колѣна въ снѣгу, перепрыгивая черезъ мелкій валежникъ и какъ вихрь взносился на холмы. Княжна опередила свою мачиху и теперь, обернувшись и замѣтивъ, что она ѣдетъ одна, тихо опустила поводья, задумчиво склонясь въ сѣдлѣ.

Вдругъ напротивъ нея за столѣтнимъ дубомъ показалось что-то черное, громадное. Конь ея захрапѣлъ и шарахнулся назадъ. Она не успѣла опомниться, какъ громадный саженный медвѣдь вышелъ изъ за дерева и, ставъ на заднія лапы, глухо зарычалъ...

Локсандра не была изъ трусливыхъ, она выросла среди этихъ лѣсовъ, но, увидя раскрытую пасть звѣря и его блестящіе зубы, она невольно поблѣднѣла, стараясь повернуть коня назадъ и разсчитывая спастись бѣгствомъ. Конь, однако, точно окаменѣлъ, онъ фыркалъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не трогался съ мѣста, несмотря на всѣ усилія княжны. А между тѣмъ громадный звѣрь, находившійся шагахъ въ пятидесяти, медленно приближался съ ужаснымъ ревомъ, поднявъ переднія лапы и не спуская глазъ со своей жертвы.

Въ это мгновеніе съ противоположной стороны послышался топотъ и за спиною звѣря, уже прошедшаго половину разстоянія, въ началѣ отдѣлявшаго его отъ княжны, показался всадникъ.

Княжна чувствовала, что силы ее оставляютъ. Помутившійся взоръ ея не могъ различить всадника, но въ послѣдній моментъ, теряя уже сознаніе, она подумала, что будетъ спасена. За то всадникъ узналъ княжну.

— Локсандра! крикнулъ онъ и какъ безумный соскочилъ съ коня. Умный татарскій баксмеръ всталъ какъ вкопанный и рылъ копытомъ землю, похрапывая время отъ времени. А отважный боецъ быстро шелъ впередъ, рѣшаясь одинъ на одинъ схватиться съ медвѣдемъ. Онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ рукоять ножа, выхваченнаго изъ за пояса и пристально смотрѣлъ въ глаза звѣря, медленно обернувшагося и шедшаго теперь прямо на свою новую жертву. Медвѣдь былъ уже отъ него шагахъ въ четырехъ; звѣрь, видимо, колебался, пристальный блестящій взоръ охотника приводилъ его въ смущеніе, тѣмъ не менѣе онъ ступилъ еще шагъ впередъ и поднялъ свои огромныя лапы, чтобы своротить противнику черепъ. Въ эту минуту Тимошъ ловкимъ быстрымъ движеніемъ отскочилъ немного влѣво и, прежде чѣмъ медвѣдь успѣлъ повернуться къ нему, наклонился и распоролъ ему животъ. Медвѣдь грохнулъ на землю, а Тимошъ, не взглянувъ даже на чудовище, подбѣжалъ къ полумертвой княжнѣ. Онъ бережно снялъ ее съ коня и, держа, какъ ребенка, въ своихъ рукахъ, прикладывалъ къ вискамъ снѣгъ.

Княжна открыла глаза.

— Панъ Тимошъ! воскликнула она съ изумленіемъ. А гдѣ же медвѣдь?

— Не безпокойся, княжна! отвѣчалъ козакъ, бережно ее ставя на землю и, стараясь притоптать глубокій снѣгъ. Вотъ онъ! теперь онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ! и онъ указалъ на страшное чудовище, во всю длину растянувшееся на снѣгу.

Княжна невольно содрогнулась.

— Какой огромный! прошептала она въ ужасѣ. И вы убили его! Какой же вы храбрый и сильный, вы точно сказочный витязь! Я удивляюсь вамъ и... и... заикнулась она и зардѣлась.

— Говори дальше, княжна, говори все, что у тебя на душѣ! въ волненіи проговорилъ Тимошъ и схватилъ ея руки.

— Нѣтъ, всего вамъ не нужно знать, кокетливо отвѣчала она, не отнимая руки.

— Скажи мнѣ только одно слово, княжна! просилъ Тимошъ. Я пріѣхалъ сюда для тебя, я ждалъ увидѣться съ тобой, не могъ дождаться этого желаннаго часа... Скажи мнѣ только одно слово: хочешь ли ты быть моей женой?

Локсандра вспыхнула и потупилась.

— Отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ, серьезно сказала она. Помнили ли вы обо мнѣ эти два года, думали ли, хотѣли ли меня видѣть. И если да, чего вы ждали цѣлыхъ два года?

Тимошъ смутился. Вопросъ засталъ его врасплохъ. Онъ не могъ лгать этой дѣвушкѣ: она была для него чѣмъ то чистымъ, высокимъ, святымъ.

— Нѣтъ, княжна! отвѣчалъ онъ. Пока я тебя не видѣлъ, я мало думалъ о тебѣ. Нашему брату—козаку не всегда время думать о женщинахъ.

— Вотъ видите! печально проговорила она. А я о васъ и думала, и мечтала, и во снѣ васъ видѣла. Значитъ ваша любовь ко мнѣ не очень то сильна и лучше будетъ, если вы обо мнѣ совсѣмъ забудете. Отецъ никогда не согласится меня отдать за васъ, а изъ его воли я не выйду.

Тимошъ печально опустилъ голову.

— А если твой отецъ согласится? Выйдешь за меня?

Локсандра взглянула ему въ глаза, и тихо высвободивъ свои руки, твердо сказала:

— Я ни за кого не пойду, кромѣ васъ.

Тимошъ схватилъ ее на руки и какъ ребенка прижалъ къ груди.

— Радость ты моя свѣтлая, за что на меня такое счастье свалилось съ неба.

— За то, что ты витязь! прошептала она, обвивъ его шею руками.

Онъ тихо прильнулъ къ ея губамъ и прошепталъ:

— Теперь то ты моя нареченная невѣста, никому тебя не отдамъ.

Вдали послышался топотъ приближающихся всадниковъ и

Тимошъ бережно посадилъ княжну въ сѣдло, а самъ отошелъ къ медвѣдю, стараясь подавить въ себѣ охватившее его волненіе.

На полянѣ показался князь Василій, господарша и ихъ свита.

— Локсандра! мы тебя ищемъ по всему лѣсу. Зачѣмъ забралась ты въ такую глушь? Что это? съ испугомъ проговорилъ онъ, увидавъ убитаго медвѣдя и наклоненнаго надъ нимъ охотника.

— Меня бы растерзалъ медвѣдь, еслибъ панъ Хмельницкій не убилъ его! Смотри, отецъ, какой страшный звѣрь!

Всѣ спѣшились, окружили Тимоша и звѣря, удивлялись величинѣ медвѣдя, хвалили неустрашимость охотника, рѣшившагося одинъ на одинъ, безъ вилъ и рогатины, состязаться съ такимъ звѣремъ. Только одинъ князь Василій холодно поблагодарилъ козака и подозрительно посмотрѣлъ на разгорѣвшееся лицо дочери и на блестѣвшіе глаза Тимоша. „Охъ, ужъ мнѣ эти непрошенные витязи“ думалъ онъ съ досадою, „а все бабьи капризы, не слушать бы мнѣ жены, было бы спокойнѣе“.

Охота была очень удачною, затравили много мелкаго звѣря, лисицъ, волковъ, зайцевъ, кроликовъ, убили нѣсколько вепрей, двухъ буйволовъ и трехъ медвѣдей; изъ нихъ медвѣдь Тимоша занималъ первое мѣсто по величинѣ и возрасту.

На пиру въ охотничьемъ замкѣ Тимошъ улучилъ минуту и подошелъ къ господарю.

— Мнѣ надо тебѣ сказать два слова, князь! смѣло промолвилъ онъ.

Василій повелъ его въ маленькую башенку, слабо освѣщенную луннымъ свѣтомъ.

— По нашему обычаю, князь, началъ Тимошъ, когда хлопецъ хочетъ сосватать дивчину, онъ долженъ заслать сватовъ. У меня сватовъ нѣтъ, такъ позволь мнѣ самому открыть тебѣ свое сердце. Я люблю твою дочь, князь! Хоть я и не знатнаго рода, но отецъ мой, мощный гетманъ, повелѣваетъ сотнями тысячъ храбрыхъ воиновъ. Если ты мнѣ отдашь Локсандру, и мое оружіе, и оружіе моего отца защитятъ тебя отъ твоихъ враговъ.

Василій готовъ былъ разразиться гнѣвомъ на дерзкаго козака, но его дипломатическая натура одержала верхъ надъ чувствами отца. Онъ быстро сообразилъ всѣ невыгоды своего

положенія: козаки народъ опасный, а съ ними пришли еще и татары, они только что показали чудеса храбрости, что если вдругъ, оскорбленные отказомъ, они перейдутъ на сторону его врага. Князь моментально придалъ своему лицу самое любезное выраженіе и со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ разсыпался въ похвалахъ молодому витязю.

— Я несказанно польщенъ предложеніемъ храбраго пана Хмельницкаго, проговорилъ онъ; хотя и удивляюсь, какъ могъ панъ такъ быстро полюбить мою дочь, она еще почти дитя, ей рано думать еще о замужествѣ. Пусть панъ Хмельницкій подождетъ еще годъ—другой, и если чувства его тогда не измѣнятся, быть можетъ, Локсандра и предпочтетъ стать козачкою. У нея всегда были странные вкусы! прибавилъ онъ съ досадою въ голосѣ.

Но спохватившись, тотчасъ же опять разсыпался въ любезностяхъ, благодаря Тимоша за спасеніе дочери.

ГЛАВА X.

ОТЦОВСКІЙ ВЫБОРЪ.

На, слѣдующій день Тимошъ получилъ письмо отъ отца. Богданъ приказывалъ ему какъ можно торопиться съ отъѣздомъ, такъ какъ предстояло опять биться съ ляхами. „Надѣюсь,“ писалъ онъ между прочимъ въ письмѣ, „что ты привезешь съ собою молодую жинку, на что заранѣе посылаю тебѣ мое отеческое благословеніе.“ Тимошу ничего другаго не оставалось, какъ откланяться; ему даже не удалось проститься съ Локсандрою, и только передъ самымъ отъѣздомъ, когда онъ уже садился на коня, смуглая молодая цыганка подбѣжала къ нему и сунула ему въ руку чистенько написанное письмо, замысловато сложенное въ нѣсколько уголковъ. Дочь Лупула, не въ примѣръ прочимъ боярышнямъ, была обучена грамотѣ, и Тимошъ съ удовольствіемъ прочелъ четко написанную записочку, пропитанную запахомъ сушенаго розмарина и фіалки.

„Прощай, мой рыцарь, писала Локсандра, я твоя на вѣки, и никакія силы земныя и небесныя не заставятъ меня выйти за другаго. Не вѣрь отцу: онъ обманываетъ тебя; онъ очень гнѣвался на меня и велѣлъ мнѣ выкинуть тебя изъ головы".

Тимошъ поблѣднѣлъ и закусилъ губы; онъ и раньше не довѣрялъ Лупулу, теперь получилъ доказательство его лицемѣрія. Когда онъ выѣзжалъ изъ воротъ замка и въ послѣдній разъ взглянулъ на окна своей невѣсты, одно изъ оконъ башни харема открылось, и онъ увидѣлъ стройную фигуру Локсандры, махавшую ему платкомъ. Лицо ея было блѣдно, глаза заплаканы... Когда Тимошъ снялъ шапку и почтительно ей поклонился, она закрыла лицо руками.

— Подожди, моя голубка! прошепталъ Тимошъ: не даютъ тебя добромъ, такъ я возьму силою!

Князь Василій вздохнулъ свободно, когда непрошенный женихъ убрался восвояси. Онъ позвалъ къ себѣ Кутнарскаго.

— Панъ Кутнарскій состоитъ въ перепискѣ съ княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ? спросилъ онъ его дѣловымъ тономъ.

— Съ соизволенія вашей свѣтлости, да! отвѣчалъ тотъ, настороживъ уши.

— Онъ можетъ извѣстить князя, что мы разрѣшаемъ ему свататься за дочь нашу, княжну Локсандру. А конфиденціально панъ можетъ прибавить, чтобы князь поторопился, такъ какъ есть другой претендентъ, намъ крайне нежелательный, но онъ можетъ насъ силою заставить согласиться.

— Хмельницкій? быстро спросилъ панъ.

— Да, сердито отвѣчалъ Василій.—Этотъ козакъ упалъ мнѣ, какъ снѣгъ на голову. Если панъ поможетъ мнѣ отъ него избавиться, я не забуду такой услуги.

— Въ точности исполню приказаніе вашей свѣтлости! съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Кутнарскій: осмѣлюсь только замѣтить: ея свѣтлость княжна можетъ не пожелать выйти за князя.

— Княжна сдѣлаетъ то, что я ей прикажу! сурово замѣтилъ князь и отпустилъ Кутнарскаго.

Пану Доброшевскому опять пришлось писать посланіе къ князю, и посланіе это въ самый день отъѣзда Тимоша отправ-

лено было черезъ Янкеля съ помощью пантофельной почты въ Варшаву. Оно опередило Тимоша съ его отрядомъ на цѣлыхъ три дня. Князю Дмитрію, числившемуся въ отрядѣ князя Іереміи, ничего не стоило получить отпускъ, и онъ въ сопровожденіи небольшой свиты ускакалъ въ Яссы прежде чѣмъ Тимошъ вернулся домой.

Тимошъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и быстро вошелъ къ отцу, сидѣвшему за своей сложной корреспонденціей. Онъ только что заключилъ союзъ съ Турціею и принялъ подарокъ султана: драгоцѣнную саблю, гетманскую булаву и знамя. Эти клейноты красовались въ его свѣтлицѣ и онъ съ удовольствіемъ на нихъ посматривалъ.

— Здоровъ будь, сынку! весело встрѣтилъ онъ Тимоша. Ну, каковы твои дѣла?

— Плохи, татко! отвѣчалъ Тимошъ и подробно разсказалъ о своемъ неудачномъ сватовствѣ.

По мѣрѣ того какъ Богданъ его выслушивалъ, лицо его становилось мрачнѣе, наконецъ онъ не вытерпѣлъ и, сжимая кулаки, вскричалъ:

— Ахъ, онъ вражій сынъ! Въ бѣдѣ такъ къ первому къ гетману обратился; а миновала бѣда, гетманскимъ сыномъ гнушается! Да какого же ему чорта еще нужно въ зятья, если Тимошъ не хорошъ? Слушай, сынку! прибавилъ онъ взволнованно, видишь эти клейноты,—это залогъ моей дружбы съ султаномъ, а съ этою дружбою мнѣ никто не страшенъ, не только что этотъ князекъ со своимъ ничтожнымъ княжествомъ; мы его въ порошокъ сотремъ и возьмемъ невѣсту силою. Завтра же пошлю къ нему гонца съ письмомъ да припугну его хорошенько. А теперь пойдемъ спать, а утромъ тебѣ я новость скажу, едва ли она тебя порадуетъ.

Тимошъ очень усталъ; хотя его и занимало, что за новость ему на завтра сообщитъ отецъ, тѣмъ же менѣе онъ не много объ этомъ думалъ и, повернувшись на бокъ, крѣпко заснулъ.

Ожидавшая его новость, дѣйствительно, была для него непріятна. Зелима пришла въ Украину, разсчитывая видѣться съ Тимошемъ. Многіе ее видѣли, но никто не зналъ, гдѣ и у кого

она живетъ. Богдану же она старалась не попадаться на глаза.

— Жди, сынку, что эта татарка надѣлаетъ тебѣ много бѣдъ! Только бы мнѣ удалось ее изловить, ужъ отправлю я ее обратно въ гаремъ.

Тимошъ попалъ въ положеніе человѣка, ожидающаго нападенія изъ за угла, и нѣсколько дней прошли для него въ сильной тревогѣ; но Зелима не являлась и онъ рѣшилъ, что она оставила его въ покоѣ.

Маленькій, уютный чигиринскій домикъ Богдана утопалъ въ зелени только что распустившихся ветелъ и душистыхъ тополей. Богдана не было дома, а Тимошъ сидѣлъ на завалинкѣ и задумчиво смотрѣлъ, какъ дѣти полоскались въ лужѣ на грязной площади и кормили кукурузой гусей и утокъ.

Вдругъ изъ за угла дома кто то окликнулъ его по имени. Онъ обернулся, передъ нимъ стояла молодая козачка съ смуглымъ лицомъ и огненными глазами.

— Зелима! невольно вскрикнулъ Тимошъ и почувствовалъ какъ вся кровь отхлынула у него отъ сердца.

Передъ нимъ, дѣйствительно, стояла Зелима; она сильно похудѣла; глаза ея горѣли нездоровымъ блескомъ; но лицо стало мужественнѣе, энергичнѣе, вся фигура дышала силою и страстью.

— Желанный мой! прошептала она, бросаясь къ Тимошу: наконецъ-то я опять вижу твои ясныя очи. Какъ долго, какъ долго я съ тобою не видалась!

Тимошъ собралъ все присутствіе духа и тихо высвободился изъ ея объятій.

— Зачѣмъ ты здѣсь, Зелима? тебя ищутъ въ Бахчисараѣ, отцу моему были непріятности изъ за твоего побѣга.

Зелима съ рыданіями бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Не гони меня! О, не гони меня! ломая руки, молила она. Не женись на мнѣ, если не хочешь, мнѣ все равно, только не гони меня отъ себя, не смотри на меня такъ сурово. Я слышала, ты хочешь жениться на красивой молдаванкѣ. Женись, я не буду тебѣ мѣшать, только оставь меня при себѣ. Живутъ же у насъ въ гаремахъ невольницы и ханумъ. Я буду твоею

невольницею, буду служить твоей ханумъ, няньчить твоихъ дѣтей, только бы мнѣ видѣть тебя, быть близко къ тебѣ.

— Ты съ ума сошла, Зелима! внѣ себя проговорилъ Тимошъ. Развѣ я магометанинъ, чтобы держать гаремъ. Это грѣхъ, за это Богъ накажетъ...

— Никакого грѣха нѣтъ! доказывала Зелима. У насъ тоже есть Богъ, мы тоже Ему молимся и Онъ насъ за это не наказываетъ.

— Не можно этого, не можно! Меня ужъ и такъ наказываетъ Богъ за то, что я сошелся съ тобою. Слушай, Зелима, ступай тотчасъ отсюда! Сейчасъ придетъ отецъ, если онъ увидитъ тебя здѣсь, онъ схватитъ тебя и отправитъ въ Крымъ, уходи скорѣе, если тебѣ дорога твоя свобода! Я не хочу тебѣ зла, но сердце мое остыло къ тебѣ.

Зелима поблѣднѣла и затряслась.

— А, невѣрный гяуръ! прошептала она: ты грозишь мнѣ неволею, хорошо же, отнынѣ я буду тебѣ мстить, какъ злой духъ, я буду тебя преслѣдовать и не быть тебѣ счастливымъ, пока я жива! Да отомститъ тебѣ Аллахъ за то, что ты погубилъ Зелиму!

Быстро она скрылась за домомъ, Тимошъ ее не преслѣдовалъ; въ глубокомъ раздумьѣ онъ опустилъ голову и даже не слышалъ, какъ подошелъ его отецъ.

— Гей сынку! Что ты голову повѣсилъ? весело проговорилъ Богданъ, ударивъ сына по плечу.

— Зелима здѣсь была! отвѣчалъ тотъ угрюмо.

— Что же, ты схватилъ ее, она теперь въ нашихъ рукахъ? спросилъ гетманъ.

— Нѣтъ, татко! отвѣчалъ Тимошъ.

— Какъ? ты далъ ей уйти отсюда? съ сердцемъ проговорилъ Богданъ.—Дурень же ты, хлопецъ! Ну, да не уйдетъ она отъ меня, я тотчасъ пошлю козаковъ на розыски.

Розыски оказались, однако, тщетными. Зелима какъ въ воду канула. Ребятишки видѣли, какъ она уходила отъ дома Богдана, увѣряли, что она направлялась за городъ; но куда она дѣлась, никто не зналъ.

— Пусть ее, татко! замѣтилъ Тимошъ: она не будетъ теперь ко мнѣ больше лѣзть. А мести ея я не боюсь.

Князь Дмитрій благополучно прибылъ въ Яссы и, остановясь въ корчмѣ у Янкеля, послалъ его за Кутнарскимъ. Панъ не замедлилъ явиться.

— Честь имѣю поздравить князя съ благополучнымъ пріѣздомъ! проговорилъ онъ съ поклономъ. Господарь ждетъ, не дождется князя; а будущая невѣста всѣ глаза проглядѣла! сказалъ онъ, подмигивая.

— Судя по письмамъ пана, я не слишкомъ то этому вѣрю, отвѣтилъ князь; но это ничего, я надѣюсь завоевать сердце княжны, женское сердце вѣдь всегда отзывчиво.

— Искренно желаю полнаго успѣха князю! замѣтилъ Кутнарскій: но, придерживаясь истины, считаю долгомъ предупредить, что сердце молодой княжны сильно занято козакомъ. А пока женщина занята однимъ, надъ нею трудно одержать побѣду.

Князь высокомѣрно улыбнулся.

— Мнѣ не впервой приходится имѣть дѣло съ женскимъ сердцемъ, и совѣты пана напрасны.

— Еще одну новость позволю передать князю: гетманъ прислалъ гонца съ письмомъ къ князю Василію. Завтра этому гонцу будетъ дана аудіенція.

Князь Дмитрій надменно поднялъ голову:

— Пусть его шлетъ гонцовъ! Съ этими хлопами мы скоро расправимся! Не даромъ князь Іеремія поднялся на нихъ со своею крылатою ратью. Угрозы ихъ не страшны, особенно когда я завладѣю сердцемъ Локсандры, а въ этомъ я увѣренъ.

На другое утро князь Василій засѣдалъ въ совѣтѣ и, покончивъ съ текущими дѣлами, приказалъ позвать посла отъ гетмана.

Члены совѣта переглянулись; только одинъ великій канцлеръ сидѣлъ неподвижно, скромно потупивъ взоръ. Оба губернатора Верхней и Нижней Молдавіи, великій вистерникъ или казначей, великій пагарникъ или оберъ-мундшенкъ, великій

гетманъ арміи, великій меченосецъ, всѣ насторожили слухъ, съ любопытствомъ смотря на большой пакетъ съ восковою печатью, висѣвшею на снуркѣ. Господарь вскрылъ конвертъ.

„Любезному брату нашему и другу, его свѣтлости господарю всей Молдавіи, писалъ гетманъ, могущественному и храброму князю Василію отъ великаго гетмана Малой Россіи и всего войска Запорожскаго. Желаемъ тебѣ, князь, всякаго здравія на многія лѣта, а также всей семьѣ и роду твоему. Да будетъ вѣдомо тебѣ, князь, что любезный сынъ нашъ Тимоѳей прибылъ къ намъ сего числа и передалъ намъ, что ты, князь, не хочешь отдать за него дочери твоей Локсандры. На это мы имѣемъ отвѣтить твоей свѣтлости, что храбрый и доблестный сынъ нашъ вполнѣ заслужилъ руку дочери твоей, такъ какъ сражался за тебя и спасъ тебя отъ враговъ твоихъ, и это твоей, свѣтлости слѣдуетъ цѣнить и помнить. Какъ подобаетъ по древнему славянскому обычаю я пришлю къ тебѣ, князь, сватовъ, а ты, прими ихъ съ честью и безъ отговорокъ дай свое согласіе на бракъ дочери твоей съ сыномъ моимъ Тимоѳеемъ. Если же этого не будетъ, то я буду говорить иначе и пошлю не двухъ сватовъ, а цѣлыхъ сто тысячъ".

Когда князь Василій, окончивъ чтеніе, складывалъ грамоту, руки его дрожали, а взоры метали молніи.

— Честные и вѣрные бояре наши! проговорилъ онъ, обращаясь къ совѣту. Хотя это и дѣло семейное, но я не дерзнулъ его утаить отъ васъ, моихъ совѣтниковъ и помощниковъ. Вы слышали, что предлагаетъ мнѣ этотъ самозванный гетманъ, ведущій къ погибели свою родину. Неужели мнѣ отдать на поруганіе мою милую, любимую Локсандру изъ за того только, что она полюбилась его сыну? Онъ грозитъ мнѣ мщеніемъ, если я не приму его предложенія; но развѣ не хватитъ у насъ силъ защитить себя отъ козацкой шайки?

Бояре де Сфатъ въ молчаніи смотрѣли другъ на друга, никто не рѣшался заговорить первымъ. Наконецъ гетманъ возвысилъ голосъ:

— А почему ваша свѣтлость считаете храбраго витязя, разрѣшившаго недавно наши затрудненія, недостойнымъ той

награды, которую онъ проситъ? Молодой Тимоѳей Хмельницкій завладѣлъ всѣми нашими сердцами. Такого храбраго воина и такого благороднаго рыцаря не часто можно встрѣтить, и притомъ онъ спасъ жизнь княжнѣ.

— И мы, ваша свѣтлость, прибавили губернаторы Верхней и Нижней Молдавіи, осмѣливаемся замѣтить, что для страны было бы величайшимъ несчастіемъ вторженіе такихъ испытанныхъ въ бою воиновъ, съ какими мы еще недавно бились рядомъ. Страна истощена двухлѣтними неурожаями, засухою, саранчею, моровымъ повѣтріемъ. Откуда взять средствъ для новой войны? Чѣмъ возмѣстить убытки, которыя страна понесетъ отъ непріятельскаго опустошенія.

Князь Василій съ возростающимъ гнѣвомъ слушалъ эти возраженія. Онъ едва сдерживался и не далъ боярамъ договорить.

— Бояре позабыли, крикнулъ онъ громовымъ голосомъ: что я господинъ своей страны. Вотъ уже десять съ лишкомъ лѣтъ, какъ я работаю на пользу и благо ея... Временный неурожай или саранча ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми благами, какія я предоставилъ ей въ періодъ моего управленія... Я не потерплю, чтобы семья моя покрылась безчестіемъ и заставлю васъ поддержать славу моего дома...

Онъ всталъ въ волненіи и закрылъ засѣданіе, удалившись во внутренніе покои.

Бояре съ сумрачными лицами тоже встали изъ за стола.

— Лупулъ, настоящій Лупулъ! проговорилъ вистерникъ. Что ты думаешь объ этомъ, Георгица?

— Тоже, что и всѣ, уклончиво отвѣчалъ канцлеръ: мы сами во всемъ виноваты, если волку дать волю, онъ передушитъ всѣхъ овецъ!

— И что онъ такъ кичится своею дочерью? сказалъ губернаторъ Верхней Молдавіи, убирая въ чехолъ свой позолоченный жезлъ. Если бы еще родъ его славился древностью; если бы онъ былъ потомокъ славнаго Стефана? или по крайней мѣрѣ пажа его, Могилы? А то выходецъ, больше самозванецъ, чѣмъ малороссійскій гетманъ, потому что и пріобрѣлъ то престолъ не оружіемъ, а подкупомъ... Чѣмъ тутъ кичиться?

— Да, со вздохомъ сказалъ гетманъ: бѣдная наша страна! Ради каприза этого тирана она опять обагрится кровью, опять застонетъ подъ мечомъ и огнемъ непріятельскаго вторженія...

— Однако, благородные бояре, горю не поможемъ слезами и вздохами. Надо придумать что нибудь болѣе дѣйствительное...

— Мой совѣтъ настоять на томъ, чтобы господарь выдалъ дочь свою за молодаго козака! рѣшительно замѣтилъ вистерникъ.

— А какъ на этомъ настоять? иронически замѣтилъ Георгица. Кто изъ насъ посмѣетъ теперь заговорить съ нимъ объ этомъ? Я, по крайней мѣрѣ, не рѣшусь.

Всѣ въ смущеніи примолкли и стали расходиться.

Придя домой, Стефанъ со смѣхомъ разсказалъ женѣ, что за домну Локсандру сватается именитый женихъ, украинскій козакъ Тимошъ.

— Господарь и рветъ, и мечетъ, смѣялся онъ. Наши умныя головы, совѣтники, тоже рвутъ и мечутъ только изподтишка. Вотъ еслибъ теперь натравить еще трансильванскаго князя, чтобы онъ доложилъ обо всемъ Портѣ, а Порта, говорятъ, теперь въ дружбѣ съ Хмельницкими: вотъ была бы потѣха! прибавилъ онъ, многозначительно посматривая на жену.

Онъ всегда говорилъ намеками, и жена его умѣла понимать эти намеки.

Въ тотъ же день юркая Заира уже скакала въ Трансильванію съ тайнымъ порученіемъ боярыни къ одной изъ ея бывшихъ подругъ, вышедшей замужъ за семиградскаго вельможу.

ГЛАВА XI.

СЕСТРЫ.

Въ Ясскомъ замкѣ шли приготовленія къ большимъ торжествамъ, цѣлому ряду увеселеній, которыми князь Василій собирался отпраздновать пріѣздъ своей старшей дочери, княгини Радзивиллъ. Княгиня разсчитывала провести у отца нѣсколько недѣль и уже три дня подрядъ ее ждали съ часу на часъ,

нѣсколько разъ въ день высылали на встрѣчу гонцевъ, и блестящая свита цѣлыми часами должна была дежурить во дворцѣ, такъ какъ князь отецъ хотѣлъ устроить дочери торжественную встрѣчу.

Князь Дмитрій сдѣлался въ замкѣ совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ. Въ первый его визитъ князь Василій долго бесѣдовалъ съ нимъ съ глазу на глазъ и, какъ казалось князю Дмитрію, былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ.

— Я знаю, говорилъ онъ ему: вы пылкіе юноши, всегда готовы торопиться, вы всего хотите достичь сразу, безъ труда и усилія. Положимъ, что я и принудилъ бы Локсандру за васъ выйти замужъ, это въ обычаяхъ страны, и никто меня за это не осудилъ бы; часто у насъ невѣста и въ лицо не знаетъ жениха и въ первый разъ его видитъ въ церкви... Но чтобы изъ этого вышло? Жить съ нею вамъ придется не въ Молдавіи, а въ Польшѣ; ваши женщины свободны, подвижны, дѣлаютъ, что хотятъ, заводятъ любовниковъ и гордятся ими... Локсандра и здѣсь слишкомъ своевольна, а тамъ она вамъ отплатила бы за принужденіе невѣрностью... Вотъ почему мой совѣтъ: поживите у насъ, потерпите до поры до времени, продолжите вашъ отпускъ, если нужно, еще на мѣсяцъ, и постарайтесь изгладить изъ сердца моей дочери образъ того, кто ворвался непрошенный въ ея молодую душу и такъ сильно овладѣлъ ею, что даже время не помогло ей забыть его.

Князь Дмитрій невольно соглашался съ доводами стараго господаря и, широко воспользовавшись его позволеніемъ, сталъ бывать каждый день, по цѣлымъ часамъ просиживая съ женщинами. Въ первое время Локсандра дичилась его; но онъ былъ очень остороженъ и, повидимому, ей удѣлялъ столько же вниманія, какъ ея мачихѣ и молодымъ боярышнямъ свиты. Скука и однообразіе замкнутой дворцовой жизни заставляли цѣнить общество молодаго образованнаго князя. У Дмитрія былъ пріятный голосъ и онъ недурно пѣлъ романсы и баллады, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Часто и Локсандра съ нимъ пѣла вмѣстѣ, и ихъ молодые свѣжіе голоса пріятно сливались въ гармоническое цѣлое. Дмитрій былъ живой, веселый собесѣдникъ, вы-

думывалъ для боярышенъ всевозможныя игры или составлялъ имъ рисунки для ихъ изящныхъ вышиваній. Локсандра освоилась и сдружилась съ нимъ, а князь Василій втихомолку потиралъ себѣ руки отъ удовольствія. Только одна господарша сторонилась молодаго поляка, отвѣчая холодностью на его любезную предупредительность и стараясь избѣгать его общества.

Теперь, по случаю ожидаемаго пріѣзда княгини Радзивиллъ, князь Дмитрій уже нѣсколько дней жилъ въ замкѣ и тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ княгини; съ ней должна была пріѣхать ея свита, а князю уже порядкомъ надоѣло молдавское общество, къ которому онъ былъ прикованъ по необходимости.

Наконецъ приспѣлъ запыхавшійся пажъ и доложилъ, что княгиня изволитъ приближаться къ Яссамъ.

Все засуетилось и задвигалось. Скороходы заняли свои мѣста впереди шествія, блестящая конница съ крылатыми шлемами выступала за ними, предшествуемая знаменемъ; за нею двигались знаменитые константинопольскіе и сорокскіе скороходы, калараси и имблаторы, за ними несли бунчуки, наконецъ ѣхалъ самъ князь съ старшимъ сыномъ своимъ Іоанномъ и двоюроднымъ племянникомъ, отчаяннымъ кутилой, грозою всѣхъ боярынь и боярышенъ. Князя окружали пейки въ богатыхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ серебряными кушаками. Немного отступя, ѣхала господарша съ дочерью на красиво убранныхъ лошадяхъ, окруженная своими тѣлохранителями. Потомъ слѣдовали разные придворные чины: комисіи, ватавы, булугбаши, камериры, виночерпіи, медельничары. Затѣмъ несли большое знамя, дарованное князю султаномъ, шла янычарская музыка, армаши и шествовали всѣ чины бояръ сперва служащихъ, а затѣмъ отставныхъ. Сзади слѣдовала толпа прислуги княжеской и боярской и народъ, собравшійся посмотрѣть на торжественное шествіе князя.

Княгиня Радзивиллъ въ богатомъ экипажѣ, запряженномъ въ двѣнадцать паръ коней, окруженная блестящею свитою, быстро неслась на встрѣчу отцу. Ея всегдашняя холодная разсудительность на этотъ разъ исчезла при видѣ родныхъ горъ, роднаго города, расположеннаго у подошвы холмовъ и кокетливо смотрѣвшагося своими садами въ быструю рѣку. Княгиня вышла

изъ экипажа, бросилась въ объятія отца и долго не могла промолвить ни слова отъ охватившаго ее волненія.

Локсандра соскочила съ коня и пересѣла въ экипажъ сестры, братъ, отецъ и мачиха поѣхали рядомъ. Не было конца веселымъ распросамъ и съ той, и съ другой стороны.

— А гдѣ же князь Дмитрій? спросила княгиня. Я привезла ему цѣлую кучу поклоновъ. Наши дѣвицы совсѣмъ разгнѣвались на тебя, Локсандра, что ты отняла отъ нихъ такого ловкаго кавалера.

Локсандра потупилась.

Князь Василій отдалъ приказаніе пригласить Вишневецкаго, ѣхавшаго назади среди вельможъ и бояръ. Князь Дмитрій подъѣхалъ, почтительно снялъ шапку и весело поздравилъ княгиню съ пріѣздомъ. Она милостиво ему дала поцѣловать свою руку и погрозила розовымъ пальчикомъ.

— Князь загостился въ Яссахъ! лукаво сказала она ему.

— Что дѣлать, княгиня? отвѣтилъ онъ, взглянувъ на Локсандру. Меня удерживаетъ здѣсь могучій магнитъ и я противъ воли являюсь неисправнымъ воиномъ.

Веселая процессія двинулась къ собору, гдѣ князь желалъ отслужить благодарственное молебствіе.

Только что они вступили въ ограду, ряды конницы, скороходовъ и войска быстро встали по обѣ стороны шпалерами и пропустили княжескую семью и свиту. На паперти ихъ встрѣтилъ митрополитъ съ соборнымъ духовенствомъ, съ крестомъ и святою водою. Когда князь и семья его приложились къ кресту и приняли окропленіе, митрополитъ ввелъ ихъ въ церковь, гдѣ они поклонились мѣстнымъ образамъ, князь занялъ особое устроенное для него мѣсто у праваго столба, обнесенное красивою позолоченною рѣшеткою съ княжескимъ гербомъ; надъ балдахиномъ была корона съ образомъ св. Василія. Слѣва, напротивъ князя находилось такое же мѣсто, но пониже для его сыновей. Господарша же съ дочерьми помѣстились на особомъ возвышеніи, устроенномъ у послѣдняго столба справа. Между мѣстомъ господаря и господарши помѣстились боярыни и боярышни, а за возвышеніемъ сыновей придворные чины. Князь

Дмитрій, какъ иностранецъ, занялъ мѣсто противъ возвышенія господарши и всю службу не спускалъ глазъ съ Локсандры, что не ускользнуло отъ княгини Радзивиллъ. Она улыбнулась и тихонько кивнула сестрѣ головой, показывая глазами на пылкаго юношу.

Локсандра зардѣлась и показала видъ, что не поняла сестры. Но въ сущности ей льстило и вниманіе польскаго князя, и то, что сестра не считаетъ ее больше за дѣвочку.

— Бѣдный Тимошъ! тихо промолвилъ Кутнарскій, слѣдя зоркимъ взглядомъ за происходившимъ. — Панъ Доброшевскій! шепнулъ онъ своему товарищу: дѣло козака совсѣмъ не выгоритъ.

— Не выгоритъ! послушно повторилъ тотъ, моргая подслѣповатыми своими глазами и позѣвывая.

У князя Дмитрія съ пріѣздомъ княгини Радзивиллъ въ ея лицѣ явилась сильная помощница. Нѣсколько лѣтъ, проведенныя ею въ Польшѣ, научили ее ненавидѣть и презирать мятежныхъ хлоповъ, какъ главную причину всѣхъ безпокойствъ и неудовольствій. Какъ большая часть польскихъ женщинъ аристократокъ, она не давала себѣ отчета, кто правъ или виноватъ, а чисто по женски раздѣляла антипатіи своего мужа.

Разъ какъ-то, когда обѣ сестры сидѣли въ комнатѣ Локсандры и княгиня съ восторгомъ описывала выѣзды, праздники и балы, въ комнату вбѣжала запыхавшаяся Маріанка и проговорила:

— Сваты отъ пана Тимоша пріѣхали!

Княгиня даже вскочила отъ неожиданнаго для нея извѣстія; она еще ничего не слыхала о сватовствѣ Хмельницкаго.

— Какъ? воскликнула она. Грубый дерзкій козакъ осмѣливается свататься за тебя?

Локсандра вспыхнула и подняла на нее глаза.

— Ты его совсѣмъ не знаешь! рѣзко отвѣтила она. Зачѣмъ же называешь его грубымъ и дерзкимъ? Онъ храбрый витязь, онъ побѣдоносно сражался за насъ, онъ спасъ меня отъ неминуемой смерти!

Княгиня съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣла на сестру.

— Ты съ ума сошла, Локсандра! сказала она наконецъ. Что за рѣчи? Развѣ можно говорить такъ о хлопѣ, сынѣ какого-то сотника, который измѣною временно захватилъ власть. Да, временно! возвышая голосъ, прибавила она, замѣтивъ недовольный жестъ сестры: паны, навѣрное, подавятъ и это возстаніе, какъ прежнія, а твоему витязю съ его отцемъ отсѣкутъ головы на плахѣ или вздернутъ ихъ на висѣлицу.

— Послушай, сестра! тихо, но твердо произнесла княжна.— Не я сошла съ ума, а ты помѣшалась отъ вашей панской гордости. Развѣ нашъ отецъ не былъ такимъ же самозванцемъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Я много и часто объ этомъ думала. Да и теперь онъ можетъ не сегодня, такъ завтра лишиться престола и опять мы станемъ простыми людьми... О, какъ я бы этого желала! Тогда бы мнѣ ничто не помѣшало выйти за Тимоша.

Княгиня съ сердечнымъ сожалѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Бѣдная! проговорила она.—Онъ, вѣрно, зачаровалъ тебя, у нихъ, говорятъ, есть такія колдуньи, которыя могутъ напустить болѣзнь на человѣка.

— Совсѣмъ не то, я сама полюбила его: онъ хорошій, честный, добрый, а ужъ какой храбрый, — другаго такого не сыщешь.

Княгиня смотрѣла на нее, не зная, что отвѣтить.

— Послушай, Локсандра! сказала она, наконецъ, ласково, взяла ее за руку и посадила подлѣ себя.—Положимъ, что онъ и добрый, и честный, и храбрый, но что жь изъ этого? Возможно ли, чтобы дочь господаря молдавскаго вышла за простаго козака? Будь еще онъ самъ гетманомъ? А то, представь себѣ, тебѣ придется жить въ маленькой душной хатѣ, работать, какъ простой мужичкѣ, пожалуй, смазывать мужу сапоги дегтемъ и, навѣрно, растирать табакъ... И представь! онъ будетъ пить: всѣ козаки пьютъ, и пьяный будетъ бить тебя ногайкой: они всѣ дерутся... А потомъ уѣдетъ въ походъ, у нихъ вѣчно какіе нибудь походы, а ты останешься одна одинешенька, сама будешь и кашу варить, и няньчить, и стирать... И для чего

все это? Только ради того, чтобы этотъ грубый козакъ тебя лишній разъ поцѣловалъ; ради того, что ты вообразила, будто ты его любишь...

Локсандра опустила голову. Она и сама иногда въ дурныя минуты рисовала себѣ эту мелкую будничную жизнь. Сестра ея, знакомая съ козацкимъ бытомъ, только освѣтила и дополнила эту картину.

— Я искренно люблю его и готова для него перенести все! отвѣтила она, наконецъ.—И не всѣ же козаки злые и пьяницы, Тимошъ, навѣрное, такимъ не будетъ. Притомъ онъ сынъ гетмана, ему дадутъ какую нибудь должность, онъ не будетъ бѣденъ и не захочетъ изнурять меня на тяжелой работѣ. А что надо сдѣлать, я сдѣлаю, и это даже будетъ весело, гораздо веселѣе, чѣмъ жизнь въ неволѣ, въ зависимости и отъ приличія, и отъ слугъ, и отъ пановъ.

— Но вѣдь отецъ не отдастъ тебя за Тимоша! настаивала княгиня.

— Онъ придетъ сюда съ войскомъ и возьметъ меня. Ты не знаешь, какой онъ храбрый! Передъ нимъ никто не устоитъ.

Княгиня съ гнѣвомъ посмотрѣла на сестру.

— И ты это говоришь! съ укоризною произнесла она. Ты, дочь Молдавіи, желаешь, чтобы козаки опустошили твою родину; желаешь, чтобы отецъ твой не устоялъ противъ того, кого ты и видѣла только нѣсколько разъ въ жизни. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Ты заколдована и говоришь подъ вліяніемъ чаръ.

Локсандра поблѣднѣла; въ ней происходила мучительная борьба, борьба чувства съ долгомъ, личной любви и любви къ родинѣ.

Княгиня встала и въ волненіи прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Слушай, Локсандра! сказала она, останавливаясь передъ сестрой съ горящими глазами и гнѣвнымъ лицомъ. Если ты не выбросишь эти глупости изъ головы, если ты навлечешь на Молдавію такое несчастіе, если, наперекоръ всему, ты выйдешь за этого козака... помни, я тебѣ болѣе не сестра!

Она быстро повернулась и вышла изъ комнаты, оставивъ Локсандру въ оцѣпенѣніи.

ГЛАВА XII.

СЕМЕЙНЫЙ СОВѢТЪ.

На другой половинѣ дворца въ это время князь Василій принималъ сватовъ или старостъ, какъ они себя называли по малороссійскому обычаю. Это были прилуцкій полковникъ Носачъ и полтавскій Пушкарь. Торжественно, въ сопровожденіи небольшой свиты вошли они къ князю Василію и низко поклонились.

— Пріѣхали мы къ тебѣ, свѣтлѣйшій князь, отъ великаго гетмана Малороссіи Богдана, проговорилъ Носачъ, плотный коренастый мужчина, одѣтый въ богатый атласный кафтанъ и бархатные шаровары. Просимъ свѣтлость твою выслушать насъ, пословъ, и подарить твоею княжескою ласкою.

— Что угодно панамъ полковникамъ? вѣжливо и холодно проговорилъ Василій, знакомъ приглашая ихъ садиться.

— Провѣдалъ нашъ гетманъ, что есть у тебя дочь, красавица писаная, а его сынъ тебѣ извѣстенъ, потому что онъ спасъ твою страну отъ врага. Не противно бы было твоей милости, наисвѣтлѣйшему князю, принять его въ свои зятья, а насъ, старостъ, подарить ручниками, чтобы мы могли явиться передъ свѣтлыя очи гетмана со знакомъ твоего благоволенія и согласія.

Оба полковника встали, отвѣсили по низкому поклону и снова сѣли.

Пока Носачъ говорилъ, Пушкарь, низенькій, юркій, черноглазый козакъ, зорко смотрѣлъ на князя, и насмѣшливая улыбка мелькнула на его тонкихъ губахъ, когда онъ замѣтилъ смущеніе на лицѣ господаря.

— Право, я не знаю, что отвѣтить панамъ полковникамъ? проговорилъ Василій. Это предложеніе застаетъ меня врасплохъ, я къ нему не приготовленъ, мнѣ надо подумать, посовѣтоваться съ домашними.

Разговоръ шелъ по польски, Василій не зналъ по малорусски, польскимъ же языкомъ владѣлъ, какъ роднымъ.

— Странно, наивно-добродушно проговорилъ Носачъ, видно гонецъ нашего гетмана гдѣ нибудь застрялъ въ дорогѣ, что его свѣтлость не получилъ грамоты нашего батька.

— Грамота дошла до меня, долженъ былъ сознаться князь.

— А если дошла, продолжалъ неумолимый староста, то его свѣтлость могъ и подготовиться, тамъ о сватахъ довольно ясно было сказано.

— Все таки мнѣ нужно обдумать этотъ вопросъ, а главное снестись съ турецкимъ султаномъ; я не смѣю выдать дочь безъ его согласія. Притомъ, дочь моя еще молода. Разумъ у нея дѣтскій, пусть еще поживетъ, наберется ума; вотъ такъ годика черезъ два я и не прочь буду отдать ее за пана Хмельницкаго; онъ витязь храбрый, я противъ него ничего не имѣю.

— Значитъ, задержка за турецкимъ султаномъ? переспросилъ Носачъ, лукаво посматривая на князя.

— Да! нерѣшительно подтвердилъ князь: если Порта дастъ свое согласіе, я не прочь.

— Добре! съ поклономъ подтвердилъ Носачъ: такъ мы и скажемъ батьку.

Сваты откланялись. Выйдя изъ дворца, Пушкарь толкнулъ локтемъ товарища и проговорилъ:

— А ну-ка, друже! одно дѣло исполнили, примемся за другое!

Они внимательно осмотрѣли весь городъ, побродили по его окрестностямъ, изучили пути, пересмотрѣли всю мѣстность, навели точныя справки у корчмарей и шинкарей о молдавскомъ войскѣ, его количествѣ, составѣ, устройствѣ, о его способахъ обороны и нападенія. За эти свѣдѣнія они щедро расплачивались и получали ихъ безъ особаго затрудненія. Узнавъ въ нѣсколько дней все, что имъ нужно было, они отправились обратно въ путь съ кучкою сопровождавшихъ ихъ козаковъ. Прощаясь съ Янкелемъ, у котораго они остановились и выслушивая его сожалѣніе, что козаки такъ мало погостили, Носачъ со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Не плачь, пріятель! скоро мы съ тобою опять увидимся.

Янкель понялъ намекъ и такъ испугался, что ноги у него подкосились.

— Ай вай, панъ полковникъ! Что вы говорите?

— То и говорю, отрѣзалъ Носачъ, что мы скоро еще разъ пріѣдемъ сватать вашу княжну. Только ужъ не одни, а съ такими сватами, что вамъ жарко станетъ.

Янкель намоталъ себѣ это на усъ и въ тотъ же день передалъ это Кутнарскому.

Панъ Кутнарскій въ свою очередь тотчасъ же доложилъ князю о рѣчахъ полковника.

Князь Василій совершенно растерялся. Отъ государственнаго совѣта онъ не ждалъ помощи, а потому рѣшилъ созвать совѣтъ семейный и сдѣлалъ исключеніе только для Георгицы,—онъ ему довѣрялъ больше, чѣмъ другимъ. Князя Дмитрія тоже пригласили участвовать въ семейномъ совѣщаніи; и въ то время когда Локсандра одиноко сидѣла въ своей дѣвичьей комнатѣ въ верхнемъ этажѣ высокой башни, съ тоской посматривая на ряды холмовъ, тянущихся за городомъ, въ одной изъ нижнихъ залъ замка собрались всѣ прочіе члены княжеской семьи, чтобы рѣшить ея участь. Гордая княгиня Радзивиллъ высоко держала голову, какъ бы сознавая важность предстоящаго рѣшенія; господарша смотрѣла сурово и мрачно и нѣсколько разъ замѣтила мужу, что Локсандрѣ слѣдовало бы здѣсь присутствовать. Василій сперва отмалчивался, потомъ рѣзко замѣтилъ:

— Она еще слишкомъ молода, чтобы имѣть свой голосъ, какъ я рѣшу за нее, такъ и будетъ.

— Добрые мои друзья и родственники! обратился онъ, когда всѣ чинно сѣли за столъ, освѣщенный толстыми восковыми зеленоватыми свѣчами въ высокихъ шандалахъ, наполнявшими воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Всѣмъ вамъ извѣстно, зачѣмъ я собралъ васъ и о чемъ я хочу слышать ваше мнѣніе. Мнѣ не отъ кого ждать помощи, кромѣ васъ, а между тѣмъ отъ нашего рѣшенія зависитъ многое, такъ какъ панъ Кутнарскій передалъ намъ, что козаки грозили вторженіемъ въ Молдавію. Такъ ли я понялъ переданное вами извѣстіе, панъ? обратился онъ къ Кутнарскому, сидѣвшему на концѣ стола рядомъ со своимъ неизмѣннымъ товарищемъ.

— Совершенно такъ, ваша свѣтлость! отвѣтилъ тотъ, привставъ.

— Что же теперь намъ дѣлать? обратился князь къ присутствующимъ.

Княгиня Радзивиллъ уже давно порывалась высказать свое мнѣніе и нетерпѣливо ожидала конца отцовской рѣчи.

— Отецъ! обратилась она къ князю: можешь ли ты спрашивать объ этомъ? Возможно ли нашему дому породниться съ выскочкой, проходимцемъ, которому въ будущемъ грозитъ достойное наказаніе за мятежъ?

— Да, но въ силахъ ли мы будемъ защититься отъ такого нападенія? возразилъ Василій.

— Надо искать помощи! энергично проговорила княгиня Радзивиллъ. Вся Польша ненавидитъ этихъ хлоповъ. Пусть они сюда заберутся, какъ въ ловушку; стоитъ только объ этомъ заранѣе дать знать панамъ и ихъ прихлопнутъ, какъ мухъ.

— Что думаетъ объ этомъ князь? обратился Василій къ Вишневецкому.

— Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ княгини, и первый готовъ содѣйствовать осуществленію этого плана. Я думаю, что оба гетмана и польный, и коронный согласятся оказать князю помощь. Они могутъ даже преградить путь козакамъ и не допустить ихъ въ Молдавію.

— Я предложу еще другой путь, скромно вставилъ Георгица. Всякое дѣйствіе имѣетъ причину и въ настоящемъ случаѣ причина прекрасная княжна. Нельзя ли заблаговременно устранить эту причину?

— Что хочетъ сказать мой благородный вѣрный бояринъ? въ недоумѣніи спросилъ Василій.

— Я думаю у прекрасной княжны такъ много обольстительныхъ качествъ, что и кромѣ Тимоѳея Хмельницкаго найдется достаточно жениховъ. Надо выдать ее замужъ, и тогда гетману не за кѣмъ будетъ присылать войско.

Молчавшая до сихъ поръ господарша гнѣвно взглянула на великаго логофета.

— Бояринъ говоритъ о дочери своего господаря, какъ о вещи, которую можно продать, или отдать въ залогъ, не спросясь ея согласія. Конечно, я только женщина, въ дѣлахъ ва-

шихъ мало смыслю, да и Локсандра мнѣ не родная дочь; но она выросла на моихъ глазахъ, я знаю ея нравъ, ея сердце и удивляюсь, какъ можетъ родной отецъ такъ безжалостно жертвовать своимъ ребенкомъ и ради чего? Ради пустаго тщеславія, даже не ради блага родины, такъ какъ родинѣ отъ этого грозитъ бѣда. Чѣмъ Тимошъ не женихъ для Локсандры? Мужественный, храбрый, воинственный, чѣмъ онъ тебѣ не зять? Зачѣмъ тебѣ нужно имя, нужна родословная? Мало ли въ нашей землѣ мелкихъ людей безъ имени, безъ рода и племени, умомъ, храбростью и мужествомъ достигаютъ почестей и славы. Съ такимъ затемъ, какъ этотъ степной орелъ, ты можешь смѣло глядѣть въ глаза твоимъ врагамъ, и только тотъ, кто желаетъ твоего несчастія можетъ совѣтовать тебѣ иное! закончила она, гордо взглянувъ на Георгицу.

Василій не зналъ, на что рѣшиться. Увѣренный, энергичный голосъ господарши пробудилъ въ немъ чувства отца, а обликъ Тимоша, такъ ловко ею очерченный, всталъ передъ нимъ въ эту минуту совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. „Зачѣмъ ему въ самомъ дѣлѣ родовитый зять? онъ самъ настолько могущественъ, что можетъ его поднять на высоту; не онъ ли хотѣлъ посадить на валашскій престолъ своего сына? это ему не удалось; почему бы теперь не попытаться это же сдѣлать для зятя. Такой отважный, храбрый, притомъ простодушный воинъ, какъ Тимошъ, конечно, не вышелъ бы изъ его воли и былъ бы только его намѣстникомъ.“ Все это молніей пронеслось въ его головѣ, онъ уже совсѣмъ склонился на сторону своей жены, какъ вдругъ совершенно неожиданное обстоятельство сразу измѣнило потокъ его мыслей.

Въ комнату поспѣшно вошла Локсандра, блѣдная, взволнованная, съ блестящими глазами. Ничего не подозрѣвая, сидѣла она на своей вышкѣ, когда вѣрная Маріанка передала ей, что дѣлалось въ замкѣ. Локсандра быстро подошла къ отцу и смѣрила его гордымъ, негодующимъ взглядомъ.

— Отецъ! сказала она. Затѣмъ ли ты воспиталъ меня и сдѣлалъ изъ меня человѣка, чтобы теперь сбывать меня, какъ ненужную вещь? Я знаю, что въ этой странѣ посылаютъ доче-

рей подъ вѣнецъ, не спрашивая ихъ согласія. Знаю, что по закону ты можешь со мною сдѣлать все, что хочешь; но въ жилахъ моихъ течетъ албанская кровь, отецъ! Я люблю свободу и дамъ себя лучше убить, чѣмъ пойду въ неволю.

Василій, гнѣвный, всталъ съ своего мѣста

— Какъ смѣешь ты такъ говорить со мною! крикнулъ онъ. Со мною, давшимъ тебѣ жизнь, взростившимъ и воспитавшимъ тебя! Ты обязана мнѣ повиноваться и не смѣешь разсуждать о томъ, кого я изберу тебѣ въ мужья.

Онъ подошелъ къ князю Дмитрію, взялъ его за руку и подводя къ княжнѣ, сказалъ:

— Вотъ твой женихъ, ни о комъ другомъ не смѣй и, думать!

Локсандра взглянула на Вишневецкаго, и во взглядѣ ея было столько негодованія и отвращенія, что князь невольно отступилъ на шагъ.

— Князь желаетъ купить меня, какъ невольницу гарема. Что жъ? это славный подвигъ для именитаго князя, достойный его предковъ...

— Бога ради, княжна! началъ было Вишневецкій.

— Ни одного слова болѣе, Локсандра! прервалъ ее князь Василій: ты пойдешь сейчасъ въ харемъ и безъ моего позволенія здѣсь не покажешься! Если же ты меня ослушаешься, то я съумѣю тебя научить приличію! грозно прибавилъ онъ вслѣдъ, запирая за нею дверь.

— Друзья мои! продолжалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ, желая подавить свое волненіе. . Я остаюсь при мнѣніи большинства, и слѣдую совѣту мудраго Георгицы. Князь Дмитрій почтилъ меня просьбою руки моей дочери, я даю мое благословеніе на этотъ бракъ, завтра же пошлю гонца къ турецкому султану испросить его разрѣшенія. Съ другой стороны, я воспользуюсь и совѣтомъ моей старшей дочери, постараюсь заключить союзъ съ польскими гетманами на случай нападенія со стороны козаковъ. На пана Кутнарскаго я возлагаю порученіе немедленно отправиться въ путь съ моею грамотою къ коронному гетману пану Потоцкому.

Кутнарскій отвѣсилъ низкій поклонъ и благодарилъ за оказанную ему честь.

— Его свѣтлость позволитъ мнѣ взять съ собою моего вѣрнаго друга и товарища, прибавилъ онъ, указывая на Доброшевскаго.

— Какъ угодно будетъ пану, отвѣтилъ Василій.

— Итакъ мы собираемся съ паномъ въ дорогу! весело проговорилъ Кутнарскій, выходя изъ зала и хлопнувъ по плечу Доброшевскаго.

На этотъ разъ панъ Доброшевскій былъ видимо не въ духѣ и не нашелъ нужнымъ поддакивать товарищу.

— Что за идея посылать насъ съ паномъ? угрюмо пробормоталъ онъ, придавая особенно трагическое выраженіе своему лицу. Не нашлось у него для этого своихъ бояръ. Вонъ они у него какъ разжирѣли. Послалъ бы это толстое брюхо, Бурдуца, ему полезно было бы промяться. Только что прижился человѣкъ, освоился немного, и гнать его, какъ собаку, да еще въ самую пасть возстанія. Попомни мое слово, панъ, проглотятъ насъ козаки, принесетъ намъ несчастіе это путешествіе.

— Что ты каркаешь, какъ зловѣщая птица? съ сердцемъ сказалъ Кутнарскій.

Ему и самому не улыбалось это опасное путешествіе. Доброшевскій не сказалъ болѣе ни слова, онъ поднялъ мрачно брови и застылъ съ выраженіемъ покорной жертвы.

О. Рогова.

(*Конецъ второй части*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

183.

Шпитали.

Съ принятіемъ христіанства возникло и оформилось на Руси призрѣніе нищихъ въ формѣ богадѣленъ. Забота о нищихъ возложена была на церковное управленіе. Церковный уставъ в. кн. Владиміра передаетъ церковному управленію больницы, богадѣльни и странноприимные дома, причемъ постановленіе это заимствовано изъ Юстиніанова кодекса, съ сохраненіемъ порядка въ вычисленіи разрядовъ людей, подлежащихъ церковной благотворительности. Князья щедрой рукой раздавали нищимъ милостыню. При монастыряхъ устраивались больницы и богадѣльни. Въ „Поученіи Кирилла", обращенномъ къ одному князю, сыну Александра Невскаго, сказано, что земли и дома даны князьями и боярами церквамъ „крылошанамъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ многъ прокормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастѣхъ пособіе, въ пожарѣхъ, въ потопѣ, плѣннымъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе"... Шпитали покрыли всю Русь, южную и сѣверную. По селамъ у приходскихъ церквей бывали дома для нищихъ. Въ Дозорной книгѣ г. Галича (н. костром. губ.) 1609—1610 г. говорится, что у церкви во имя царя Константина на тяглой черной избѣ 7 избушекъ, а въ нихъ живутъ пономарь да 6 нищихъ; питаются они отъ церкви, по приходнымъ людямъ, у храма Рождества Христова 4 чел. нищихъ и т. д., всего въ го-

[1]) „Кіевская Старина" 1890 г., № 6.

родѣ 68 человѣкъ". Въ Москвѣ въ XVII ст. богадѣльни были при многихъ церквахъ; онѣ содержались по большей части на счетъ царской казны (*Лешковъ*, Рус. народъ и госуд., 588—600). Еще болѣе многочисленны были шпитали въ южной Руси. Здѣсь они находили поддержку иногда у королей, обыкновенно у церковныхъ братствъ, цеховъ и частныхъ лицъ. Въ шпиталяхъ помѣщались нищіе, бѣдняки и неизлѣчимо больные; иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ; иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе, одежда, обувь, пища, постели и пр. Для завѣдыванія шпиталями назначались старшіе изъ шпитальныхъ; главное же наблюденіе за шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ и священникамъ при церквахъ вмѣстѣ съ ктиторами. (*Ефименко*, въ „Кіев. Стар.", 1883, IV, 718). Южнорусскіе шпитали XVII в. были настолько хорошо организованы, что оказали вліяніе на московскія богадѣльни того времени, съ переходомъ многихъ южнорусскихъ ученыхъ на службу въ Москву. Въ 1682 г. царь Ѳеодоръ алексѣевичъ издалъ указъ о построеніи въ Москвѣ двухъ „шпиталенъ", причемъ для обезпеченія ихъ назначались вотчины, бывшіе за архангельскимъ владыкою и за Знаменскимъ монастыремъ. „А въ государствѣ и городахъ, сказано въ уставѣ, гдѣ такіе шпитальни построены, великая отъ того польза, какъ ниже видно, ибо эти шпитальни, *по европскимъ обычаямъ*, будутъ имѣть слѣдующія выгоды: 1) доставлять пристанище бѣднымъ, увѣчнымъ и старымъ, особенно служилымъ военнымъ людямъ, 2) помогутъ отдѣлить истинно нуждающихся отъ гулящихъ бродягъ, 3) чѣмъ положится конецъ воровству отъ бродягъ; 4) есть нищіе съ страшными болѣзнями, что нельзя чреватой женщинѣ ихъ видѣть, не испугавшись, и такихъ больныхъ должно лѣчить. Шпитальни должны находиться подъ управленіемъ добраго дворянина, ради любви служащаго, и подъячаго, завѣдывающаго хозяйственною частью. Средствами шпиталенъ должны послужить сборы по церквамъ" (*Лешковъ*, ib., 602). Несомнѣнно, что указъ внушенъ царю Ѳедору Алексѣевичу южнорусскими учеными, проживавшими въ Москвѣ, можетъ быть, незадолго передъ тѣмъ умершимъ Епифаніемъ Славинецкимъ

(† 1675 г.) или Симеономъ Полоцкимъ († 1680 г.). Славинецкій интересовался, какъ видно изъ его сочиненій, вопросомъ объ организаціи благотворительности на разумныхъ началахъ.

Съ теченіемъ времени въ Малороссіи пали церковныя братства, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ упадокъ и шпитали. Въ лѣвобережной Малороссіи, въ частности въ харьковской губерніи, кое-гдѣ по селамъ еще удержались шпитали, какъ обломокъ старины, но уже безъ поддержки со стороны церкви. Объ одномъ такомъ шпиталѣ (въ слободѣ Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда) я говорилъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1883 г., IX—X, 309.

Естественно возникаетъ мысль, нельзя ли поддержать это филантропическое народное учрежденіе тамъ, гдѣ оно сохранилось до сихъ поръ, и вызвать его къ жизни въ мѣстностяхъ, гдѣ его нѣтъ. Шпиталь тѣмъ и дорогъ, что представляетъ собой въ высшей степени простой, исторически испытанный и испробованный, вполнѣ народный способъ оказанія помощи сельскому бѣдняку, калѣкѣ, немощному и больному,—однимъ словомъ, той удрученной недугами и нищетой части крестьянскаго населенія, которая слоняется подъ окнами съ торбой за плечами, живетъ подаяніемъ и, попавши разъ въ большой городъ, увеличиваетъ населеніе „чертовыхъ гнѣздъ“.

Кто же позаботится о возрожденіи шпиталей? Скорѣе всего за это дѣло должно взяться земство, и на него болѣе всего можно разсчитывать.

Въ числѣ обязанностей, перешедшихъ къ земству отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія, стоитъ и призрѣніе безпомощныхъ безъ различія сословій. На этотъ предметъ земства затрачиваютъ довольно значительныя средства, но тѣмъ не менѣе нужду въ призрѣніи удовлетворяютъ лишь въ самой ничтожной степени. Для расширенія дѣла призрѣнія безпомощныхъ нужна такая организація его, которая привела бы къ значительному удешевленію расходовъ. Подъ вліяніемъ этой необходимости нѣкоторыя земства стремятся къ учрежденію сельскихъ богадѣленъ, въ которыхъ, при невзыскательной сельской обстановкѣ, содержаніе богадѣльцевъ, обходилось-бы дешево. Обращеніе земства къ крестьянскимъ обществамъ по этому предмету имѣло успѣхъ. Сельскія богадѣльни существуютъ уже въ херсонской, полтавской и другихъ губерніяхъ. Казанское уѣздное

земство на послѣднемъ собраніи постановило открыть днѣ такія сельскія богадѣльни на средства земскаго сбора. Но факты показываютъ, что въ дѣлѣ улучшенія системы призрѣнія среди сельскаго населенія земства могутъ оказать чрезвычайно полезное вліяніе просто одной своей иниціативой. Всѣ напр. обращенія земствъ къ сельскимъ обществамъ, за помощью для устройства сельскихъ богадѣленъ, встрѣчаютъ самое живое сочувствіе населенія. Въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, всѣ сельскія общества, кромѣ нѣмецкихъ колоній, гдѣ общественное призрѣніе уже давно организовано, единодушно отозвались на предложеніе земства устроить богадѣльни для призрѣнія безпомощныхъ крестьянъ и изъявили готовность нести и свою долю постоянныхъ расходовъ, кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ пожертвованій. Въ полтавской г.б. нѣсколько лѣтъ тому назадъ существовало уже 8 сельскихъ богадѣленъ, содержимыхъ на средства самыхъ обществъ; затѣмъ земство могло бы вызвать въ сельскихъ обществахъ самопомощь въ дѣлѣ призрѣнія безпомощныхъ въ формѣ образованія для этого приходскихъ попечительствъ. Гадячское земство (полтавской губ.), желая, чтобы „заботы по призрѣнію неимущихъ были возложены на приходскія попечительства, ходатайствовало о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ въ законѣ“. Въ петербургскихъ уѣздахъ, благодаря заботамъ земства, приходскія попечительства обнаруживаютъ полезную дѣятельность. Столичныя газеты сообщаютъ, что по почину земства въ псковскомъ уѣздѣ болѣе чѣмъ въ половинѣ волостей учреждены попечительства для призрѣнія неспособныхъ къ труду, причемъ крестьяне приговорами обложили себя особымъ сборомъ отъ 5 до 10 коп. съ души на устройство небольшихъ сельскихъ богадѣленъ. Псковскому земскому собранію было предложено учредить особое уѣздное попечительство для объединенія дѣла призрѣнія во всемъ уѣздѣ, и предложеніе это было принято собраніемъ. Всѣ эти факты показываютъ, что земство можетъ способствовать организаціи по деревнямъ призрѣнія безпомощныхъ. Несомнѣнно, что многіе поддержатъ доброе дѣло. Прежде всего шпиталь найдетъ поддержку въ сельскомъ крестьянскомъ обществѣ; оно дастъ хату, дрова и т. п. Полицейская власть окажетъ поддержку, если стѣснитъ посторонніхъ, захожихъ нищихъ и попрошаекъ, что бы они не конкуррировали въ выпрашиваніи милостыни съ шпи-

тальными нищими. Окажетъ поддержку и земскій врачъ осмотромъ больныхъ, практически полезнымъ совѣтомъ. Возстановляя шпитали старожитнаго характера, земство будетъ продолжать нить историческихъ учрежденій, освященныхъ многовѣковой давностью и всенароднымъ расположеніемъ.

184.

Шпитальные, какъ сторожа у коворота.

Въ зимнее время шпитальные пользовались поддержкой сельскаго общества относительно помѣщенія, отопленія и прокормленія. Въ лѣтнее время наиболѣе крѣпкіе изъ шпитальныхъ нищихъ оказывали обществу услугу, оберегая примыкавшія къ селу хлѣбныя нивы отъ потравы. Улица въ концѣ села, ведущая въ поле, загораживается поперекъ тыномъ, съ воротами въ серединѣ, а возлѣ этихъ воротъ устраивается куренъ, гдѣ и проводитъ все лѣто шпитальный. Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ шпитальныхъ въ харьковской губерніи. Такъ, въ свободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда шпитальные лѣтомъ сидятъ у царины въ куреняхъ сторожами и оберегаютъ засѣянное озимымъ хлѣбомъ общественное поле отъ скота. Обычай этотъ старинный. Нѣкогда онъ отличался большей сложностью, какъ видно изъ слѣдующаго документа: „мы жители села Талалаевки (полтавской губ.) въ прошломъ 1741 г. мая 17 дня были по обычаю христіанскому на праздникѣ Сошествія св. Духа у литургіи въ храмѣ св. Параскевы. Въ этотъ день, по окончаніи божественнаго пѣнія, вышедши изъ церкви, согласно всѣ приговорили подождать передъ церковію честнаго іерея о. Григорія, пока онъ выйдетъ изъ церкви, чтобы посовѣтываться, кому изъ насъ царину оправить и хлѣбъ въ поляхъ стеречь. У насъ въ с. Талалаевкѣ по давнему обычаю, отъ коихъ поръ церковь существуетъ, такъ бывало, что службу и стражу церковную отбываютъ старцы, живущіе въ церковномъ шпиталѣ. Изъ нихъ же назначается и на стражу къ ковороту, и никто не долженъ назначать коворотныхъ сторожей, кромѣ священника. Когда вышелъ изъ церкви честный отецъ Григорій, мы всѣ согласно, по давнему обычаю, сказывали ему съ просьбою

бою, дабы назначенъ былъ въ коворотъ изъ шпиталя Матеей, старецъ шпитальный. И призвавши изъ шпиталя вышеозначеннаго старца предъ насъ всѣхъ вообще, о. Григорій подалъ ему свое іерейское благословеніе сидѣть на коворотѣ, а отъ насъ всѣхъ обще учинился ему приказъ, дабы въ коворотѣ былъ осторожнымъ и въ посѣвы мірской скотины не впускалъ бы, и, кто ѣдетъ, отворялъ бы ворота и затворялъ. И онъ, стражникъ вышеозначенный, выслушавши отъ насъ всѣхъ вообще приказъ, положилъ на себѣ крестъ, по обычаю христіанскому, поклонился отцу Григорію, прося у него благословенія, и всей громадѣ" (*Крыжановскій*, въ „Руковод. для сельск. паст." 1864 г., I, 226; дѣло изъ архива кіевск. духов. консист. 1742 г., № 17, л. 1).

Изъ приведеннаго документа не видно, чтобы „коворотные старци" получали вознагражденіе; но таковое могло быть, напримѣръ, въ той формѣ, въ какой проявляется нынѣ въ с. Боромлѣ. Здѣсь даютъ коворотному сторожу по одному снопу съ воза, когда везутъ жито съ поля; но эта плата не обязательна, и люди скупые, особенно при плохомъ урожаѣ, не даютъ снопа.

185.

Полевые кресты, или фигуры.

Во всѣхъ губерніяхъ юго-западнаго края, а отчасти въ ананьевскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ херсонской губ. весьма распространенъ обычай ставить въ поляхъ и на дорогахъ, преимущественно на перекресткахъ, „фигуры" т. е. деревянные кресты. Въ лѣвобережной Малороссіи почти нѣтъ этого обычая. Въ глинскомъ уѣздѣ черниговской губ. за здоровье дѣтей ставятъ на перекресткахъ кресты (*Кавелинъ*, Сочиненія, IV, 211). Въ харьковской губерніи кресты ставятъ лишь надъ колодцами. По народному повѣрью, записанному въ кіевской губ., для того, чтобы хозяйство развивалось, нужно поставить въ полѣ крестъ, выкопать въ селѣ три колодца и дать денегъ въ церковь на три обѣдни (*Rulikowski*, въ Zbiór wiad., III, 103). По окраскѣ креста можно иногда опредѣлить причину, почему онъ поставленъ. Такъ, крестъ, поставленный по

обѣту, окрашиваютъ въ синюю или зеленую краску. Крестъ, выкрашенный черной или красной краской, показываетъ, что на томъ мѣстѣ совершено убійство или найденъ убитый (*Левченко,* въ Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ., II, 144). Въ чигиринскомъ у. кіевской губ. записанъ слѣдующій народный разсказъ: „развѣ напрасно настановлено столько крестовъ въ поляхъ на перекресткахъ. Ѣхать на Каменку – крестъ, отъ Яроваго—крестъ, отъ Райгорода—крестъ, вблизи Выгоды—крестъ, возлѣ Хандусеваго млина—крестъ, возлѣ Лебедивки на курганѣ—крестъ, и всѣ то кресты противъ нечистой силы, „по сей дубъ мыла тоби“, и далѣе нѣтъ ходу. Временемъ, какъ встанешь на курганѣ да посмотришь вдаль и кругомъ, то и тамъ и сямъ ѣдутъ люди возами, и вездѣ у крестовъ молятся, крестятся, бьютъ поклоны. И все таки нечистая сила находитъ случай повредить людямъ. Такъ и въ нашемъ селѣ Копѣйчинѣ—крестовъ кругомъ много, а ночью нельзя выйти за порогъ хаты, чтобы нечистая сила не выкинула какой-нибудь штуки. Лѣтомъ еще туда-сюда: ночи теплыя и короткія, и даже черти въ это время живутъ довольно смирно, побѣгаютъ по степи да и заснутъ гдѣ-нибудь на межахъ подъ грудками земли. Въ долгія зимнія ночи и черти обозляются; привыкши къ адскому огню, безъ шубъ, они страдаютъ отъ холода и всячески прицѣпляются къ людямъ.“ (*Podbereski,* въ Zbiór wiadom., IV, 48). Черти и особенно вѣдьмы собираются у крестовъ и причиняютъ людямъ и самимъ крестамъ вредъ. „Нигдѣ нѣтъ такого страха, какъ у того креста на распутьи дорогъ подъ лѣсомъ, который стоитъ на дорогѣ изъ Кохановки въ Оситняжку; вечеромъ тутъ всегда появится что-нибудь таинственное, то сова пролетитъ, то филинъ крикнетъ, то заяцъ перебѣжитъ дорогу. Волы въ этомъ мѣстѣ начинаютъ ревѣть, рыть землю копытами, наставлять рога противъ невидимаго врага. Если оглянуться назадъ, проѣхавши мимо креста, то сзади котится за возомъ черная копна, будто возъ сѣна. Нечистая сила боится воловъ и даетъ имъ дорогу, а конямъ она по ночамъ проходу не даетъ, загораживая въ видѣ копны имъ дорогу“ (ib. 6). Вѣдьмы издѣваются надъ крестомъ. Онѣ по ночамъ лазятъ на крестъ вверхъ ногами (*Чубинск.,* I, 198) и потомъ висятъ внизъ головой (*Краснокутскій* и др.).

Послѣдняя подробность, т. е. положеніе вѣдьмъ вверхъ ногами, повторяется въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ другихъ народовъ. Вотяки вѣрятъ, что шайтанъ влѣзаетъ на дерево, становится вверхъ ногами и обращаетъ къ небу голый задъ; тогда молнія бьетъ въ это самое дерево. По повѣрью сибирскихъ крестьянъ, мѣсяцъ портятъ, становясь окарачь и смотря промежъ своихъ ногъ (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монг., IV, 816).

Къ этимъ сказаніямъ примыкаютъ многія другія, въ которыхъ положеніе вверхъ ногами является прямой или символической формой смертной казни. Въ русскихъ сказаніяхъ повѣшеніе вверхъ ногами разсказывается о в. к. Игорѣ; въ монгольскихъ о Сурганѣ, въ Рамаянѣ о царѣ Тричанкѣ. Въ „Прѣніи Господа съ дьяволомъ" дьявола вѣшаютъ стремглавою за пяты (ib., 816).

Украинскія „фигуры" не представляются одинокимъ явленіемъ въ бытовой жизни славянъ и инородцевъ. Въ Великороссіи фигурамъ соотвѣтствовали изрѣдка также кресты, чаще обыденныя церкви и часовни пятницы. Часовнями-пятницами назывались столбы на перекресткахъ съ изображеніемъ св. Параскевы-Пятницы. Памятники эти имѣли также священно-мистическое значеніе. При нихъ происхождили разставанія и встрѣчи съ близкими и дорогими людьми; у этихъ пятницъ-часовенъ дѣвушки вымаливали себѣ хорошихъ жениховъ (*Калинскій*, въ Зап. г. общ. по о. этн., 1877, 312).

У поляковъ полевые крыжи имѣютъ большое значеніе: скребутъ и съѣдаютъ кусочки дерева въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, бросаютъ въ рѣку кусочекъ дерева отъ „фигуры", чтобы вызвать дождь (*Federowski*, Lud., II, 283). Подобно малороссамъ, и поляки вѣрятъ, что чаровницы съ цѣлью вызвать засуху взбираются на фигуру и спускаются головой внизъ (*Piątkowska*, въ Wisła, 1889, 766).

У сербовъ праздникъ „сельска слава" въ день святаго, котораго извѣстное село или деревня считаетъ своимъ покровителемъ, называется иногда крсти, отъ креста, вырѣзаннаго на деревѣ, у котораго сельчане собираются, за неимѣніемъ церкви, чествовать своего св. покровителя (*Дриновъ*, Нѣск. словъ объ яз. и об. дебр. слав., 22).

Въ Болгаріи ставятъ на горахъ кресты въ Юрьевъ день, и эти горы, по имени Георгія или другаго святаго, кому онѣ посвя-

щены, называются св. Гёрги, св. Петка, св. Никола и т. д. Около креста въ честь Георгія священникъ освящаетъ воду и кропитъ народъ (*Каравеловъ*, Памятн., 211).

Въ западныхъ католическихъ странахъ, въ южной и западной Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, по рощамъ, полямъ и въ городахъ очень часто встрѣчаются кресты съ изображеніемъ Спасителя и столбы съ Мадонной.

Къ украинскимъ фигурамъ по формѣ и отчасти значенію близко подходятъ древне-мексиканскіе кресты. Въ символѣ креста американцы обожали оплодотворяющую силу земли и воздуха, дождь. Перуанскіе инки особенно почитали крестъ, изваянный изъ цѣлаго кристалла яшмы. Много каменныхъ крестовъ разсѣяно въ южной и средней Америкѣ. Поклоненіе крестовиднымъ божествамъ дождя у древнихъ мексиканцевъ соединялось съ человѣческими жертвами. Для умилостивленія богини урожая Сентеотли ежегодно пригвождали ко кресту юношу или дѣвицу, которые потомъ умерщвлялись стрѣлами. Въ древнемексиканскихъ іероглифическихъ рукописяхъ находятся изображенія креста съ птицами вверху и съ жертвенными орудіями у подножія. Въ видѣ креста почитался верховный богъ тольтековъ Кветсалькуатль, богъ дождя и здоровья. Онъ именовался древомъ питанія и жизни. Въ главныхъ мѣстахъ поклоненія ему находились особенно чтимые каменные кресты огромнаго размѣра. Въ американскомъ культѣ креста обращаетъ вниманіе грозное, карающее его значеніе. (*М. П. Соловьевъ*, въ Вѣст. Изящ. Иск. 1887, V, 266).

Украинскимъ фигурамъ соотвѣтствуютъ у осетинъ дзуары—мѣста, пользующіяся религіознымъ почитаніемъ и духи-покровители. Иногда дзуаръ есть древняя христіанская церковь или часовня, сдѣлавшаяся съ теченіемъ времени языческимъ капищемъ, иногда горная пещера, роща, дерево, камень и т. п. Есть дзуары, пользующіеся извѣстностью во всей Осетіи; другіе же извѣстны только въ своемъ аулѣ. Наиболѣе извѣстные дзуары—Рекомскій (деревянная полуразрушенная часовня), Тыхоста (большой камень), дзуаръ козла у с. Думты (сарай изъ камней), Гулари-Габони (мѣсто, обложенное камнями) и др. (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 255—262).

У алтайцевъ существуетъ обычай приносить жертвы у „обо“, т. е., у кучъ, сложенныхъ изъ камней (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-

зап. Монг. IV, 91). Этотъ обычай существуетъ по всему свѣту. На плоскогоріяхъ Перу и Боливіи на горныхъ вершинахъ лежатъ апачеты—кучи камней, мимо которыхъ ни одинъ погонщикъ муловъ не пройдетъ, не прибавивъ къ памятнику новаго камня. Капитанъ Спикъ нашелъ этотъ обычай у источниковъ Нила. Подобныя каменныя пирамиды Адольфъ Бастіанъ видѣлъ въ Бирмѣ и на о. Борнео; братья Шлягинтвейтъ—въ Тибетѣ, Мичи—въ Монголіи, Эберсъ—на Синайскомъ полуостровѣ (*Пешель*, Народовѣдѣніе, I, 23—24). Кучи изъ камней религіознаго значенія встрѣчаются въ Бѣлоруссіи, въ зырянскомъ краѣ, на Уральскомъ хребтѣ у башкиръ (*Потанинъ*, Оч. сѣв.-зап. Монг., 699), у калмыковъ, японцевъ, въ Хоросанѣ вблизи Мешхеда, въ Ирландіи, Великобританіи, Испаніи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 276—280).

Либрехтъ въ превосходной статьѣ „Die geworfene Steine“ (снач. въ Germ. XXII, пот. Zur Volksk. 267—284) многочисленные и разнообразные обычаи обрядоваго бросанія камней и почитанія каменныхъ кучъ подраздѣляетъ на четыре разряда: 1) положеніе камней на могилу—погребальные камни, 2) бросаніе камней вмѣсто жертвоприношенія или устройство изъ нихъ жертвенника — жертвенные камни; 3) бросаніе камней въ знакъ насмѣшки или отвращенія къ злому духу (рѣдко) и 4) бросаніе камней въ знакъ насмѣшки, презрѣнія или осужденія человѣка (рѣдко), напр., греческія каменныя кучи подъ названіемъ „анаѳемы“, что, вѣроятно, произошло отъ обычая побивать человѣка камнями за преступленіе и знаменовало символически смертную казнь. Украинскія фигуры представляются христіанской замѣной языческихъ обрядныхъ камней втораго разряда. Въ религіозно-мистическихъ повѣрьяхъ, связанныхъ съ фигурами, сохраняются, повидимому, черты древнѣйшихъ до-христіанскихъ мѣстныхъ культовъ.

186.

Религіозно-мистическое значеніе каменныхъ бабъ.

Въ Малороссіи и Новороссіи мало сохранилось каменныхъ бабъ. Многія свезены были въ помѣщичьи усадьбы. Нѣсколько каменныхъ

бабъ поставлено во дворѣ харьковскаго университета. Но кое-гдѣ въ поляхъ еще стоятъ эти загадочныя каменныя фигуры человѣческаго облика, и народъ относится къ нимъ съ мистическимъ страхомъ. Въ одной газетной корреспонденціи изъ харьк. или екатеринославской губ. (ссылка потеряна), между прочимъ, приведенъ былъ любопытный фактъ принесенія къ каменной бабѣ больныхъ дѣтей. Въ галицкомъ Покутьѣ есть двулицая каменная баба, которую одни (Гагендорфъ) считали образомъ Леля и Полеля, другіе (Киркоръ)— Дажбога и Лады. Крестьяне соскабливаютъ части камня и употребляютъ его какъ лѣкарство. Во время засухи кладутъ эту каменную бабу на землю, чтобы пошолъ дождь, а въ чрезмѣрно дождливую погоду ставятъ ее головой вверхъ. Называется эта двойная баба „кумы", причемъ говорятъ въ объясненіе этого названія, что кумъ и кума, возвращаясь изъ церкви по окрещеніи ребенка, впали въ блудный грѣхъ и за то окаменѣли (*Kolberg*, Pokucie, I, 6, 7). На мѣстѣ б. Запорожья на могилѣ Толстой стояла каменная баба, и народъ приписывалъ ей таинственное вліяніе на окрестныя мѣста. По приказанію мѣстныхъ властей, баба эта была свалена на землю. Въ 1833 и 1834 годахъ была большая засуха, и въ результатѣ того полный неурожай и голодъ. Народъ въ надеждѣ, что каменная баба дастъ ему дожди и урожай, поднялъ ее и поставилъ на старомъ мѣстѣ. Тогда мѣстныя власти приказали отбить у каменной бабы голову (ib. 343). Въ с. Субботовѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Богдану Хмельницкому, находится каменная баба, къ которой, по народному преданію, Хмельницкій привязывалъ поляковъ. Владѣлецъ Субботова хотѣлъ ее выкопать, но она оказалась стоящей такъ глубоко въ землѣ, что работы были прекращены. Крестьяне говорятъ: „Якъ тилко порушили тую бабу, то почавъ народъ мерты, а черезъ тее и покинули ii выкопуваты" (*Rulikowski*, въ Zbiór wiadom., III, 72).

Въ Сибири монголы и татары также съ уваженіемъ относятся къ каменнымъ бабамъ и приносятъ имъ жертвы. Такъ, въ корреспонденціи изъ минусинскаго округа, напечатанной въ „Сибир. Вѣст." 1890 г., между прочимъ, говорится, что въ 35-ти верстахъ отъ ст. Таштыпа, до сихъ поръ сохранился старинный каменный идолъ, изображающій старуху; существуетъ о немъ нѣсколько легендарныхъ пре-

данiй, но когда, кѣмъ и откуда перенесенъ онъ сюда, достовѣрно неизвѣстно. Среди инородцевъ-татаръ, обитающихъ невдалекѣ отсюда по р. Абакану и и его притокамъ, этотъ идолъ пользуется особымъ почетомъ; ни одинъ татаринъ не проѣдетъ мимо него безъ того, чтобы не остановиться близъ этой „каменной бабушки"; всякій кланяется ей; кто везетъ съ собой что-либо съѣстное потчуетъ старуху; есть вино при себѣ — плещутъ на нее (*Харьк. Вѣд.*, 1890, № 35).

Въ сѣверо-западной Монголіи около города Улангами стоитъ каменная баба, которая, по мнѣнію монголовъ, только простому человѣку кажется простымъ камнемъ, но въ дѣйствительности есть бурхынъ (святой). Надъ нею построена фанза (навѣсъ). Этому камню молятся объ открытіи кражи или потери. (*Потанинъ*, IV, 216). Въ монгольской сказкѣ про Тарханъ-бо жрецу-знахарю (каму) отрубаютъ голову; туловище знахаря пошло въ слѣдъ за головой и въ землѣ Едженъ-хана стало каменной бабой. Тостогошъ (камъ) и теперь стоитъ въ видѣ кюточилг (кам. бабы); иному онъ кажется бурымъ, иному бѣлымъ, иному краснымъ. Около него живетъ большой камъ; хорошій камъ передъ нимъ камлаетъ безвредно; худой умираетъ. Халхасцы приносятъ ему жертвы. Въ мѣстности Шари-Китинъ стоитъ каменная баба, обвѣшанная многими шелковыми лоскутками. По народнымъ повѣрьямъ, прежде этотъ камень лежалъ, теперь поднимается. Цвѣтомъ сталъ коричневый — кровью наливается. У камня спрашиваютъ о способахъ излѣченія (ib. 290—292). Въ мѣстности Коту стоитъ каменная баба, и когда голову ея однажды полили водкой, голова зашевелилась (ib. 293).

Въ основѣ малорусскихъ и монгольскихъ религіозно-мистическихъ представленій о каменныхъ бабахъ лежитъ древнее вѣрованіе въ оборотничество. Строгаго органическаго различія между людьми, животными, растеніями и минералами не полагалось. Существовало твердое убѣжденіе въ возможности взаимнаго смѣшенія и перехода всѣхъ предметовъ въ мірѣ, и это убѣжденіе нашло отголосокъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ многихъ (если не всѣхъ) народовъ. Такъ, у великоруссовъ вѣрованіе это отразилось въ былинахъ о Святогорѣ и въ былинахъ о гибели богатырей, у галицкихъ русскихъ въ сказаніи о каменной бабѣ „кумы" (*Kolberg*, Pokucie, I, 7) и въ сказаніи о превращеніи войска галловъ въ Карпатскія горы, по приказанію Іисуса Христа

Ulanowska, въ Ateneum, 1888, X, 536), у болгаръ въ пѣснѣ о Маркѣ Королевичѣ (рефератъ проф. *Дринова* на VIII Археол. съѣздѣ) и въ сказкѣ о неосторожной старухѣ (*Миладин.*, Болг. нар. пѣс., 523), въ польскихъ сказкахъ (*Ulanowska*, въ Ateneum, 1888, X, 537—538), въ литовскомъ повѣрьѣ о камнѣ „сапожникъ“ (сапожникъ окаменѣлъ за то, что работалъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, (ib. 534), въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ, саксонской о камнѣ Iungferstein, въ который обратилась дѣвушка, не ходившая въ церковь въ воскресеніе, брандебургской о парубкахъ, танцовавшихъ нагими въ Зеленыя Святки, когда въ церкви шла обѣдня и др. (ib., 535, 536, 540). Къ этому же разряду повѣрій и сказаній относится древне-греческое о Ніобеѣ.

187.

Къ вопросу о значеніяхъ и происхожденіи слова „кабыця“.

Въ харьковской губ. я слышалъ однажды слово „кабыця“ въ приложеніи къ деревяннымъ ножкамъ съ перекладиной на верху, которыя вбиваютъ въ полѣ въ землю для подвѣски котла при варкѣ каши. Въ разговорную рѣчь поляковъ юго-западнаго края вошло, между прочимъ, слово кабыця—kowbica, обозначаетъ ножки для скамеекъ, вкопанныя въ землю (*Чубинскій*, VII, ч. I, 264). Въ словарѣ *Закревскаго* кабыця—подвижной очагъ; во 2 т. Запорожья. *Эварницкаго*—подвижной очагъ на камняхъ. Точнѣе у *Левченка* (въ Зап. ю. з. о. г. общ., II, 141): „особая печь въ сѣняхъ, въ которой готовятъ обѣдъ“. Такое же опредѣленіе слова кабыця сдѣлано въ описаніи с. Курисово-Покровскаго (Балай—тожъ), составленномъ ститист. комитетомъ херсонской земской управы (стр. 17).

Слово кабыця заиствовано малороссіянами изъ какого-то монгольскаго или тюркскаго нарѣчія (у Миклошича пропущено). Слово это встрѣчается у осетинъ въ значеніи кладовой или небольшой комнаты въ задней части дома. Никто, кромѣ хозяйки, въ прежнее время не имѣлъ права туда входить. Ключи отъ кабыци хранятся хозяйкой (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, I, 127; *Ковалевскій*, Соврем. обычай, I, 96).

188.

Женитьба свѣчки.

Въ 196 № прекратившейся кіевской газеты „Заря“ 1884 г. помѣщено было любопытное описаніе „празднованія Семена“ въ Кіевѣ, въ ночь съ 1 на 2 сентября на всѣхъ мѣстныхъ базарахъ. „Для этого заранѣе заготовляютъ елки и увѣшиваютъ ихъ разными фруктами и огородными плодами. Арбузы и дыни занимаютъ первое мѣсто: они прикрѣплены къ вершинѣ ствола елки, затѣмъ къ вѣткамъ и сучкамъ привѣшиваютъ яблоки, груши, сливы и между ними прикрѣпляютъ разноцвѣтныя бумажки. На нѣкоторыхъ базарахъ торговки приготовили еще и чучело изъ тряпокъ и сѣна. Съ наступленіемъ ночи, когда торговля прекратилась, всѣ торговки и торговцы, занимающіеся продажей фруктовъ и огородныхъ овощей, сошлись вмѣстѣ (каждый базаръ самъ по себѣ) и составили семью пирующихъ. Тутъ поставлены были разные напитки и кушанья. Всякій могъ подходить, брать любой арбузъ, дыню, или тѣ или другіе фрукты, и ѣсть столько, сколько хотѣлъ. Вокругъ елки (а также вокругъ чучела) водили хороводы, танцовали и пѣли приличныя случаю пѣсни. Такъ провели всю ночь, и никто почти изъ торговцевъ не ночевалъ дома. Съ наступленіемъ дня пиршество прекратилось и только пустая посуда, да объѣдки отъ угощенія и лежащіе въ разныхъ мѣстахъ хмѣльные торговцы и торговки свидѣтельствовали, что торжество въ честь Семена праздновалось на славу. Во многихъ селахъ празднованіе Семена уже вывелось и осталось только преданіе о немъ“. „Празднованіе Семена“ описано было позднѣе въ 190 № *„Кіевлянина“* 1889 г. подъ заглавіемъ: „Праздникъ свѣчки, или женитьба свѣчки“: „Вечеромъ 1 сентября на кіевскихъ базарахъ происходитъ странное празднество — *женитьба свѣчки*. На расчищенной площадкѣ въ какомъ нибудь уголкѣ базара, среди столиковъ и ларей стоитъ зеленое деревцо; вѣтви его перевиты яркими лентами и обвѣшаны кругомъ краснобокими яблочками и разными сластями; на вѣтвяхъ горятъ маленькія восковыя свѣчи. У деревца собрались въ кружокъ базарныя торговки. Шкаликъ водки обходитъ круговую, а когда участницы торжества подопьютъ, тянутъ пѣсни, то веселыя, игривыя, то заунывныя, смотря

по общему настроенію. Подобное же празднество совершается въ этотъ вечеръ и въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ заведеніяхъ на окраинахъ Кіева: хозяинъ устраиваетъ вечеринку для своихъ рабочихъ, при чемъ также „женятъ свѣчку". Въ народѣ, кажется, не сохранилось объясненія этого страннаго празднества, нѣтъ спеціальныхъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ торжеству. Въ прежнее время на кіевскихъ базарахъ съ 1 сентября и до весны производилась торговля по вечерамъ съ фонарями, а въ мастерскихъ съ этого дня начиналась вечерняя работа, при свѣчахъ; теперь правило это не соблюдается строго".

Авторъ замѣтки о „женитьбѣ свѣчки" въ „Кіевлянинѣ" предлагаетъ остроумное историческое объясненіе этого обычая: „Четыреста лѣтъ тому назадъ Кіевъ находился подъ властью литовцевъ. Настолько онъ обѣднѣлъ послѣ цѣлаго ряда вражескихъ нашествій, пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій, что превращенъ былъ, по волѣ великаго князя литовскаго Казиміра IV, въ заурядный провинціальный городокъ, управляемый воеводою. Литовскіе воеводы были полными хозяевами Кіева и почти безконтрольно распоряжались судьбой его обывателей. Одинъ изъ такихъ воеводъ, заботясь о безопасности Кіева въ пожарномъ отношеніи, издалъ обязательное постановленіе, чтобы жители не смѣли по вечерамъ зажигать въ домахъ огонь. Этой радикальной противопожарной мѣрой достигался и другой результатъ, весьма пріятный для воеводы. Слуги его по вечерамъ обходили всѣ улицы города и, замѣтивъ въ какомъ-нибудь домѣ огонь, докладывали объ этомъ воеводѣ, а тотъ бралъ въ свою пользу съ виновнаго штрафъ, весьма крупный по тогдашнему времени: въ размѣрѣ 12 копъ, т. е. 730 грошей литовскихъ. Нѣсколько лѣтъ сидѣли кіевскіе обыватели въ потемкахъ, а наконецъ надоумились написать великому князю литовскому жалобу на воеводу, исчисляя всѣ тяжелыя повинности, которыя они несутъ по его волѣ; прописали также и про запрещеніе зажигать въ жилыхъ огонь по вечерамъ. Великій князь Александръ Казиміровичъ твердо помнилъ старинное изреченіе относительно Кіева:

„Nomen habet magnum spatiosa Kiowia quondam,
„Cuncta brevi imposito, tu, milite prospice forti".

(„Обширный нѣкогда Кіевъ имѣетъ славное имя. Хотя въ послѣднее время все придавилъ храбрый солдатъ, но все таки остерегайся“.)

Онъ прислалъ въ 1494 г. кіевлянамъ грамоту, которой увольнялъ кіевскую мѣщанскую общину отъ многихъ повинностей и запретилъ воеводѣ брать штрафъ съ жителей за вечерній огонь въ домахъ. Но запрещеніе это, какъ видно, оставалось мертвой буквой для кіевскихъ воеводъ, и разорительный для кіевлянъ налогъ на „каганецъ“ или свѣчку взимался съ нихъ еще 12 лѣтъ. Наконецъ, въ 1506 г. польскій король Сигизмундъ I рѣшительно отмѣнилъ этотъ налогъ и далъ кіевлянамъ такую привилегію: „купцы и ремесленники всякіе маютъ добровольно огонь у своихъ домѣхъ завѣды держяти, коли хотячи; але въ корчомныхъ домѣхъ, лѣтѣ, коли вжо ночи малыи буваютъ, не надобѣ никому съ огнемъ пити“. Легко себѣ представить, какъ обрадовались кіевскіе купцы и ремесленники, получивъ такую важную привилегію. Въ первый же день перваго осенняго мѣсяца зажгли они въ своихъ домахъ „каганци“, лучины и свѣчи, не боясь воеводиныхъ штрафовъ, а къ нимъ на такое торжество сошлись посидѣть, поболтать и выпить при огнѣ и всѣ сосѣди, не принадлежавшіе къ числу торговцевъ или ремесленниковъ и потому лишенные права зажигать у себя по вечерамъ „свѣтло“.

Какъ бы ни подкупало читателя это историческое объясненіе въ свою пользу точными хронологическими цифрами и собственными именами историческихъ дѣятелей, оно не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что обычай „женить свѣчку“ подъ другими лишь названіями встрѣчается не въ одномъ Кіевѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, также въ Великороссіи и даже въ западно-европейскихъ странахъ, притомъ не только въ пріуроченіи ко дню Симеона Столпника 1 сентября, но въ приложеніи къ другимъ годовымъ и семейнымъ праздникамъ, напр., къ купальскимъ играмъ и къ свадьбѣ.

Въ 10 верстахъ отъ г. Лубенъ у священной криницы бываетъ лѣтомъ ярмарка, которая оканчивается гуляньемъ, напоминающимъ праздникъ свѣчки. По описанію этого гулянья въ 1874 г., „большинство посѣтителей ярмарки разсѣялось по склонамъ горъ, окружающихъ балку. Вершины горъ покрыты лѣсомъ, который рѣдѣетъ

постепенно, такъ что подошвы горъ, какъ и балка, обнажены отъ деревьевъ. Народъ располагался по горамъ группами, отъ 5 до 20 человѣкъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ, каждая группа преимущественно подъ деревомъ. Вотъ на одномъ деревѣ звѣздочкой мелькнулъ огонекъ, затѣмъ на другомъ, десятомъ, сотомъ, и вскорѣ всѣ горы заискрились тысячами такихъ звѣздочекъ; въ балкѣ, гдѣ расположилась ярмарка, и тамъ тысячи такихъ же звѣздочекъ: народъ зажигалъ копѣечныя восковыя свѣчи на деревьяхъ, на вбитыхъ въ землю шестахъ, на кустарникахъ, на возахъ, на рогахъ воловъ. Въ этотъ вечеръ у криницы продаютъ рублей на 300 свѣчей, кромѣ тѣхъ, которыя приносятся изъ дому... Затѣмъ начинается пѣніе. Каждая группа поетъ независимо отъ остальныхъ... Каждый силится пѣть во всю грудь. Впечатлѣніе отъ этого пѣнія совершенно своеобразное; въ немъ нѣтъ гармоніи; но нельзя уловить и дисгармоніи, которая непріятно поражала бы слухъ. Эта масса звуковъ въ закрытомъ горами пространствѣ сливается съ эхомъ и является чѣмъ-то стихійнымъ, какимъ-то чуднымъ хаосомъ звуковъ, который положительно подавляетъ слушателя... По временамъ изъ балки вдругъ поднимался звонъ отъ множества косъ, по которымъ ударяли крестьяне, сидѣвшіе у возовъ. Пѣніе продолжалось часовъ до 11, пока не истощился запасъ свѣчей... Оно смолкало постепенно, и послѣ полуночи уже никто не пѣлъ. Народъ улегся спать" (*Лоначевскій*, въ Зап. ю. з. о. геогр. об., II, 133).

Обыкновеніе „женить свѣчку" встрѣчается среди ремесленниковъ Харькова. Здѣсь обычай этотъ называется „засидки". Въ немъ нѣтъ весьма крупнаго элемента—дерева, но свѣчка и здѣсь имѣетъ такое же важное значеніе, какъ у кіевскихъ ремесленниковъ: ее украшаютъ лентами. Засидки бываютъ 1 сентября. Поработавъ полчаса или часъ, затѣмъ устраиваютъ пиршество, поютъ пѣсни.

Въ купальскихъ обрядахъ также открывается „праздникъ свѣчки". Въ с. Ставищахъ вблизи Бѣлой Церкви, кіев. губ., хлопцы на Ивана Купала (23 іюня) вырубаютъ деревцо изъ вишни, сосны или вербы и вкапываютъ его на видномъ мѣстѣ на пригоркѣ. Деревцо это называется „купайло". Дѣвушки украшаютъ его большими и малыми вѣнками изъ разныхъ цвѣтовъ, большею частію изъ барвинка и руты. Иногда деревцо украшаютъ еще восковыми свѣч-

ками, заранѣе приготовляемыми для этой цѣли дѣвушками. Обыкновенно ограничиваются однимъ „купайломъ“; иногда бываетъ нѣсколько такихъ украшенныхъ деревцовъ. Возлѣ „купайла“ разводятъ огонь и прыгаютъ чрезъ него. Въ концѣ игры дерево ломаютъ и уничтожаютъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ бѣлоцерковск. у. кіевск. губ. „купайло“ не вкапываютъ въ землю, а держатъ въ рукахъ двое дѣтей; когда они устанутъ, то парубокъ держитъ его, сидя на землѣ. Въ концѣ игры парубокъ, имѣющій въ рукахъ купайло, бѣжитъ; за нимъ гонится толпа играющихъ, нагоняетъ, разрываетъ купайло на части, которыя потомъ несутъ домой. Вѣнки, бывшіе на купайлѣ, иногда сохраняютъ и надѣваютъ для излѣченія головной боли. Вѣтки съ купайла разбрасываютъ по огороду, чтобы росла капуста, огурцы и пр. овощь. Дѣвушки бросаютъ вѣтки съ купайла въ воду, которой моютъ голову, чтобы волоса хорошо росли. Въ с. Глушкахъ того же у. украшенное деревцо бросаютъ въ воду, и за нимъ плывутъ дѣвушки, украшенныя вѣнками. Въ с. Трушкахъ того же у. къ каждому вѣнку, бросаемому въ воду, прикрѣпляютъ горящую восковую свѣчку собственнаго домашняго изготовленія. Въ с. Баканахъ дерево „купайлица“ украшается множествомъ свѣчей изъ воска обязательно домашняго приготовленія. Въ с. Коржовцѣ „купайло“ украшаютъ смоляными свѣчами (*Moszyńska* въ Zbiór wiadom., 1881, V, 24—44).

Чествованіе дерева съ зажиганіемъ на немъ свѣчей довольно обычно на украинскихъ свадьбахъ. Уже въ старинномъ описаніи украинской свадьбы Калиновскаго (1777 г.) находятся указанія на такой обычай. Въ субботу на дѣвичникѣ одна изъ дружекъ нѣвѣсты свѣтилка, сидя въ большомъ углу, держала козацкую саблю, увитую калиновыми вѣтвями и ягодами, съ зажженной восковой свѣчкой тройчаткой. Кромѣ того, въ коровай втыкали большую еловую вѣтку (*Калиновскій*, изд. 1889, 2,5). Вильце въ современной украинской свадьбѣ весьма распространено. Для вильца берется вѣтка съ сосны, яблони, груши, вишни или черемухи. Ее украшаютъ цвѣтами, лентами, цвѣтными нитками и зажженными восковыми свѣчами. Между вѣтвями вильца иногда кладутъ горсть ржи. Вильце встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно (*Nowos.*, I, 190; *Чуб.* IV 99). Вильце во многихъ мѣстахъ М. Россіи и Га-

лиціи называется „ризкой“ (*Основа*, 1862, IV, 26; *Szablewska* въ VII т. Zbiór wiadom. 122). Въ с. Юрковщинѣ на Волыни женихъ и сваты съ вильцемъ ходили звать на свадьбу родныхъ невѣсты (*Rokossowska*, въ VII т., Zbior wiadom. 165). Въ Галиціи въ с. Цетули невѣста на украшенную цвѣтами „ризгу“ (изъ сосны) вѣшаетъ въ подарокъ жениху сорочку и хустку, и затѣмъ 9, 11 или 13 хлопцевъ несутъ ризгу къ жениху (*Tomaszewska*, въ Zbior wiadom. X, 63). Въ бѣлоцерковскомъ у. кіев. губ. дѣвушки поютъ, когда вьютъ вильце:

Якъ мы Иванови вильце звылы,
То синее море [1]) вырубали,
Червону калиноньку выломали,
Хрещатый барвинокъ выщыпали (*Moszynska*, въ Zbior Wiadom., II, 190).

Итакъ, „женитьба свѣчки“ представляется весьма сложнымъ и весьма распространеннымъ обрядомъ, связаннымъ съ годовыми и семейными праздниками. Значеніе этого обряда еще болѣе расширится, если мы выйдемъ за предѣлы Малороссіи и отмѣтимъ его существованіе въ Великороссіи, у поляковъ, чеховъ, болгаръ, нѣмцевъ, осетинъ. Эта далекая экскурсія показываетъ, что въ „женитьбѣ свѣчки“ мы имѣемъ не только кіевскій народный обрядъ, не исключительно малорусскій, даже не исключительно славянскій, а, можетъ быть, обще-арійскій, глубоко древній по происхожденію. Малорусскіе варіанты обрядоваго чествованія дерева съ возженіемъ свѣчей представляются многочисленными, разнообразными, съ сложной внѣшней обстановкой, съ своеобразной мѣстной народной окраской.

Въ Великороссіи чествованіе дерева, въ частности свадебное вильце, встрѣчается подъ разными названіями. Въ моложскомъ у. яросл. губ., когда дѣвушки идутъ къ невѣстѣ на дѣвичникъ, одна изъ нихъ несетъ впереди елку, украшенную цвѣтами и лентами; елка эта называется „дѣвьей красотой“. Вошедши въ комнату, ее ставятъ въ горшокъ и наверху прикрѣпляютъ зажженную свѣчку (*Этн. Сб.* I, 146; *Москвит.* 1842, IV, 454). Вички, которыми въ пермской губ. украшаютъ баню, когда въ ней моется невѣста,

[1]) Сосновый боръ большой и густой, какъ море. Объяс. г-жи Мошинской.

по названію, формѣ и времени обрядоваго употребленія напоминаютъ малорусское вильце (*Перм. Сборн.* I, 41). Въ подмосковныхъ деревняхъ вѣтку ели украшаютъ разноцвѣтной бумагой и выставляютъ ее послѣ свадьбы на фасадѣ избы подъ крышей (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., I, 39).

Малорусскому деревцу „купайлѣ“ отчасти соотвѣтствуетъ великорусская рябиновая вѣтка „кукушка“, украшенная лентами и цвѣтами, которую дѣвушки послѣ обѣдни въ день Вознесенія несутъ въ лѣсъ, обращаются къ ней съ словами, какъ къ кукушкѣ, цѣлуются одна съ другой (*Этн. Сб.*, V, 103).

Малорусскому „вильцу“ и великорусской „дѣвьей красотѣ“ соотвѣтствуютъ болгарская ила, сербская масличная вѣтвь, чешскій „stromek rajski“, польское (куявское) — jabłonkę — украшенныя вѣтки или деревца, вокругъ которыхъ на свадьбахъ пляшутъ (*Sumlork*, Staroč. obyč. I, 477, II, 106; *Erben*, Prost. cěs., pis. IV, 316; *Боевъ*, въ Сбор. матер. I, 39; *Вукъ Караджичъ*, Срп. нар. пјѐс. I, 10; *Kolberg*, Lud, III, 356).

Славянскимъ обряднымъ деревцамъ, въ особенности „купайлу“ и „кукушкѣ“, соотвѣтствуетъ майское деревцо въ Германіи и Италіи, на которое кладутъ вѣнки и вокругъ котораго молодежь танцуетъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 377; *Rochholz*, Wilh. Tell, 40 и др.).

Отмѣтимъ здѣсь сицилійское вильце, называемое „zuccuruni“. Это украшенная вѣтка, которую отецъ невѣсты несетъ на базаръ, какъ знакъ предстоящей свадьбы, и передаетъ ее жениху. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи женихъ рано утромъ ставитъ передъ дверями дома, гдѣ живетъ невѣста, фиговую вѣтку, украшенную цвѣтами и лентами (*Marrenè*, Wisła, 1889, 804).

Любопытно, что чествованіе деревца, иногда съ возженіемъ свѣчей, на свадьбахъ и годовыхъ праздникахъ встрѣчается въ глухихъ мѣстахъ Кавказа, въ Аравіи, въ Монголіи, у народовъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ культурныхъ европейскихъ вліяній. Въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій обычай кавказскихъ горскихъ евреевъ: Молодые люди и дѣвушки въ день открытія весны идутъ въ лѣсъ искать „шамъ-агажи“ (дерева-свѣчи или елку) и затѣмъ ночью изъ нѣсколькихъ штукъ этихъ молодыхъ

деревъ разводятъ костеръ и прыгаютъ черезъ огонь, распѣвая слѣдующую пѣсню:

„Дерево-свѣчи, дерево пѣвчихъ птичекъ,
Эта ночь-весны ночь.
Да будутъ на высотѣ евреи,
Да умрутъ враги ихъ!“ (*Анисимовъ*, въ Сборн. матер. по этн. III, 220).

Отдаленнымъ варіантомъ вильца представляется зеленая вѣтвь, которую у бедуиновъ Синая сватъ втыкаетъ въ свой тюрбанъ въ знакъ удачнаго сватовства, при чемъ вѣтвь эту онъ получаетъ отъ отца невѣсты, въ случаѣ его согласія на бракъ дочери (*Klemm*, Allgem. Kulturg. IV, 148).

У бурятъ во время свадьбы втыкаютъ во дворѣ березовое дерево, которое означаетъ, что потомки новой четы должны разростись, какъ вѣтви дерева; на дерево навѣшиваютъ шубу съ кофтой и ставятъ къ нему онгоны (идолы изъ тряпокъ и кистей). Во время общественныхъ моленій монголы разстилаютъ войлоки (передъ каждымъ семействомъ) и передъ каждымъ войлокомъ втыкаютъ въ землю по березовому прутику — „тургы“, а впереди прутика стоитъ посуда съ припасами. На правой сторонѣ жертвенника втыкается въ землю залма, т. е. срубленное березовое деревцо, вершина котораго должна быть выше жертвенника. Одинъ изъ монгольскихъ онгоновъ (идоловъ) состоитъ изъ березоваго сучка съ тремя отраслями, что изображаетъ священное дерево. Въ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчается міровое дерево, Оронъ-Ганцханъ-Модонъ: подъ его тѣнью могутъ укрыться двѣ тысячи людей; шишки на немъ съ юрту; изъ одного листа выходитъ шесть покрышекъ на юрту (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монг., IV, 31, 81, 101, 181).

У остяковъ и самоѣдовъ на Оби также существуетъ обычай увѣшивать деревья тряпочками въ даръ духамъ мѣстности, т. наз. лозамъ. У каждаго овражка, на каждой горѣ и на берегу всякой рѣчки есть свой завѣтный кустъ или дерево, гдѣ инородцы приносятъ свои дары или козъ лозамъ. Эти деревья увѣшаны ленточками, тесемочками, тряпочками, ремешками и даже нитками (ib. 702).

Многія свадебныя пѣсни и веснянки съ чудеснымъ деревомъ находятъ достаточное объясненіе въ приведенныхъ выше обрядовыхъ

чествованіяхъ деревца, напр., свадебная болгарская: „Выросла яблоня на дворѣ у Ганки; кто ни пройдетъ, яблоко сорветъ и пр“. (*Боевъ*, 27).

Въ какомъ отношеніи ко всѣмъ этимъ деревьямъ стоитъ чудесное дерево колядокъ и щедровокъ—трудно рѣшить. Колядочный мотивъ о чудесномъ деревѣ съ тремя корыстями (выгодами) отъ него подробно разобранъ во 2 т. „Объяс. малор. и сред. пѣсенъ“ А. А. Потебни (211—246). Повидимому, въ колядочныхъ деревьяхъ слились разнообразныя вліянія, древнѣйшія религіозно-миѳическія, позднія религіозно-апокрифическія и легендарныя, а нѣкоторые мотивы могутъ быть отнесены къ той весьма обширной категоріи обрядныхъ деревьевъ, которая у насъ идетъ подъ общимъ заглавіемъ „женитьба свѣчки“ и подлежитъ, какъ мы думаемъ, особому толкованію.

Сказанія о чудесномъ деревѣ и чествованіе дерева съ возженіемъ свѣчей подвергались различнымъ объясненіямъ, именно: 1) историческому, 2) апокрифическому и легендарному и 3) миѳологическому. По моему мнѣнію, большинство фактовъ этого рода поддается объясненію религіозно-обрядовому, которое т. о. будетъ четвертымъ по счету объясненіемъ данныхъ повѣрій и обрядовъ, точнѣе сказать третьимъ, такъ какъ первое объясненіе, историческое, высказанное въ нынѣшнемъ году въ „Кіевлянинѣ“, можетъ быть признано вполнѣ несостоятельнымъ.

Представителями апокрифической и легендарной теоріи являются на западѣ—Кассель, у насъ акад. А. Н. Веселовскій и В. Н. Мочульскій; наиболѣе крупныя и цѣнныя доказательства предложены г. Веселовскимъ. Кассель говоритъ, что обрядное дерево происходитъ изъ общей христіанской идеи, и въ частности обрядная рождественская елка изъ мѣстнаго нѣмецкаго искусства; послѣднее мнѣніе высказано бездоказательно, и основательность его подлежитъ сомнѣнію. Обрядное дерево, именно дерево рождественское, по мнѣнію Касселя, символизируетъ древо рая. Народъ усвоилъ это дерево изъ иконописныхъ и литературныхъ источниковъ, въ особенности изъ мистерій о райской жизни (Paradiesspiele). Въ средніе вѣка существовали различныя мнѣнія о ботаническомъ родѣ древа познанія добра и зла; его считали апельсиновымъ деревомъ, виноградной лозой, чаще всего ябло-

ней или смоковницей. Во Франціи и въ Германіи укоренилось въ народѣ мнѣніе, что это была яблоня, и что змѣй искуситель поднесъ Евѣ яблоко. Въ греко-восточной церкви утвердилось мнѣніе, что это была смоковница, и потому растеніе это изображалось на картинахъ рая. Мнѣніе это раздѣляли нѣкоторые западно-европейскіе ученые, напр., Абеляръ. Въ Германіи ель стала знаменовать рай, древо познанія добра и зла, далѣе древо жизни (какъ вѣчно зеленое), и любовь, причемъ стали украшать ель яблоками и свѣчами (*P. Cassel,* Aus Liter. u. Symbolik, 310—315).

А. Н. Веселовскій обратилъ вниманіе на то, что въ средневѣковой романтикѣ весьма любимъ образъ искусно сдѣланнаго дерева съ поющими на его вѣткахъ механическими птицами. Онъ встрѣчается въ различныхъ редакціяхъ Вольфдитриха и въ Розенгартенѣ. Г. Веселовскій полагаетъ, что въ основѣ этихъ описаній лежатъ дѣйствитсльные успѣхи средневѣковой механики, находящіе подтвержденіе въ историческихъ памятникахъ. Въ русскихъ рукописяхъ сохранилось сказаніе о золотомъ древѣ Византіи съ птицами, поющими на разные голоса, пріуроченное къ царю Михаилу. Далѣе г. Веселовскій указываетъ, что христіанское міросозерцаніе усвоило себѣ образъ дерева для обозначенія міра, связавъ съ этимъ образомъ легенды о крестномъ древѣ. Символическое дерево-крестъ находится въ романахъ круглаго стола, въ физіологахъ, въ духовныхъ стихахъ и произведеніяхъ искусства. Собирая внѣшнія черты апокрифическо-легендарнаго древа, г. Веселовскій обрисовываетъ его так. обр.: міровое дерево высится до неба; корень спускается въ адъ; кругомъ ствола обвился змѣй; на вершинѣ символическая птица, непріязненная тому змѣю; на вѣтвяхъ—птицы, четвероногія, питающіяся отъ его плодовъ; съ боку—рана откуда сочится влага; у подошвы—райскій источникъ, источникъ юности (*Веселов.*, Разыск. въ обл. дух. ст. IV, 47 и сл.; XI дополн. 351—360).

Г. Мочульскій вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. Веселовскаго и пользуется его доказательствами, прибавляя съ своей стороны нѣсколько выписокъ изъ разныхъ списковъ „Бесѣды трехъ святителей", въ которыхъ вселенная представлена въ видѣ дерева, люди—въ видѣ листьевъ, смерть—въ видѣ голубя, земля—въ видѣ лохани (*Мочульскій,* о Голуб. книгѣ, 223—228).

Легендарно-апокрифическое толкованіе простирается лишь на чудесное дерево колядокъ и почти совсѣмъ не захватываетъ другихъ проявленій обряднаго древа. Такъ, его трудно примѣнить къ свадебному вильцу и къ женитьбѣ свѣчки.

Болѣе обширное примѣненіе имѣетъ религіозно-миѳическое толкованіе древа жизни, въ нѣмецкой наукѣ развитое Куномъ, въ русской—Аѳанасьевымъ и г. Потебней. Аѳанасьевъ, пользуясь соображеніями Куна, говоритъ, „что дождевыя тучи, потемняющія небесный сводъ широко-раскинутою и многовѣтвистою сѣнію, въ глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь міръ, дереву, вѣтви котораго обращены внизъ къ землѣ, а корни простираются до самаго высокаго неба". Далѣе слѣдуютъ указанія на вѣчно неувядаемое дерево индійскихъ преданій, подъ которымъ пребываютъ души блаженныхъ, небесное древо жизни зендской миѳологіи, отъ котораго произошли на землѣ всѣ растенія, съ орломъ на вершинѣ, скандинавскій Издразиль и пр. (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр слав. на пр. II, 277 и сл.).

А. А. Потебня, ознакомившись съ легендарно-апокрифическимъ толкованіемъ чудеснаго древа сказаній, повѣрій и обрядовъ, не находитъ возможнымъ отказаться въ пользу этого толкованія отъ старой миѳологической теоріи. Предполагая, что запѣвы съ „мысленнаго древа" были обычны въ пѣсняхъ XII в., г. Потебня сомнѣвается, чтобы можно было ихъ вывести изъ однихъ книжныхъ, христіанскихъ, апокрифическихъ источниковъ, хотя вообще признаетъ несомнѣннымъ вліяніе этихъ источниковъ на народную словесность. Г. Потебня думаетъ, что библейскія сказанія о древѣ жизни и древѣ познанія добра и зла и апокрифы о райскомъ и крестномъ древѣ застали уже на славянской почвѣ другія сходныя сказанія, частью туземныя, частью заимствованныя изъ другихъ источниковъ. Какъ „мысленному дереву" приписывались къ извѣстной мѣрѣ свойства дѣйствительнаго, такъ, наоборотъ, священныя деревья съ вытекающими изъ подъ нихъ источниками, стоявшія у языческихъ храмовъ, какъ въ Упсалѣ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, у поморянъ по свидѣтельству жизнеописанія Оттона Бамбергскаго и пр. могли быть не только первообразами міроваго дерева, какъ думаетъ Мангардтъ, но и его изображеніями и земными воплощеніями (*Потебня*,

Объяс. малор. и сред. пѣс. II, 223, 227). Въ этомъ объясненіи миѳологическое толкованіе чудеснаго дерева, очевидно, получило надлежащія ограниченія.

Если легендарно-апокрифическое толкованіе чудеснаго дерева представляется узкимъ, не охватывающимъ многихъ повѣрій и обрядовъ съ деревомъ, то толкованіе религіозно-миѳическое можно признать слишкомъ широкимъ и растяжимымъ. Для обряднаго деревца, въ частности для объясненія „женитьбы свѣчки", оба эти толкованія предстевляются намъ неподходящими.

Признавая вліянія легендарно-апокрифическія, я не считаю ихъ существенно важными, такъ какъ, полагаю, что дѣйствовали они въ позднее время, и явленія народной словесности, порожденныя ими, малочисленны. Весьма возможно, что нѣкоторыя, весьма немногія явленія поэзіи и обряда обусловлены древнѣйшей языческой миѳологіей; но я сильно сомнѣваюся въ философскомъ достоинствѣ миѳологіи русскихъ славянъ. Другое дѣло—индусы, иранцы, греки. Они издревле жили на благословенной почвѣ юга, въ глубокой древности воспользовались искусствомъ и письменами, выработали сложныя формы общественной жизни и поднялись на высокую ступень философскаго мышленія. Наши предки тысячу лѣтъ назадъ еще „живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски, живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто". Сомнительно, чтобы они додумались до міроваго дерева, до древа жизни, чтобы имѣли на этотъ счетъ какія либо сложныя и разработанныя миѳическія представленія. Наши предки жили въ лѣсу и молились въ лѣсу, причемъ деревья составляли постоянную внѣшнюю обстановку моленій и жертвоприношеній. Константинъ Багрянородный говоритъ, что русскіе совершали жертвоприношенія въ лѣсахъ (*Макушевъ*, Сказ. иностр., 26). Въ уставѣ св. Владиміра воспрещается молиться въ рощеніи. Кириллъ Туровскій радовался, что съ принятіемъ христіанства „уже бо не нарекутся богомъ древеса". Въ житіи кн. Константина Муромскаго говорится о поклоненіи „дуплинамъ древянымъ", которыя обвѣшивали полотенцами (*Срезневскій*, въ Финск. Вѣст. 1847). Въ „Духовномъ регламентѣ" воспрещается „предъ дубомъ молебны пѣть" (*Снегиревъ*, Рус. простонар. празд. IV, Доп. 189). Въ

Россіи и въ Сербіи было нѣкогда обыкновеніе вѣнчать молодыхъ людей обведеніемъ вокругъ ели или дуба.

Какъ совершалось моленіе подъ деревомъ и въ чемъ собственно состояла первоначально „женитьба свѣчки“ и свадебное „вильце“, можно видѣть на позднѣйшихъ русскихъ и инородныхъ пріемахъ чествованія дерева.

Въ 1783 г. свящ. Никита Яковлевъ донесъ псковской духовной консисторіи, что въ зачеренскомъ погостѣ въ церковной оградѣ, близъ храма, за часовнею лежитъ большая упавшая сосна, которой народъ воздаетъ чрезвычайно отмѣнное почитаніе. Многіе сходятся къ ней на Ильинскую пятницу и приносятъ шерсть, сыръ, мясо и свѣчи; послѣднія прикрѣпляютъ къ соснѣ и зажигаютъ; восковыя капли и гнилушки уносятъ домой, какъ цѣлебныя. Дерево это было уничтожено военной командой (*Пск. Губ. Вѣд.* 1864, № 24).

Не далѣе 1876 г. въ Осетіи въ с. Камунтѣ въ семьѣ Атаевыхъ хранился и пользовался поклоненіемъ сосновый отрубокъ пуда 2 вѣсомъ, считавшійся фамильнымъ дзуаромъ (домовымъ), дававшимъ богатство. Въ 1876 г., по совѣту мѣстнаго благочиннаго, отрубокъ этотъ былъ сожженъ. О происхожденіи этого отрубка существовало такое преданіе: Одинъ изъ предковъ Атаевыхъ пошелъ однажды въ дальній лѣсъ нарубить дровъ. Когда онъ замахнулся на одно дерево, вдругъ раздался голосъ: „не руби!“ Онъ началъ рубить другое дерево, и голосъ повторился. Тогда онъ ударилъ по третьему дереву; изъ него потекла кровь и молоко. Атаевъ заключилъ, что въ деревѣ поселился дзуаръ богатства, отрубилъ кусокъ и принесъ его къ себѣ домой. Дзуаръ былъ прикрѣпленъ въ конюшнѣ къ яслямъ, и Атаевы стали ежегодно приносить ему въ жертву ягненка, пиво и аракъ. Съ тѣхъ поръ семья Атаевыхъ стала богатѣть, и свое благосостояніе они приписывали священному отрубку (*Русск. Мысль*, 1881, IX, 75).

Въ религіозныхъ обрядахъ сарапульскихъ вотяковъ обнаруживаются такія подробности, которыя также до нѣкоторой степени могутъ уяснить древнѣйшую обстановку славяно-русскаго богослуженія въ лѣсу, обломками котораго позднѣе являются женитьба свѣчки, вильце и сходныя съ нимъ обрядовыя чествованія деревца съ возженіемъ свѣчей. „Мнѣ пришлось, говоритъ г. Богаевскій, присутство-

вать на двухъ моленіяхъ (вотяковъ) въ лѣсу... Оба моленія были случайныя, назначенныя для умилостивленія боговъ, насылавшихъ неурожаи. Въ одномъ изъ нихъ принимала участіе цѣлая деревня Миндеры... Дорогою то и дѣло попадались намъ вотяки и вотячки въ праздничныхъ платьяхъ... Въ рукахъ у всѣхъ были пестери (мѣшки), наполненные приношеніями. Веселый смѣхъ раздавался повсюду... Моленіе продолжалось уже пять дней; за это время они успѣли принести въ жертву жеребенка, гуся, барана... У опушки лѣса на довольно большой лужайкѣ раздавался неумолкаемый гулъ... У самаго лѣса замѣтно было приготовленіе къ моленію. Противъ елки изъ сучьевъ былъ устроенъ столъ, покрытый вѣтвями, вокругъ котораго съ трехъ сторонъ сидѣли старики. Нѣсколько въ сторонѣ позади этого стола было мѣсто для старухъ. Около самой елки былъ приготовленъ небольшой столикъ, на которомъ стоялъ буракъ съ медомъ и лежалъ коровай хлѣба. Около хлѣба была положена маленькая дощечка съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчей, и небольшая еловая вѣтка въ формѣ рогатки съ затянутымъ клеемъ концомъ. Къ самому дереву было прибито полотенце. Справа отъ елки прямо на землѣ лежали приношенія... Налѣво отъ елки были поставлены котлы, въ которыхъ варилось мясо принесеннаго въ жертву животнаго". Опускаемъ слѣдующее затѣмъ подробное описаніе жертвоприношенія овцы, послѣ котораго впереди всѣхъ, лицемъ къ елкѣ стали два васяся въ шапкахъ, за ними народъ безъ шапокъ, и началась общая молитва и затѣмъ общее ѣденіе сваренаго мяса (*Богаевскій*, въ III т. Сборн. матер. по этнограф., 20—24). Особенно торжественное моленіе Луду или Керемету у вотяковъ бываетъ вскорѣ послѣ Петрова дня. Женщинъ на это моленіе не допускаютъ. Мужчины предварительно омываются въ банѣ и одѣваются въ лучшія одежды. Замѣчательно въ этомъ моленіи то, что мѣстомъ дѣйствія всегда бываетъ священная роща, и передъ елкой зажигаются свѣчи (ib. 25). Каждый большой праздникъ вотякъ молится въ шалашѣ, находящемся при его домѣ и служащемъ семейнымъ святилищемъ. Святилище это посвящено покровителю семьи, своего рода домовому Мудору. Моленіе въ шалашѣ совершаетъ старшій членъ семьи. Стѣны, столъ и полки въ шалашѣ украшаютъ зелеными прутьями (ib. 26).

Мы сдѣлали подробное извлеченіе изъ описанія г. Богаевскаго вотяцкихъ моленій, чтобы подчеркнуть, какъ глубоко проникнутъ весь этотъ ритуалъ деревомъ, елью, и думаемъ, что славяно-русскій ритуалъ моленій очень близко по своему складу подходитъ къ нынѣшнему вотяцкому ритуалу, такъ что подробностями послѣдняго объясняются жалобы древнихъ наставниковъ и моралистовъ; напримѣръ, упоминаемое въ житіи кн. Константина Муромскаго обвѣшиваніе „дуплинъ древяныхъ полотенцами повторяется въ современномъ вотяцкомъ моленіи. Такой же характеръ моленія и жертвоприношенія носили въ древности малорусскіе обряды, извѣстные нынѣ подъ названіемъ „женить свѣчку", „вить вильце" и т. п.

Что касается самаго термина „женить свѣчку", то произошелъ онъ, по всей вѣроятности, отъ обычая обвязывать свѣчу красными лентами и можетъ быть отнесенъ на счетъ малорусскаго народнаго юмора, предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что на малорусскомъ юморѣ построенъ любопытный обычай„ рачьей свадьбы" въ Алешкахъ: Въ праздникъ Петра и Павла послѣ дѣлежа денегъ, вырученныхъ отъ продажи раковъ, ловлею которыхъ занимаются преимущественно женщины, въ Алешкахъ ежегодно устраивается рачья свадьба, на которую приглашается обыкновенная простая музыка съ бубенщикомъ во главѣ. Гулянье продолжается три дня и три ночи и сопровождается общей попойкой, пѣніемъ и пляской. Въ продолженіе этихъ трехъ дней по столу ползаютъ крупные отборные ракъ и рачица, одѣтые: ракъ въ рубашку и брюки, а рачица съ цвѣтами на головѣ въ юбку, при чемъ гуляющіе перевязываются разноцвѣтными лентами, которыми перевязываютъ и виновниковъ торжества—раковъ (*Этногр. Обозр.* III, 190; изъ Одесск. Вѣстн. 1889, № 183).

Въ ближайшую связь съ обрядовымъ чествованіемъ дерева можно поставить обрядовое употребленіе сѣна и соломы.

Въ сочиненіи о свадебныхъ обрядахъ (185—186) я уже говорилъ объ обрядовомъ употребленіи соломы и сѣна на свадьбахъ въ Великой и Малой Россіи, въ Германіи, въ древней Индіи. Приведенные тамъ факты я позволю себѣ здѣсь дополнить нѣсколькими любопытными данными объ обрядовомъ употребленіи сѣна и соломы на праздникъ Рождества Христова въ Угорской Руси и Малороссіи.

Угро-руссы устраиваютъ въ комнатахъ соломенныя настилки, что должно знаменовать скромную постель новорожденнаго Спасителя (*Де-Волланъ*, Угр.-рус. пѣс. 25). Въ юго-западномъ краѣ (напр., въ острож. у.) въ ночь наканунѣ Р. Хр. всѣ кладутъ на постели сѣно (*Чубинскій*, III, 264). Полвѣка назадъ обрядъ этотъ былъ съ тѣмъ же самымъ объясненіемъ значенія его: сѣно, покрывавшее прилавокъ, должно было напоминать ясли, въ которыхъ положенъ былъ Спаситель (*Сементовскій*, въ Маякѣ 1843, XI, 34). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи въ сѣно закладываютъ три головки чесноку и 12 луковицъ для ворожбы на мѣсяцъ. Хозяинъ приноситъ снопъ сбожья, говоря, что несетъ дѣда, и ставитъ его на покутьѣ. Послѣ ужина онъ кладетъ кутью передъ „дѣдомъ“. На четвертый день хозяинъ самъ выноситъ „дѣда“ на токъ, и потомъ изъ него перваго молотится и мелется зерно. Солому иногда сожигаютъ и скачутъ черезъ нее, чтобы очиститься отъ зла. Сѣномъ окручивали плодовыя деревья, чтобы они лучше родили (*Срезневскій*, въ „Маякѣ“ 1843, XI, 55). Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Панна Сотниковна“, напечатанной въ „Современникѣ“ 1840 г., въ описаніи быта малорусской козацкой старшины 20-хъ годовъ XVIII в. говорится, по преданію, объ обѣдѣ подъ Р. Хр. на сѣнѣ, „въ воспоминаніе того что Спаситель избралъ для рожденія своего самый бѣднѣйшій вертепъ и благоволилъ быть положенъ въ ясляхъ на сѣно“. Тожественный обычай бытуетъ у поляковъ (*Kolberg*, Lud, V, 192). Ближайшее объясненіе—религіозно-нравственное—дано Квиткой со словъ народа; объясненіе древняго значенія обычая, какъ остатка жертвоприношенія, у *А. Куна*, Westphäl. Sagen II, 110 и *Либрехта*, Zur Volkskunde, 494.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани.

(ВОЛЫНСКОЙ ГУБ., РОВЕНСКАГО УѢЗДА).

Юго-западныя церковныя братства и цеховыя общины, несмотря на разнородность своихъ интересовъ и цѣлей[1]), исторически соединялись въ одну своеобразную религіозно-экономическую ассоціацію, получившую смѣшанное церковно-гражданское устройство. Подобные союзы, какъ извѣстно, существовали большею частью въ городахъ и большихъ мѣстечкахъ юго-западнаго края, бывшихъ центрами тогдашняго областнаго церковно-гражданскаго дѣленія (діецезій, повѣтовъ, войтовыхъ ключей). Во многихъ мѣстечкахъ волынской губерніи сохранились остатки бывшихъ цехово братскихъ союзовъ; но степанскія цеховыя братства заслуживаютъ особеннаго вниманія уже потому одному, что успѣли до сихъ поръ сохраниться не въ формѣ отжившей традиціи (какъ въ другихъ мѣстечкахъ), а въ формѣ все еще живучихъ, дѣйствующихъ и усердно поддерживаемыхъ крестьянами общинъ.

Всѣхъ цеховъ въ м. Степани въ настоящее время девятнадцать: 1) цехъ старшихъ троицкихъ братчиковъ, 2) цехъ старшихъ троицкихъ сестеръ, 3) молодыхъ братчиковъ, 4) дѣвичій, 5) молодецкій, 6) рыбарскій, 7) ткацкій, 8) гарбарскій (гарбари—кожевники), 9) цехъ николаевскихъ братчиковъ, 10) николаевскихъ сестричекъ, 11) пахарскій, 12) шевскій, 13) кушнирскій

[1]) Первые, какъ извѣстно, были общественно-религіозными союзами и носили церковный характеръ, а вторыя—ассоціаціями чисто экономическаго, индустріальнаго характера, выработавшимися на почвѣ господствовавшаго въ юго-западной Россіи магдебургскаго права.

(кушнири—овчинники), 14) млинарскій, 15) пчелярскій, 16) кравецкій, 17) цехъ пречистскихъ сестеръ, 18) пречистскихъ братчиковъ и 19) музыкальный цехъ. По степанскимъ церквамъ они распредѣлены такъ: первые восемь—принадлежатъ троицкому приходу, слѣдующіе за тѣмъ пять цеховъ николаевскому, остальные пять преображенскому; послѣдній музыкальный цехъ принадлежитъ частью къ троицкому приходу, а частью къ римско-католическому костелу. Костелу принадлежалъ также отчасти и ткацкій цехъ. Кромѣ этихъ перечисленныхъ цеховъ, къ степанскимъ существующимъ приходамъ были приписаны еще цехи бывшаго четвертаго прихода—успенскаго, церковь котораго давно сгорѣла. Изъ цеховъ этого прихода въ настоящее время сохранились только два: пречистскихъ братчиковъ и сестеръ, приписанные къ преображенскому приходу.

По словамъ крестьянъ, всѣ степанскіе братскіе цехи ведутъ свое начало „зъ покинъ вику“, но на самомъ дѣлѣ происхожденіе ихъ нельзя считать очень древнимъ. Основываясь на сохранившихся у нѣкоторыхъ цеховъ документахъ, можемъ утверждать, что цехи существовали въ м. Степани гораздо раньше братствъ, приблизительно въ началѣ XVII ст.,—тогда какъ послѣднія были основаны не раньше половины XVIII столѣтія. Изъ братскихъ, въ собственномъ смыслѣ, документовъ сохранились только „артикулы“, состоящіе изъ 12 членовъ и составлявшіе нѣкогда уставъ братства. Одинъ документъ этого рода (объ учрежденіи при степанской Успенской церкви братства „подъ именемъ и защищеніемъ Дѣвы Маріи Богородицы“), данный „*Θеодосіемъ Лубіенѣцкимъ Руднѣцкимъ... екзархомъ Метрополіи Кіевской и всея Россіи, епископомъ Луцкимъ и Острогскимъ, Архимандритомъ Каневскимъ*“, хранится въ цехѣ успенскихъ братчиковъ; онъ значится подъ датою 1751 года, 10 мая, за подписомъ епископа и его писаря Романа Выговскаго [1]). Другой бланкъ

[1]) Послѣ предисловія, въ которомъ говорится о просьбѣ степанскихъ „славетнихъ гражданъ“ къ его преосвященству объ основаніи при Успенской церкви братства, слѣдуютъ артикулы въ такомъ порядкѣ: въ первомъ артикулѣ говорится объ обрядѣ принятія въ братство новаго члена; во второмъ—о строго нравственной жизни братчиковъ; въ третьемъ—объ обязательности для каждаго брата утренней и

такого же документа, безъ подписи и даты, сохранился у троицкихъ братчиковъ съ заголовкомъ: „*Фалиціанъ Филиппъ Володкевичъ, Божіею и св. Ѳрона Апостольскаго благодатью Архіепископъ Митрополіи Кіевской, Галицкой и всея Россіи, Епископъ Протовроній Володимірскій и Берестя-Литовскаго и Архимандритъ Кіево-Печерскій*“. Братства, обладающія этими документами, считаются древнѣйшими. Такъ какъ поименованные епископы жили въ прошломъ столѣтіи, то происхожденіе остальныхъ братствъ можно отнести къ болѣе позднему времени. Только для братскихъ цеховъ римско-католическаго костела—ткацкаго и музыкальнаго, да еще шевскаго и гарбарскаго нужно указать болѣе древнее происхожденіе (конецъ XVI и начало XVII ст.). Изъ цеховыхъ документовъ у ткачей сохранилась запись ксендза о. Антонія Хорошинскаго—пробоща степанскаго, о принятіи имъ въ 1835 году воску „до костела“ отъ ткацкаго и музыкальнаго цеховъ „*въ силу эрекціи 1614 года 5 декабря*“ какъ говорится въ записи [1]). Если принятіе воска отъ поименованныхъ цеховъ основывалось на эрекціонномъ правѣ 1614 года, то несомнѣнно, что эти цехи въ то время уже существовали. Принимая далѣе во вниманіе то, что указанная въ записи эрекціонная хронологическая дата совпадаетъ съ годомъ основанія степанскаго костела [2]), мы можемъ утверждать одновременность

вечерней молитвы; въ четвертомъ—объ исповѣди и причастіи братчиковъ; въ пятомъ—о держаніи свѣчей во время богослуженій; въ шестомъ—о посѣщеніи больныхъ и погребеніи усопшихъ; въ седьмомъ—о дѣлахъ милостыни и братскихъ церковныхъ службахъ (въ среду за живыхъ и въ субботу за усопшихъ); въ восьмомъ—объ обязанностяхъ странствующихъ братчиковъ; въ девятомъ—о послушаніи своему духовному отцу; въ десятомъ—объ организаціи братства и порядкѣ избраній на братскія должности; въ одиннадцатомъ—о братскихъ приходорасходныхъ книгахъ; въ двѣнадцатомъ—о братскихъ сходкахъ и судѣ. Интересующіеся полнымъ текстомъ этого документа могутъ прочесть его въ Волынскихъ Епарх. Вѣд. за 1869 г. (см. конецъ статьи Добротворскаго: „Описаніе градскихъ кременецкихъ церквей“).

[1]) Вотъ эта запись: „1835 г. 4 апрѣля. Свидѣтельствую этимъ квитомъ, даннымъ отъ меня, въ томъ, что въ силу эрекціи 1614 г. 5 декабря, данной степанскому римско-католическому костелу, а въ 1807 г. волей Цесажа подтвержденной, принято мною до костела отъ двухъ цеховъ—ткацкаго и музыкальнаго воску желтаго фунтовъ 4 и грошей 26; и это за годъ теперешній 1835. Каковой квитъ, при печати костельной, подписую. Dato ut supra. Ксендзъ А. Хорошинскій“.

[2]) Степанскій костелъ основанъ отступникомъ отъ православія Янушемъ Кон-

основанія католическихъ цеховъ съ основаніемъ степанскаго костела. Древность шевскаго и гарбарскаго цеховъ подтверждается важнымъ документомъ, даннымъ этимъ цехамъ въ 1636 году 25 мая княземъ Владиславомъ Доминикомъ Заславскимъ, графомъ Тарновскимъ. Документъ этотъ не основываетъ цехи, а только подтверждаетъ ихъ права,—*„данныя издавна отъ святой памяти предковъ нашихъ“*, пишетъ Владиславъ Доминикъ, *„которыя* (т. е. права) *прошлаго года* (т. е. 1635 г.), *по произволенію Божію, сгорѣли“*. Слѣдовательно, происхожденіе этихъ правъ нужно отнести еще къ болѣе древнему времени. Копія этого документа, красиво написанная по польски на бѣломъ тонкомъ пергаментѣ, въ настоящее время хранится у цехмистра шевскаго цеха.

Степанскіе крестьяне очень дорожатъ подобными документами и уставомъ своихъ братствъ. „Артикулы“ они неохотно показываютъ постороннимъ, хотя никогда, впрочемъ, ихъ не читаютъ и, конечно, не исполняютъ. Изъ всѣхъ 12 статей братскаго устава ими вполнѣ исполняется до настоящаго времени только пятый артикулъ.—„Должны будутъ братія, говорится въ въ этомъ пунктѣ устава, во время всенощнаго, на литіи вси, во время утренняго Евангелія и Славословія во двою или болшь, во время службы Божія, Евангелія, Херувимской пѣсни, такожде каноника и во время „Святъ Господь“ и чрезъ „Израднѣе“ вси со свѣщами посредѣ церкви стояти“. Дѣйствительно, и до настоящаго времени во всѣ поименованные моменты православныхъ службъ братчики, а также иногда и сестрички, выстраиваются въ церкви въ ряды (братчики стоятъ двумя рядами въ длину церкви, а сестрички въ своемъ отдѣленіи—однимъ рядомъ въ ширину) и держатъ $1^1/_2$ аршинныя братскія восковыя свѣчи.

До настоящаго времени степанскіе цехи держатся еще своей давней, довольно стройной организаціи. Старшій братчикъ—цехмистръ (или цехмистриха, смотря по тому мужскій ли цехъ, или женскій) представляютъ первую и самую главную инстанцію

стантиновичемъ Острожскимъ въ 1614 году (см. „Волынь“ изд. П. Н. Батюшкова, стр. 123).

въ этой организаціи. Онъ главный распорядитель въ цехѣ. Въ домѣ у него—цеховой сундукъ съ цеховыми деньгами, документами, книгами, разными квитанціями и записями по дѣламъ цеха. Но распорядительная власть его значительно ограничена „подскарбіями". „Подскарбій" (или „подскарбая")—повѣренный цехмистра. Одинъ безъ другаго не въ правѣ ничего предпринять, даже отворить цеховой сундукъ, такъ какъ ключи отъ стоящаго въ домѣ цехмистра сундука хранятся у подскарбія—жителя иногда совершенно другой улицы. Подскарбій и цехмистръ составляютъ родъ постояннаго цеховаго совѣта. Третью инстанцію въ организаціи цеховаго начальства составляютъ три „лавника" (или „лавнички"), исполняющіе второстепенныя обязанности, возлагаемыя на нихъ цехмистромъ. Это въ своемъ родѣ цеховая полиція,—сотскіе по дѣламъ цеха.

Смѣшавшись съ цеховымъ устройствомъ, имѣвшимъ много практическихъ, живучихъ сторонъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ промышленому духу степанскихъ крестьянъ, братства совершенно утратили свой церковный характеръ. Жизнь цеховыхъ промышленныхъ общинъ течетъ и, въ настоящее время, тогда какъ отъ церковныхъ братствъ остались лишь мертвыя названія, нѣкоторые обряды, механически исполняемые братчиками (въ родѣ держанія, напр., свѣчей въ извѣстные церковные часы), да братскія иконы съ колоссальными свѣчами.

Каждое цеховое братство имѣетъ въ приходской церкви свою большую икону съ изображеніемъ того святаго или того священнаго событія, въ день празднованія котораго православною церковью бываютъ издавна совершаемыя годовыя братскія пиршества. Такъ, шевскій цехъ имѣетъ икону св. Космы и Даміана (праздникъ 1-го ноября), ткацкій—св. Христова Воскресенья (праздникъ на 2-й день Пасхи), пахарскій—св. Василія Великаго (праздникъ 1-го января), дѣвичій—св. великомученицы Варвары (праздникъ 4-го декабря), у молодецкаго цеха—въ Троицынъ день, у троицкихъ старшихъ братчиковъ—въ день Введенія въ храмъ пресв. Богородицы (21 ноября), у троицкихъ младшихъ братчиковъ—въ день зимняго Николая (6 декабря), у николаевскихъ братчиковъ—въ день зачатія св. Анны (9 декабря),

у николаевскихъ и троицкихъ сестеръ — въ день Благовѣщенія (такъ какъ Благовѣщеніе часто бываетъ во время поста, то „бабскій праздникъ“ переносится обыкновенно на второй день св. Пасхи), у рыбарей—въ день св. великомученика Георгія (23 апрѣля), у кравцовъ праздникъ бываетъ два раза въ году: въ Троицынъ день и на Рождество (25 декабря), у пречистскихъ братчиковъ—въ день Рождества пр. Богородицы (8 сентября), у мельниковъ—въ день св. апостола Іоанна Богослова (26 сент.), у кушнировъ и гарбаровъ—въ день свят. архистратига Михаила (8 ноября), и пр.

Передъ цеховыми иконами въ церкви стоятъ на деревянныхъ пьедесталахъ замѣчательныя и рѣдкія по свой высотѣ свѣчи. Высота нѣкоторыхъ цеховыхъ свѣчей—превышаетъ сажень, а обхватъ снизу равняется аршину. Свѣчи съуживаются кверху и имѣютъ видъ длиннаго вверху усѣченнаго конуса. Свѣчи сдѣланы изъ воску, фитилемъ для нихъ служитъ веревка. Кромѣ большой свѣчи, у каждаго цеха существуютъ еще свѣчи меньшаго размѣра. При погребеніи братчика или какого нибудь богатаго лица, въ похоронной процессіи принимаютъ участіе всѣ цехи, которые идутъ со своими свѣчами, занимая даже опредѣленныя мѣста: впереди всегда идутъ шевскій и ткацкій цехи, а за ними остальные.

Хотя условія общественной жизни въ нашемъ Полѣсьи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, благопріятствуютъ ея консервативному теченію, однако многіе изъ прежнихъ цеховыхъ братскихъ обычаевъ утратили въ настоящее время свое значеніе и отошли въ область историческаго, смутнаго преданія. Сохранились и держатся только такіе обычаи, которые пришлись по душѣ степанскимъ крестьянамъ. Таковы именно—цеховые братскіе праздники, представляющіе и въ настоящее время далеко не безъинтересную картинку бытовой жизни нашего Полѣсья. Мы подробно разсмотримъ ихъ.

Задолго до праздника совершаются *обнесеніе цеховаго образа* и *праздничные поборы*. Для перваго обряда въ каждомъ цехѣ существуетъ образокъ небольшаго формата съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ; онъ хранится у цехмистра, который предъ праздникомъ относитъ его къ своему сосѣду—ближайшему

члену цеха. Тотъ благоговѣйно принимаетъ образокъ, цѣлуетъ, ставитъ на нѣкоторое время въ почетномъ углу и затѣмъ относитъ его къ хозяину слѣдующей цеховой хаты и т. д.,—до тѣхъ поръ, пока икона не обойдетъ всѣ цеховые избы и изъ послѣдней въ день праздника не возвратится опять къ цехмистру. Въ послѣднее, впрочемъ, время обнесеніе образковъ совершается уже не такъ регулярно и постепенно начинаетъ выходить изъ обычая.

Праздничные поборы совершаются у богатыхъ и многолюдныхъ цеховъ за нѣсколько недѣль до праздника, а у бѣдныхъ за нѣсколько дней, чаще всего наканунѣ праздника; лавники, по порученію цехмистра (а иногда и самъ цехмистръ), ходятъ по мѣстечку къ братчикамъ и собираютъ годовой сборъ „на свичку“. Подойдя къ избѣ, они стучатъ въ окно и спрашиваютъ: „а чи не послявъ часомъ вамъ Богъ чого небудь на свичку“?— При этомъ намекѣ, хозяинъ или хозяйка обязательно должны пожертвовать что-нибудь для предстоящаго праздника или деньгами, или натурою (даютъ мѣрку какого нибудь зерна, картофеля, полотно, муку и т. п., а также нѣкоторое количество воску). Въ случаѣ отказа, сборщики отправляются по другимъ хатамъ, но потомъ возвращаются и обходятъ избы снова, пока не получатъ у отказавшихъ требуемаго подаянія. Въ настоящее время поборы къ цеховому празднику производятся не строго: одни даютъ больше, другіе меньше, а иные, при всей настойчивости сборщиковъ, иногда ничего не даютъ, говоря: „нехай вамъ Богъ дасть“; но крестьяне помнятъ еще то время, когда отказъ въ этомъ родѣ былъ невозможенъ, такъ какъ сборщики у отказывавшагося, по приказанію цехмистра, насильно забирали праздничную дань или вмѣсто нея конфисковали въ счетъ дани какую нибудь вещь въ хозяйствѣ. Нѣкоторые цехи не довольствуются сборомъ въ м. Степани, а ѣдутъ въ окрестныя села и деревни собирать „на свичку“. Такъ „лавники“ пахарскаго цеха, одного изъ самыхъ многолюдныхъ и зажиточныхъ, еще на рождественскія святки, предъ своимъ праздникомъ (1-го января), ѣдутъ въ с. Коростъ, въ дер. Зульню, Волошу, тамъ „колядуютъ“ подъ окнами, угощаютъ поселянъ, угощаются послѣдними и, собравъ

достаточное количество продуктовъ, возвращаются домой. При концѣ сбора, понятно, въ итогѣ оказывается всегда изрядное количество собранныхъ продуктовъ и денегъ; особенно это нужно сказать относительно многолюдныхъ цеховъ: шевскаго, ткацкаго, пахарскаго, братскихъ и др. Извѣстная часть собранныхъ продуктовъ оставляется для праздника, но большая часть продается, и вырученная сумма вся расходуется на возліянія Бахусу въ день цеховаго праздника. Въ этотъ день, обыкновенно послѣ литургіи, во время которой цехъ стоитъ съ своими ручными свѣчами, служится молебенъ или акаѳистъ празднуемому святому и, при колокольномъ звонѣ, происходитъ троекратное обхожденіе процессіи вокругъ церкви. Изъ церкви цехъ отправляется въ хату цехмистра на праздничный обѣдъ и общую попойку. Иногда цехмистръ проситъ батюшку благословить трапезу. На обѣдахъ могутъ присутствовать и посторонніе, но съ нихъ взимаются особыя денежныя пожертвованія, которыя тоже пропиваются. Для этой цѣли въ хатѣ цехмистра во все время пиршества стоитъ кружка для сбора пожертвованій отъ постороннихъ посѣтителей. Цеховый праздникъ иногда превращается въ шумную оргію разгулявшихся крестьянъ и бабъ. Въ хатѣ цехмистра подымается въ это время невообразимый шумъ и гамъ, для усмиренія котораго даже власть цехмистра оказывается безсильною. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходитъ разгулъ на цеховыхъ празднествахъ, можно судить по тому, что, по сознанію самихъ крестьянъ, на рыбарскомъ цеховомъ праздникѣ ими пропивается до 100 рублей, а на пахарскомъ,—обыкновенно продолжающемся 10 дней (отъ перваго января), выпивается 40 ведеръ водки и съѣдается цѣлый быкъ, который покупается для этой цѣли на братскія деньги. Особенно шумно празднуютъ свои годовые праздники тѣ цехи, праздники которыхъ приходятся осенью и зимою, когда у крестьянъ бываетъ меньше хозяйственныхъ хлопотъ и больше досужаго времени, таковы: пахарскій, шевскій, кушнирскій и братскіе цехи. Эти послѣдніе празднуютъ иногда до двухъ недѣль; другіе цеховые праздники длятся недѣлю и только немногіе бѣднѣйшіе цехи (какъ пречистскія сестры, бортники и др.) празднуютъ свой праздникъ только три

дня. Въ дни цеховыхъ торжествъ пропивается весь капиталъ, собранный годовыми взносами братчиковъ. Послѣ праздника цеховая кружка совершенно пуста. Не опасаясь впасть въ преувеличеніе, можемъ сказать, что степанскими крестьянами на цеховыя торжества тратится ежегодно круглою цифрою 800 руб., которые идутъ большею частью евреямъ. Сами крестьяне сознаютъ, что отъ цеховыхъ праздниковъ наибольшая прибыль бываетъ только Мошку. Въ церкви же цехами жертвуются только незначительные рубли, оставшіеся отъ праздничной попойки. Вообще, степанскіе церкви (Николаевская, Троицкая и Преображенская), при всемъ богатствѣ своихъ цеховъ, очень убоги и бѣдны. Достаточно сказать, напр., что стѣны Троицкой церкви, имѣющей въ приходѣ восемь цеховъ, въ настоящее время на половину сгнили и еле держатся отъ ветхости, что у троицкихъ братчиковъ, быстро организующихъ праздничныя попойки, не хватаетъ единодушія привести свою приходскую церковь въ приличное состояніе.

Къ особенностямъ степанскихъ цеховъ нужно отнести, между прочимъ, обрядъ ежегодной передѣлки за ново большихъ цеховыхъ свѣчей. За нѣсколько дней до своего праздника братчики несутъ свою свѣчу въ домъ цехмистра, тамъ рубятъ ее на части, варятъ воскъ долгое время въ котлахъ, подбавляютъ вновь собраннаго воску, мѣсятъ, качаютъ и дѣлаютъ новую свѣчу съ новымъ фитилемъ [1]). Вслѣдствіе такихъ ежегодно совершаемыхъ до настоящаго времени операцій, срединный воскъ этихъ свѣчей утратилъ свой естественный цвѣтъ и сдѣлался совершенно чернымъ; снаружи свѣча для вида обкладывается желтымъ воскомъ. Отъ небрежной перетопки въ воскъ входятъ много постороннихъ элементовъ, вслѣдствіе чего эти свѣчи, зажженныя во время богослуженія, издаютъ трескъ и разбрасываютъ отъ себя брызги.

Принятіе въ цехъ новыхъ членовъ происходитъ во время цехового или какого нибудь другаго православнаго праздника и

[1]) На праздникѣ въ честь новой свѣчи произносится празднующими оригинальный тостъ: „щобъ Богъ помигъ поставыты нову свичку на корени“, т. е. на пьедесталѣ.

требуетъ со стороны вновь поступающихъ выполненія особыхъ условій. Новопоступающій членъ долженъ, во первыхъ, внести въ цеховую кружку положенный вкладъ, выплачиваемый, впрочемъ, съ разсрочкой, и, во вторыхъ, угостить цеховое начальство. Размѣръ вклада въ разныхъ цехахъ различенъ—отъ „15 злотыхъ“ до двухъ. Кромѣ денегъ, новый членъ долженъ внести въ братскую „карбону“ еще нѣсколько фунтовъ воску. Угощеніе требуется тоже неодинаковое, сообразно со средствами кандидата.—При поступленіи, напр., въ шевскій цехъ богатаго кандидата, отъ него требуется угощеніе изъ трехъ кварть водки, вина, корзинки пироговъ и т. п.; отъ бѣднаго—только водка и на 7½ копѣекъ калачей. Принимаемый въ члены шевскаго цеха во все время угощенія долженъ почтительно стоять у порога и садится только тогда, когда угостившееся цеховое начальство разсмотритъ представленную имъ работу, одобритъ ее и запишетъ объ этомъ въ цеховую книгу.—Для братскихъ записей у каждаго цеха существуютъ особыя книги, хранящіяся въ денежной карбонѣ. Вотъ, между прочимъ, образчикъ давней цеховой записи степанскаго братскаго пречистскаго цеха: „Року 1751, августа 4 дня. Я Василій Трохимовичъ угодилъ цехъ братскій свято-пречистскій за цехмистра Іоанна Колоса и лавниковъ Петра Суковича, Іоанна Велесика и ключника Кирилла Суковича, *все совершенно отдалъ и братомъ цеховымъ зосталъ.*“ Нѣсколько измѣнена запись позднѣйшаго времени: „1845 года сентября 10 дня, я рабъ Божій Іосифъ Банковскій вписуюсь до храма св. отца Николая, до братства Успѣнія, за стараніемъ старшаго брата Ивана Карповича, старшихъ совѣтниковъ и ихъ лавниковъ NN NN, *за что остаюсь всемірнымъ братомъ во вѣки вѣковъ. Аминь*“. По такой формѣ записываются братчики и въ настоящее время.

На основаніи сохранившихся преданій о прежней жизни цеховъ и цеховыхъ документовъ, можно утверждать, что цеховыя братства имѣли своею цѣлью урегулировать общинный народный трудъ. По словамъ степанскихъ старожиловъ, рыбацкому, напр., цеху было издавна предоставлено исключительное право на рыбную ловлю, кравецкому—на шитье одежи и т. д. На

свадебныя пиршества, крестины и пр. хозяинъ долженъ былъ звать музыкальный цехъ, которому за игру полагалась установленная плата. Приглашать музыкантовъ изъ сосѣдняго села считалось преступленіемъ, которое судилось цехмистромъ. Никто, не записанный въ цехъ, не могъ заниматься въ Степани какимъ нибудь ремесломъ. Цехмистръ съ лавниками, на основаніи правъ цеха, имѣлъ полное право подвергнуть остракизму всякаго самозваннаго или пришлаго рыбака, кравца, музыканта и т. п. Въ вышеупомянутомъ документѣ князя Владислава-Доминика Заславскаго подробно разсказывается интересная индустріальная организація шевскаго и гарбарскаго цеховъ. Вотъ главныя основанія этой организаціи. Новый мастеръ долженъ дать въ братскую карбону пять злотыхъ, берменъ воску, бочку пива для братіи и два гроша литовскихъ цехмистру (pokrasy). Сынъ, научившись у своего отца шевскому ремеслу, перешедши на свое собственное хозяйство, долженъ дать въ карбону полъ-злотого. Братъ, опоздавшій на цеховую сходку, платитъ штрафъ въ шесть грошей польскихъ. Умершаго брата или сестру, вся братія съ женами своими должны почтительно проводить до могилы. На ремесленника другого села, находящагося подъ замковымъ управленіемъ, это правило не простирается; но можетъ простираться въ томъ только случаѣ, если послѣдній внесетъ въ цехъ двѣ копы литовскихъ. Братъ, не подчиняющійся этому правилу, долженъ платить шесть грошей штрафа; но беременная или больная женщина, равнымъ образомъ больной братъ освобождаются отъ штрафа. Если умретъ несостоятельный братъ, то за него на „позвонное“ должно дать изъ карбоны полъ-злотого. Ни одинъ ремесленникъ другаго мѣстечка не имѣлъ права покупать въ Степани и продавать шкуръ и обуви; только на ярмарку (разъ въ году) разрѣшалась вольная торговля всякому. Ремесленники не имѣли права отнимать одинъ отъ другаго челядниковъ и помощниковъ. Виновный въ нарушеніи этого постановленія долженъ дать въ цехъ берменъ воску... Никто не имѣлъ права торговать ни внѣ мѣстечка, ни на предмѣстьи, или открывать торгъ раньше положеннаго времени, въ противномъ случаѣ платился штрафъ цеху въ 4 камня воску. Бравшій себѣ маль-

чика для наученія ремеслу платилъ въ цехъ 6 литовскихъ грошей, а мальчикъ 6 грошей польскихъ; научившійся мальчикъ долженъ былъ дать цеху полъ-злотого. Купецъ, отдавшій цеху оптомъ шкуры для выправы, долженъ платить въ карбону по польскому грошу отъ каждой шкуры.

Уставомъ не забыты также нѣкоторыя требованія чисто моральнаго характера, мало имѣющія общаго съ меркантильнымъ цеховымъ устройствомъ. Каждый братъ, по уставу, долженъ быть послушливъ, имѣть честную жену, съ которой долженъ жить по христіанскому закону; въ противномъ случаѣ онъ не можетъ быть принятъ въ цехъ. Никто изъ членовъ братства не долженъ разсказывать на сторонѣ, что говорится и дѣлается въ цехѣ. Виновный штрафуется шестью польскими грошами въ пользу цеха. Мелкія тяжбы не должны доходить до суда; замковымъ судомъ судятся только „krwawe zwady“. Уставомъ утверждались цеховые кануны, какъ давніе обычаи. Одна „колода“ кануннаго меду должна быть приготовлена „на великую ночь русскаго праздника“, а другая въ день Космы и Даміана (1 ноября)[1].

---

[1]) Вотъ текстъ документа Владислава Доминика:

Władysław Dominik Xiąże na Ostrogu y Zasławiu, Hrabia na Tarnowie.

Wiadomo czyniemy tym pisaniem naszym, komu by to wiedzieć należało, iż nam bili czołem rzemieslnicy garbarże, albo z cechu szewskiego, mieszczanie naszi stepanscy, abyśmy im prawa, nadane zdawna od swiętej pamięci pszodków naszych, które im roku blisko przeszłego za nawiedzeniem Boskim zgorżeli, ponowili i utwierdzili, a to dla lepszego porządku, i spokojnego życia kóżdego z nich, i zwystępnych sprawiedliwosci. Pszeto my, uważywszy słuszność rzeczy, te puncta ich i artykuły stanowiemy one zachować, inaczej nieczyniąc roskazuiemy. Najprzód nowy majster do skrzynki brackiej gotowemi ma dać złotych pięć, wosku bermen jeden, braciey piwa beczkę, cechmistrowi pokrasy groszy dwa litewskiech. A którego ojca syn odejdzie na swoie gospodarstwo, nauczywszy się u swego ojca rzemiosla tego, ten do skrzynki puł złotego dać będzie powinien, a nie więcey. Gdyby który brat nasnaczonego czasu do schadzki zamieszkał, za takie omieszkanie do skrzynki winien groszy szesć polskich. Zmarłego brata albo siostrę wszyscy bracią z małżonkami swemi uczciwie odprowadzić powinni do grobu. Która kolwiek wies pod juruzdykcyą zamkową należy, żaden rzemieslnik rzemiosła naszego nie będzie mogł robić, aż cech poiedna pod winą dwoch kop litewskich. Jesliby który z braci temu nie był posłuszny, takowy winy płacić będzie groszy szesć, tego przestrzegłszy. Iesliby którego małżonka była obciązona, albo bolezcią iaką zdięta, lubo brat chorym będąc, tedy

Эта давняя организація шевскаго и гарбарскаго цеховъ въ нѣкоторыхъ своихъ тезисахъ напоминаетъ организацію церковныхъ братствъ. Сличая уставъ Владислава Доминика съ братскими артикулами, напр., Ѳеодосія Рудницкаго, видимъ между ними нѣкоторые общіе пункты: тотъ и другой уставъ, напр., узаконяетъ сходки, право автономнаго суда въ маловажныхъ преступленіяхъ, штрафъ воскомъ и деньгами въ карбону и пр. Послѣ этого понятно, почему эти два учрежденія сливались въ одно съ преобладаніемъ началъ цеховаго устройства, какъ болѣе примѣнительнаго къ нуждамъ практической жизни.

Сохранились воспоминанія о тѣхъ интересныхъ родахъ наказаній, которымъ подвергались въ нѣкоторыхъ цехахъ неспособные и лѣнивые ремесленники и подмастерья. Въ шевскомъ, напр., цехѣ существовало три рода наказаній. Самое слабое, состоявшее въ ударахъ „подтягачами“ (кожаные ремни, кото-

---

zdozwoleniem y dozwiadczeniem bractwa, od tey winy wolen będzie. Mieszczanin nasz, ani kupiec żaden, gość także y żyd skór iałowiczych, kozłowych y wszelakich niewyprawnych niema w miescie naszym kupować, ani żaden rzemieslnik inszego miasta obuwia przywozić i przedawać pod zaręką na urząd nasz zamkowy sta złotych polskich, a do cechu ich dwoch kop litewskich, czego urząd zamkowy ma dojrzeć iakoby od swawolnych te zaręki odbierane były, oprócz jarmarków który raz do roku u Stepaniu bywa, na tenczas wolno kózdemu z innego miasta wszelakie obuwie przedawać y kupować. Aby żaden z braci ieden drugiemu czeladzi i towarzyszów nie odmawiał, ktoby inaczey uczynił, viny bermen wosku do cechu przypada. Ktoby kolwiek z braciey sprawe przed cechmistrem miał, a inszy z boku onemu przeszkadzał, albo to żeby cechmistrz z bracią uznali ganił, takowy kózdy winy powinien dać złoty polski ieden. Aby żaden z braci skór i inszego towaru ten rzemieslnik swieckiemu należącego, za miastem albo na przedmiesciu, lub rano poki się targ nieziedzie, nie smiał kupować, i wkupowaniu i wprzedawaniu przeszkodzać. Przeciwny za wine czwierć kamienia wosku do cechu oddać powinien. Gdyby kto chłopca albo młodzienca na swiezenie rzemiosła tego będzie przyimował, ten pan jego powinien do skrzynki groszy dać sześć litewskich, a chłopieć groszy sześć polskich, a gdy iuż wyzwolisię chłopiec, sam winien dać do skrzynki puł złotego. Kózdy brat, do tego przyięty cechu, ma być poczciwego łoża, co ma dowodnemi listami od miasta albo pana gdzie się wrodził oswiadczyć. Tym sposobem brat ma mieć poczciwą żone i szlubną, z którą ma mieszkać według zakonu swiętego chrzescianskiego; który by się inaczej sprawował, tedy do bractwa niema byc przyięty, ani rzemiosła tego robić powinien. Kózdy brat tego bractwa cokolwiek między sobą będą mowili, albo sprawowali, aby żaden z nich na strone nie wyiawiał, na kim tego doswiadczą winien dać groszy szesć polskich. W prawnych sprawach do sądu brat brata pozywać niema.

рыми швецъ прикрѣпляетъ матеріалъ къ колѣну), присуждалось за малую вину. Второй, болѣе внушительный родъ наказанія предназначался для болѣе важныхъ ослушниковъ и неудачниковъ въ шевскихъ работахъ: ихъ заключали въ сарай въ то время, когда въ хатѣ цехмистра шелъ цеховой праздникъ. Наконецъ, самое строгое наказаніе полагалось для упрямыхъ и лѣнивыхъ шевцовъ, позорившихъ своими неудачными работами весь цехъ: виновному надѣвали на ноги деревянныя колодки, сбивали ихъ такъ, что заключенный не могъ встать на ноги; въ такомъ видѣ его сажали на завалинку дома, въ которомъ шелъ праздничный обѣдъ, и издѣвались надъ нимъ. Колодки, предназначенныя для подобныхъ экзекуцій, хранятся у шевскаго цехмистра и до настоящаго времени. Съ неисправнымъ ткачемъ цеховое начальство раздѣлывалось иначе: его клали подъ „верстатъ“ (ручная полотняная машина), а волосы („чуприну“) забивали клиньями въ нижней части верстата и въ такомъ положеніи заставляли проводить время цеховаго обѣда. У ткацкаго цехмистра сохранились между прочимъ нѣкоторые не безъинтересные аттрибуты цехмистерской власти: старая стальная сабля съ красивой рѣзьбой и плеть. Сабля, по преданію, была необходимымъ символомъ

---

okrom krwawey zwady co w zamku takowe potoczne sprawy sądzic ma sędzią, a ni wujt ich sądzic niema. A iesliby który z braci lekce sobie wazył, do cechu puł kamienia wosku winien oddać. Któryby z majstrów znakiem brackim obezła... zaraz do zchadzki nie stanoł, winy groszy trzy. Żaden majster aby czeladnika chował w sławie dobrej podeyrżanego, aż się pierviey z tego podeyrżenia wywiedzie u sprawy. Gdy brat brata w czym nagani, a potym by go nie przekonał, i na niego nie dowiodł, winy do skrzynki wosku funt. Kanon jako dawny zwyczaj był, iedna kłoda miodu aby sycona była na wielkanoc swięta ruskiego, a druga kłoda na dzień swiętych Kózmy u Damiana. Gdy z braci który niedostateczny pomrże, na podźwónne pul słotego dać z skrzynki. Któryby kolwiek kupiec obcy dał surowe skóry wyprawiac do rzemiosła naszego, tedy powinien będzie dać od kózdey skóry do skrzyńki brac kiej po groszu polskim. A względem tego grosza powinni będą na kązdą potrzebę naszą zamkową skóry wyprawować. Które artykuły wyżej opisane cale approbuiemy, stwierdzamy, y umacniamy, a żeby im we wszystkim dozyć się działo mieć to chcemy. Naco dla lepszej wiary przy pieczęci naszej, ręką się własną podpisuiemy, w zamku Dubienskiem dnie 25 majia 1636 anno. Władisław D. X. na Ostrogu y Zasławiu, Hrabia na Tarnowie. (L. S.).

Ta kopia przywileiu z oryginałem weryfikowana przy obięciu nowego dziedzica miasta i klucza Stepańskiego I. W. imci P-a Iosefa ze Złotego Potoka na

власти цехмистра въ торжественныхъ случаяхъ; онъ вѣшалъ ее сбоку, когда являлся къ помѣщику своему, и ею же усмирялъ подчасъ шумѣвшихъ ткачей [1]). Крестьяне очень дорожатъ этими памятниками утраченныхъ привилегій. Сохранилось даже одно цеховое знамя съ изображеніемъ креста, неизвѣстно какому цеху принадлежащее.

По общему сознанію степанскихъ крестьянъ, упадку цеховой жизни много содѣйствовало рекрутство. Молодежь теперь воздерживается отъ записи въ тотъ или иной цехъ, потому что съ поступленіемъ молодаго человѣка въ солдаты цеховыя его обязательства прекращаются. (Въ настоящее, напр., время цехмистръ шевскаго цеха взятъ въ солдаты). Въ прежнее время, когда рекрутскіе наборы не были такъ строго организованы, когда легче чѣмъ теперь можно было быть „въ бѣгахъ", цехи держались крѣпче.

Нигдѣ, сколько намъ извѣстно, на Полѣсьи не существуетъ уже цеховъ, которые бы представляли собою такую все еще живую рабочую ассоціацію, какъ въ м. Степани. Въ немногихъ только селахъ и мѣстечкахъ остались лишь сбивчивыя преданія о существовавшихъ нѣкогда цехахъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ, напр. въ м. Тучинѣ, въ с. Стидиняхъ, с. Мидскѣ и др., хранятся даже остатки цеховыхъ свѣчей, значительно уступающихъ, впрочемъ, по величинѣ и объему степанскимъ, представляющимъ рѣдкое и, быть можетъ, въ настоящее время единственное явле-

---

xięstwie zborowskim Iozefowie i Tarnopolu Potockiego krayczego koronnego, kawalera orderów Białego orła y S Stanisława Biskupa; Cezarskiego et c., starosty przez mieszczan cechowych szewskiech y garbarskich produkowaną z pozwolenia tegoz I. W. Pana approbuię się i aby była we wszystkim obserwowana i zachowana, zalecaiąc. Pomoc imc. Panom Ekonomom zakożdą rekwizycyią tychże cechowych, uczynienia podpisuię własną ręką. Dan w zamku Stepańskim dnia 28-go miesiąca marca, roku 1775-go Steczkiewicz, Regimentu pieszego buławy wielkej koronnej, aktualny kapitan.

[1]) Надо замѣтить, что въ старину „шабля" не была принадлежностью одного лишь шляхетскаго сословія, какъ это было впослѣдствіи: въ XVI—XVII ст. на Волыни, какъ и въ цѣлой Малороссіи, право ношенія оружія въ равной мѣрѣ принадлежало и мѣщанамъ. Надо полагать, что болѣе почетныя лица изъ мѣщанъ, какъ напр. цехмистры, дольше остальныхъ своихъ собратій удержали это почетное право.—*Примѣч. Ред.*

ніе на нашемъ Полѣсьи. Есть основаніе предполагать, что въ другихъ селахъ братства и праздничные пиры были организованы иначе. Въ мидской церкви (Мидскъ въ 15 верстахъ отъ Степани) сохранились, между прочимъ, отрывочныя реестровыя годовыя записи мидскихъ братчиковъ. Эти записи мало даютъ понятія о мидскомъ братствѣ, но за то могутъ служить не безъинтересной статистикою количества выпиваемаго меду на братскихъ праздникахъ (которыя тоже съ давняго времени велись въ этомъ селѣ) и церковнаго дохода отъ братскаго пира. Запись 1800 года гласитъ „utorgowali gotowich zlotych 14, grosz 2 (т. е. 2 р. 11 коп.; въ приложенномъ къ записи реестрѣ 105 братскихъ подписей)". Далѣе: „реестръ кануну Мидска великаго Покрова Пресвятыя Богородицы 1803 г.; купили прѣснаго меду котловъ 6, платили котелъ по злотыхъ 10; учинили *питаго меду гарцовъ 230*; ключниками были (слѣдуютъ подписи). *Уторговали* готовыхъ денегъ *злотыхъ 36 и грошей 27* (т. е. 5 руб. 53½ коп.). (слѣдуетъ 125 подписей)". Реестръ кануну Мидска малаго св. Великомученицы Параскевы 1807 года: „купили прѣснаго меду котловъ 2, четвертей 3; уплотили злотыхъ 49 и грошей 15; учинили *питаго меду гарнцовъ 90*; шинковали гарнецъ по грошей 20; *уторговали* готовихъ денегъ *злотыхъ 27*, (т. е. 4 руб. 5 коп.) (подписей 77)". Реестръ кануну 1823 года: купили меду котловъ 2, платили котелъ по злотыхъ 16; учинили *питаго меду гарнцовъ 85*; шинковали гарнецъ по 20 грошей; готовыхъ денегъ *уторговали злотыхъ 7 и грошей 22½* (т. е. 1 рубль 16½ коп.), каковые деньги сторожъ принялъ въ карбону" (подписей 100). Эти записи показываютъ, что мидскіе братчики, пируя, не забывали матеріальныхъ, по крайней мѣрѣ, интересовъ церкви, въ кружку которой кое-что перепадало отъ братскихъ пиршествъ. Никакихъ подобныхъ записей, ни даже преданій въ этомъ родѣ не сохранилось въ м. Степани. Мы видѣли выше, что степанскій ксендзъ получилъ „до костелу" въ 1835 г., 4 фунта воску и 26 грошей (т. е. 13 коп.),—и это отъ двухъ цеховъ, слѣдовательно съ каждаго цеха по 2 фунта воску и 6½ коп.

Неоднократно были предпринимаемы попытки со стороны степанскихъ священниковъ искоренить безобразныя цеховыя празд-

нества, но авторитетъ мѣстнаго приходскаго священника представляетъ слишкомъ слабую оппозицію этому традиціонному порядку вещей, сложившемуся вѣками. Напрасно убѣждали крестьянъ, что ежегодно безъ всякой пользы пропиваемая на праздникахъ сумма денегъ могла бы быть употреблена на какое нибудь хорошее дѣло, напр. на украшеніе храма Божія, на улучшеніе степанскаго народнаго училища, находящагося не въ особенно завидномъ состояніи. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Живучій инстинктъ слѣпой вѣры въ цѣлесообразность всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя освящены преданіями вѣковъ, оказывается сильнѣе современной логики, убѣдительнѣе аргументовъ.— „Такъ зъ-покинъ вику положено, такъ було при нашихъ дидахъ и прадидахъ... Нехай буде й теперъ такъ“,—такова ultima ratio степанскаго крестьянина, которой онъ оправдываетъ свое давнее историческое право праздновать изъ года въ годъ свои цеховые праздники со всѣми ихъ оргіями и безобразіями.

Ѳ. Кудринскій.

Надъ Днѣстромъ.

Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ Осипа Федьковича [1]).

I.

Отца моего убили на войнѣ (разсказываетъ бывало Настя Клищиха), мать съ горя да нужды умерла скоро послѣ него, а я осталась круглой сиротой при старой бабкѣ, теткѣ покойнаго отца. А какъ схоронили и бабку, взяла меня къ себѣ старая Оманиха, чтобъ, какъ говорила она, не было скучно ея дочкѣ Марусѣ. У нея я и выросла, какъ у родной матери: была она женщина праведная, не сдѣлала-бъ несправедливости и врагу, не то что мнѣ, бѣдной сиротѣ.

Не таковъ былъ Максимъ Оманъ, ея мужъ. Богатый былъ пребогатый и не скупой и никому не любилъ дѣлать неправды, но такой бѣшеный, да лютый, да грозный, да завзятый, да упрямый, что у насъ бывало, когда онъ дома, тихо, какъ на кладбищѣ. Должно быть онъ и съ роду никогда не смѣялся, а говорилъ такъ мало, что я за одинъ часъ бывало больше наторохчу,

[1]) Это одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ „буковинскаго Шевченка", напечатанный въ маленькой народной газетѣ его родины. Писанные Федьковичемъ въ послѣдній десятокъ лѣтъ жизни разсказы не были собраны въ отдѣльномъ изданіи и кіевскій сборникъ его „оповиданьѣ" 1876 года является теперь далеко не полнымъ. Затѣянное, но замедлившееся что то собраніе его сочиненій должно восполнить этотъ пробѣлъ. Въ этомъ собраніи маленькія народныя повѣсти Федьковича, гдѣ онъ является ни на кого не похожимъ, оригинальнымъ писателемъ, глубоко отражающимъ духъ сельскаго люда Буковины, должны занять первое мѣсто. Типичнымъ образцомъ ихъ представляется и предлагаемая нами въ переводѣ вещица.

чѣмъ онъ за цѣлый годъ. А какъ заговоритъ, то точно громъ ударитъ изъ тучи, а потомъ опять все тихо, какъ на кладбищѣ.

Старые люди разсказывали, что въ молодыхъ годахъ былъ онъ при какомъ то панѣ за перваго охотника. А когда разъ на большой охотѣ онъ спасъ своего пана отъ смерти, то тотъ не только подарилъ ему большое имущество, но велѣлъ построить и усадьбу такую большую и хорошую, что у иного помѣщика не было такой. Потому вѣрно такъ и любилъ онъ охоту, а люди говаривали, что онъ изъ короткаго своего ружья убьетъ безъ промаху самую маленькую пташку. Да и ружей же тѣхъ висѣло у него на стѣнахъ въ свѣтлицѣ!... Про другіе охотничьи снаряды ужь и говорить нечего.

А старуха Оманиха блѣдная-блѣдная, какъ ярый воскъ, ходитъ бывало по горницамъ, какъ духъ на покаяніи, какъ святая многострадальная великомученица. Вся жизнь ея сосредоточилась въ Марусѣ, дочкѣ-одиначкѣ, надъ которой она дрожала, какъ птица-насѣдка. Кажется мнѣ, что еслибъ умерла Маруся, то она велѣла бы зарыть себя живой въ одной ямѣ съ нею. За то, вѣроятно, такъ и почиталъ ее Оманъ, хоть и по своему, а все таки почиталъ и любилъ ее. Не успѣетъ она захворать (а она была слабая)—какъ сейчасъ полонъ домъ наберется и знахарокъ, и шептухъ, и лѣкарокъ, и черновецкихъ или залущецкихъ докторовъ и садигурскихъ жидовъ—цирульниковъ. Всѣ сейчасъ появятся передъ нею, и все по его приказу.

А Маруся, дочка-одиначка,—Боже что за красавица была! Такой дочки не было вѣрно и у самаго цисаря! Въ будень и въ праздникъ ходитъ убранная, какъ райская пташка, вся въ въ шелкѣ и въ золотѣ, прекрасная, какъ роза весною, когда красуется на солнцѣ омытая ранней росой. А какъ заговоритъ бывало, то точно ласточка защебечетъ или ангелъ зазвонитъ въ серебряные колокольчики! Никто бы не сказалъ, глядя на нее, что это дочка угрюмаго Омана, къ которому кажется и воробьи во дворъ летать боялись.

II.

Полюбила Маруся одного парубка, изъ нашего таки села—Тимоѳея Соболя—да какъ же сильно полюбила! Да и парубокъ же былъ!... Точно павичъ, точно воинъ съ мечемъ, что рисуютъ на картинахъ! Да что съ того, когда былъ изъ бѣднаго роду, такого бѣднаго, что не рѣшался онъ даже заговорить съ Марусей. Тогда только, когда приняли его въ войско да и потребовали скоро, только тогда отважился онъ перескочить черезъ ограду въ садъ, гдѣ Маруся въ тотъ вечеръ гуляла со мной, да и говоритъ ей:

— Маруся, я ухожу завтра.—Ты не говоришь ничего?

Она заплакала тогда горько-горько, припавъ на мое плечо.

— Ты любишь меня, Маруся? спросилъ онъ черезъ минуту, прослезившись и самъ.

— Развѣ ты не знаешь?... Зачѣмъ же еще мучишь мою душу?

— Ты будешь моею, Маруся, моею! Присягаю мѣсяцемъ и ясными звѣздами, что свѣтятъ надъ нами! крикнулъ Тимоѳей, поднявши правую руку, какъ на присягу.

— А отецъ? выговорила Маруся, глухо, точно изъ гроба.

— О, я его знаю, гордаго этого богача, что не кивнетъ даже головою при встрѣчѣ!... Но что можетъ сдѣлать онъ противъ истинной любви, такой любви, какъ моя, Маруся? Нашъ Днѣстръ глубокъ и широкъ, а можетъ онъ что нибудь сдѣлать противъ крестовой скалы? Такъ и отецъ твой не разлучитъ насъ, лишь бы ты любила меня, моя вѣрная дивчина!

— Ты идешь въ солдаты, говоритъ Маруся успокоившись немного.

— Хоть бы за море, хоть бы на край свѣта, сказалъ Тимоѳей, какъ въ колоколъ ударилъ, все жъ одна только ты будешь у меня въ умѣ, одна ты будешь цвѣсти въ моемъ сердцѣ, а порукой въ томъ пусть будетъ тебѣ этотъ перстень изъ чистаго сребра, который отдаю тебѣ вмѣстѣ съ моимъ словомъ и моимъ сердцемъ и надѣваю на твой розовый пальчикъ.

— О Тимоѳей! выговорила Маруся, чуть не лишаясь чувствъ.

— Марусечка моя единая!... Да какъ же?... Чтобъ я такъ и ушелъ отъ тебя... Не взявши съ собою хоть цвѣтка на память?...

Какъ она отдала ему шелковый, золотомъ вышитый платочекъ изъ за пояса, какъ они обнялись, поцѣловались, присягали, прощались... этого не разскажу ужь, такъ какъ въ это время скрипнули двери въ хатѣ и мы должны были разойтись.

III.

Разъ послѣ обѣда сидимъ мы съ Марусей въ большой свѣтлицѣ и молчимъ. Маруся вышиваетъ золотыми нитками тонкій-тоненькій платокъ, а я пряду возлѣ печи. Наконецъ я говорю ей:

— Что то дѣлаетъ теперь нашъ бѣдный Тимоѳей?

— О, пречистая Богородица! вздохнула Маруся тяжко, глянувъ на образа.

— Хоть бы написалъ когда нибудь, говорю я.

— Куда жъ онъ напишетъ, сердечный? Ко мнѣ написать нельзя, такъ какъ еслибъ узналъ отецъ...

— Что мнѣ пришло въ голову, Маруся.

— Вѣрно опять что нибудь хитрое, говоритъ Маруся, усмѣхнувшись.

— Я думаю о томъ, какъ бы не вздумалъ твой отецъ этимъ лѣтомъ или въ этотъ мясоѣдъ выдать тебя замужъ.

— Что это, Настя?—сказала, даже вздрогнувъ, бѣдная дѣвушка, такъ что даже шитье выпало у нея изъ рукъ, развѣ отцу есть когда думать о моемъ замужествѣ.

— Это мнѣ такъ только пришло въ голову, говорю я,—не сердись, Маруся.

— Такъ какъ же можно такое разсказывать, говоритъ Маруся. А если бы и такъ, то неужели ты думаешь, что я своего Тимоѳея...

Да и не договорила бѣдняжка, такъ какъ въ ту минуту вбѣжала въ свѣтлицу, запыхавшись, старая Омаиха:

— Въ комнату, дѣвки—старосты идутъ!—А Маруся какъ стояла, такъ и бросилась въ ноги старухѣ:

— Мама! Мамочка моя родная! Не губите меня, не дайте мнѣ загинуть.

— Дочка, дочка, говоритъ степенно Оманиха,—покорись отцу! Ты жъ знаешь его натуру, не съ сегодняшняго дня знаешь. Развѣ, думаешь, трудно ему схватить со стѣны первое попавшееся ружье и занапастить свою, твою и мою душу въ одно мгновеніе ока? Дочка, дочка! Не доводи до этого! А теперь иди, иди бѣдное мое дитя, да приготовься, да уповай на всемогущаго Бога, можетъ быть онъ, милосердый, все еще измѣнитъ своей небесной милостью! Настя, ты разумная дѣвушка, иди съ Марусей, утѣшь ее въ тяжелую минуту! Ты знаешь, что ты у меня жила не наймичкой, а какъ родная дочь. Отплати же мнѣ теперь за это. Идите, идите, милыя, чтобъ васъ не застали въ хатѣ: нельзя чтобъ такъ было!... Вотъ и взяла я Марусю почти насильно, да и повела какъ полумертвую въ другую комнату. Въ тотъ же вечеръ Марусю и просватали.

IV.

Никогда я не вѣрила въ чудеса, а на Марусиномъ сговорѣ довелось и мнѣ видѣть чудо, да не одно, а два разомъ... Первое то, что Маруся стала совсѣмъ неузнавасмой: и смѣется, и шутитъ и ласкается къ Оману и съ Оманихой ходитъ по свѣтлицѣ, до того что даже Оманъ диву дался и какъ будто сталъ совсѣмъ добрымъ. „Я зналъ, что ты, Маруся, у меня умница! говоритъ ей, за то позволяю тебѣ взять съ собой и Настю, чтобъ не было тебѣ очень скучно сразу. Ты пойдешь къ ней, Настя“?

— Пойду и въ пекло, батечко, если вы скажете, отвѣчала я ему, цѣлуя руку.—Ну, ну, не печалься, голубка, говоритъ Оманъ, мы и про тебя не забудемъ!...

Ну развѣ не чудо все это?—А другое чудо... Но прежде лучше разскажу за кого просватали Марусю.

Въ нашемъ селѣ жилъ крестьянинъ-вдовецъ,—Петро Клѣщукъ по имени, человѣкъ богатый, здоровый, среднихъ лѣтъ, изъ себя видный, только немножко, какъ говорится, слабый на голову.

Вотъ ему какъ втесалося въ голову породниться съ богатымъ Оманомъ, такъ до тѣхъ поръ не давалъ покою, пока тотъ не сдался наконецъ. И не трудно было ему сладить съ Оманомъ, такъ какъ тотъ любилъ и уважалъ его, за то, конечно, что Клищукъ былъ честный человѣкъ, и берегъ свое доброе имя какъ дорогой камень, на который не должна пасть и порошинка.

А у Клищука былъ единственный сынъ, Никифоръ, парубокъ красивый, хорошій, веселый, шутливый и при томъ такой хитрый и умный, что его даже жиды боялись. Какъ начнетъ бывало разводить разводы да туману напускать, то одуритъ и самого равина.—А какъ пришелъ и онъ на сговоръ, а гости, подпившіе уже изрядно, стали говорить всѣ разомъ, я моргнула на него да и говорю: „какъ думаете, Никифорко, что выйдетъ изъ этого сватовства?“—„Будетъ то чего ты захочешь, Настя!“ говоритъ онъ, моргнувши и мнѣ хитро-прехитро.—Я?!—О, Боже, праведный, да я бъ за Марусю и душу свою отдала!...

— Дай мнѣ только свое сердце, да и то не даромъ, а въ обмѣнъ на мое! Вѣдь я люблю тебя, Настя.

— Никифоръ.

— Не чванься, Настя, а дай мнѣ свою бѣлую ручку, ты любишь меня, это я давно знаю! А за Марусю не безпокойся: Маруся подъ моей опекой.

— А Тимоѳей?

— Тимоѳей мой побратимъ, а люблю я его какъ родного брата. Это все мнѣ удалось шепнуть на ухо Марусѣ, когда она убиралась въ свѣтлицѣ, а ты побѣжала чего то къ старухѣ въ комору.

— Да какъ же ты думаешь все устроить?

— Это ужъ моя забота, Настя. Одно тебѣ скажу только, какъ прійдетъ къ вамъ мой посланный съ наставленьемъ отъ меня, дѣлайте все, какъ онъ вамъ скажетъ.

— А кто будетъ этотъ посланный?

— Баба Гапа, что у насъ теперь ведетъ хозяйство. Развѣ не молодецъ,—хоть куда!

Я засмѣялась, онъ стиснулъ меня, поцѣловалъ и пошелъ межь гостей, а мнѣ показалось, что меня носятъ на крыльяхъ ангелы... Это было другое чудо. А чудотворецъ кто?

V.

Было это сейчасъ послѣ зеленыхъ святокъ, а на Петра должна была быть свадьба, такъ условились между собою сваты. Въ это время баба Гапа почти каждый день прибѣгала къ намъ, какъ будто бы о чемъ нибудь посовѣтываться, или занять чего нибудь или просто такъ провѣдать. А что за страшилище была эта баба Гапа, ну просто точно сатана! Сухая, костлявая, ротъ отъ одного уха до другаго, какъ у вороны, одно плечо выше, другое ниже, вся какая то искривленная, пронзительные глаза, зубы, какъ спицы граблей, ноги длинныя-предлинныя, такъ что какъ ступитъ шагъ, то тебѣ надо сдѣлать три. А какъ надѣнетъ турецкую феску, то будетъ уже тебѣ сниться ночи три, не меньше. Какъ прибѣжитъ, бывало, къ намъ, то сейчасъ же какъ егоза и пойдетъ шнырять вездѣ: подниметъ суету и въ хатѣ, и въ коморѣ, и въ свѣтлицѣ, очутится и на дворѣ, между утокъ, куръ... Только индюковъ боялась послѣ того какъ разъ старый индюкъ сорвалъ у нее съ головы феску, и мы насилу отняли ее. А какъ влетитъ въ хату, то сейчасъ и на старухѣ Оманихѣ одернетъ платье, и у Маруси кораллы на шеѣ перевязываетъ, и меня кулакомъ толкнетъ, и съ котомъ цѣлуется, а такъ затрещитъ, что въ хатѣ звонъ пойдетъ, а Омониха убѣжитъ или на огородъ, или въ пасѣку, лишь бы спастись отъ напасти.

Такъ вотъ разъ въ субботу прилетѣла она къ намъ, какъ сорока, и какъ только Омониха вышла изъ хаты, такъ она сейчасъ шепнула Марусѣ на ухо:

— Тимоѳей пришелъ!

Маруся такъ и встрепенулась вся, спрашиваетъ:

— Гдѣ жъ онъ?

— За Крестовикомъ, на горѣ близъ Днѣстра завтра въ полдень будетъ ждать тебя. Завтра воскресенье, отпросись у матери и приходи туда съ Настей. А еслибъ старуха и не пускала, ты все таки приходи, онъ будетъ ждать тебя непремѣнно.

Въ это время въ хату вошла Омониха, а Гапа сейчасъ такъ и подлетѣла къ ней:

— Голубушка, милая! Какія ягоды уродились на горахъ за Крестовикомъ, ну просто какъ грецкіе орѣхи!

— А я еще въ этомъ году и не видѣла ихъ, говоритъ Омаииха, а Маруся подхватила сейчасъ:

— Я, мама, пойду завтра послѣ обѣда съ Настей, и насобираемъ, хорошо, мама?

— Идите, я не мѣшаю, говоритъ Омаииха, лишь бы вамъ не вздумалось купаться, тамъ возлѣ крестовыхъ горъ страшная глубина, дна нѣтъ. Эти бездны поглотили не одного уже человѣка, такъ что и слѣда не осталось. А тѣ утопленники, говорятъ, зарятся на живыхъ людей, какъ бы ихъ залучить себѣ въ товарищи...

— Да ну ихъ, говорю я. Развѣ мы не купаемся каждый день у себя возлѣ мельницы, чтобъ захотѣли мы лѣзть въ рѣчныя ямы.

— Вода ищетъ себѣ жертвъ, говоритъ дальше Омаииха. Да не вздумайте также взбираться на Крестовика. То скала опасная, ненадежная, страшная. Она нависла надъ самой кручей Днѣстра, будто каждую минуту хочетъ броситься въ бездонную глубину рѣки.

— Пускай себѣ бросается на здоровье, говорю я, а намъ то какое дѣло? Мы погуляемъ себѣ часокъ, наберемъ ягодъ, да заранѣе вернемся и домой.

— А знаете, дѣти, продолжаетъ дальше Омаииха, почему назвали ту ужасную скалу Крестовикомъ? По тѣмъ безчисленнымъ крестамъ, что стояли по гребнямъ и вершинамъ скалы. Какъ утонетъ, бывало, кто въ днѣстровыхъ пропастяхъ, то сейчасъ люди крестъ святой поставятъ на какомъ нибудь шпилѣ. Потомъ негдѣ уже было и крестовъ ставить—вотъ и оставили тотъ обычай, хотя послѣ того Богъ знаетъ сколько тамъ еще душъ утонуло! Вѣчная имъ память!

— Безъ погребенья! вздохнула Маруся.

— Безъ гроба и безъ ямы, говоритъ Омаииха, вытирая слезы. Со дна бездны никто вѣдь не могъ достать и косточки погибшихъ.

Въ это время вошелъ старый Оманъ. Все утихло; даже Гапа не долго еще повертѣлась, а, моргнувши Марусѣ, отправилась домой.

VI.

Пока все это происходило въ Омановой хатѣ, у Клищука велись иныя рѣчи, совсѣмъ иныя. Старый Клищъ сидитъ въ концѣ стола и куритъ трубку, а Никифоръ возлѣ печки починяетъ неводъ, да усмѣхается самъ себѣ.

— Гмъ, говоритъ Клищъ черезъ минуту, вытрушивая изъ трубки золу, Тимоѳей Соболь пришелъ сегодня въ семидневный отпускъ. А красивый изъ него вышелъ парень, нечего сказать, могъ бы у меня быть за дружка.

— Какъ бы Маруся не разсердилась, говоритъ Никифоръ, смѣясь.

— Какъ это Маруся? крикнулъ Клищъ съ досадою. Развѣ Соболю есть къ ней какое дѣло?

— Да вы не знаете развѣ, что они давно любятъ другъ друга? Ха, ха, ха! Да про это уже и воробьи прокричали на крышахъ.

— Лжешь, разбойникъ, крикнулъ Клищъ, вскочивши со скамьи, какъ ужаленный, неправда это!

— Пускай будетъ и неправда, мнѣ что съ того? А я, что знаю, то знаю!

— Отчего жъ ты мнѣ давно этого не сказалъ, душегубецъ ты этакій! Вѣдь ты зналъ, что я хочу жениться на Марусѣ.

— Развѣ вы меня спрашивали о чемъ нибудь, когда шли къ Марусѣ съ старостами? А я такъ себѣ думалъ: мой паценька уже старый, приношенный, можетъ быть оно будетъ и кстати ему, если будетъ кто со стороны утѣшать молодую женку. Ха, ха, ха!

— Докажи, негодяй ты, или я сейчасъ тебѣ скручу шею, какъ воробью, докажи, что говоришь правду.

— А что будетъ, если я докажу?

— Тогда пусть Оманъ отдаетъ свою пышную дочку солдатамъ, а не завязываетъ съ нею свѣтъ мнѣ, Петру Клищу, на доброе имя котораго никогда не упала еще и порошинка!

— Вотъ теперь и въ самомъ дѣлѣ вы говорите такъ, какъ подобаетъ Петру Клищу, тому Петру Клищу, который и съ офицеромъ бы за честь свою поспорилъ. Только точно ли такъ будетъ, какъ вы говорите?

— Если неправду я говорю, то убей меня полѣномъ, какъ бѣшеную собаку, отвѣчалъ Клищъ, поднявши обѣ руки вверхъ, какъ на присягу.

— Ну, такъ идите-жъ завтра послѣ обѣда на Крестовую скалу и спрячьтесь тамъ такъ, чтобъ васъ никто не видѣлъ. Ожидайте тамъ хоть бы и до вечера! А если не увидите тамъ того о чемъ я вамъ говорилъ, то даю вамъ волю дѣлать со мной что угодно, можете хоть скинуть меня съ Крестовика въ пучину Днѣстра...

— О! зарычалъ старый Клищъ, какъ разсвирѣпѣлый туръ. Такъ надо жъ, чтобъ и Оманъ шелъ со мною, чтобъ не говорилъ старый песъ, что я порочу честь его дочери. И сказавши это, схватилъ уже шапку съ крючка и пошелъ къ дверямъ, направляясь въ хату къ Оману.

— Стойте, батько, говоритъ Никифоръ, останавливая старика, что это вы хотите дѣлать? Развѣ вы думаете, что Оманъ сдержитъ себя до завтрашняго дня? Да онъ сейчасъ дома такую бучу подниметъ, что Марусѣ будетъ не до свиданья съ Тимоѳеемъ.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать? спрашиваетъ растерянный Клищъ.

— Ждите до завтрашняго послѣ обѣда, пока Маруся не пойдетъ на прогулку, а тогда уже зовите Омана да и идите съ нимъ тропинками, чтобъ васъ никто не видѣлъ, на Крестовую скалу.

— Твоя правда, сынъ, говоритъ Клищъ, швырнувши шапку въ уголъ, а самъ кинувшись на лаву возлѣ стола. Никифоръ взялъ шапку и вышелъ тихонько изъ хаты, усмѣхаясь, какъ лиса, когда ей удается какое нибудь хитрое дѣло.

VII.

Весь тотъ день, это Божье воскресенье было тихое, ясное и теплое, извѣстно какъ передъ Ивановымъ днемъ. Сейчасъ послѣ обѣда мы собрались съ Марусей и пошли къ Крестовой горѣ. А тотъ Крестовикъ стоитъ тамъ себѣ высокій да ужасный, наклонившись надъ Днѣстромъ, а подъ нимъ вода въ черной

пучинѣ такъ и бьется, такъ и крутитъ, просто страхъ бѣретъ смотрѣть. А за горою берегъ красуется покрытый зеленой травой и цвѣтами. На небольшой площади стоятъ изрѣдка яворы, дубы, березы, а дальше тянется густой лѣсъ, зеленый какъ рута. О прекрасно оно, прекрасно то побережье Днѣстрово! Не будь только этого ужаснаго Крестовика и той страшной, черной рѣчной пучины!...

— Ты что то не весела, Маруся? говорю я.

— Тяжело мнѣ, Настя, очень тяжело.

— Да отчего-жъ, Марусечка? Вѣдь сейчасъ увидишь своего Тимоѳея.

— Мой Тимоѳей, милый мой Тимоѳей, защебетала Маруся, какъ тоскующій соловей. А можетъ быть баба и лгала, можетъ быть онъ...

— Не лгала баба, мое ты золото, раздалось изъ за явора и черезъ секунду Маруся прижималась къ своему Тимоѳею. А онъ такъ голубитъ ее:

— О Марусенька, мое сердце! Насъ никто уже не разлучитъ на этомъ свѣтѣ!

— А можетъ быть и разлучитъ, послышался крикъ съ самаго высшаго шпиля Крестовой скалы. Смотримъ туда, а тамъ стоитъ Оманъ съ ружьемъ, а возлѣ него Клищъ, оба страшные и багровые, точно палачи.—Отойди прочь отъ безумной дивчины, заревѣлъ Оманъ, какъ дикій звѣрь, такъ что даже эхо пошло по лѣсу.

— Насъ не разлучитъ и смерть, не то что ты неразумный старикъ, отвѣтилъ гордо Тимоѳей, прижимая къ себѣ лишившуюся чувствъ Марусю.

Бухъ! Бухъ!... раздалось дважды изъ Омановаго ружья. Военная фуражка Тимоѳея, пробитая двумя пулями, отлетѣла далеко. Никифоръ выбѣжалъ безъ шапки изъ лѣсу и осматриваетъ товарища, не задѣла ли его пуля. Мы съ Тимоѳеемъ припали возлѣ бѣдной Маруси, лежавшей, точно неживая, на травѣ. Оманъ заряжаетъ въ другой разъ свое ружье,—какъ вдругъ—трахъ!... Рѣчная пучина заревѣла, волны съ шумомъ ударили вверхъ, такъ что вода брызнула и на насъ, а весь

уголъ Крестовой скалы, на которомъ стояли Оманъ съ Клищомъ, пропалъ съ ними вмѣстѣ въ черной пучинѣ Днѣстра и изчезъ безъ слѣда и безъ вѣсти и до настоящаго дня.

VIII.

На другой день три священника, сѣдые какъ три сивыхъ голубя, правили панихиду надъ Крестовой скалой, правили похоронный обрядъ „безъ гроба и безъ ямы", какъ поютъ въ пѣснѣ. Старая Омаиха распоряжалась во время службы, всегда спокойная, блѣдная, какъ ярый воскъ, тихая, какъ великомученица. Народъ стоялъ кругомъ скалы и плакалъ тихо. Маруся лежала въ горячкѣ, я ухаживала за нею. Никифоръ сидѣлъ возлѣ больнаго Тимоѳея, да плакалъ о своемъ неразумѣ. Самъ вѣдь онъ это и Тимоѳея вызвалъ и бабу Гапу къ Марусѣ посылалъ и Клища съ Омаиомъ направилъ подстеречь свиданье. Онъ то разсчитывалъ такъ, а вышло иначе. Онъ думалъ, что когда старый Клищъ увидитъ, что Маруся и Тимоѳей любятъ другъ друга то, какъ честный человѣкъ, откажется отъ нея, а старый Оманъ, хоть и нехотя, долженъ будетъ отдать Марусю за Тимоѳея. А между тѣмъ... Ахъ, отцы и матери, имѣющіе дѣтей, не разлучайте ихъ съ тѣми, кого они вѣрно любятъ, чтобъ и васъ Божій гнѣвъ не увлекъ въ какую нибудь пучину, хоть не Днѣстровую, а иную; у Него, Святаго, есть ихъ много...

А черезъ годъ?... Опять три священника, какъ три сѣдыхъ голубя, правили службу надъ Днѣстровой кручей за упокой душъ Максима и Петра, тѣла которыхъ почивали подъ Крестовой скалой „безъ гроба и безъ ямы". Народъ опять стоялъ кругомъ и тихо плакалъ. Старая Омаиха опять распоряжалась, какъ годъ тому назадъ, все такъже тихая, блѣдная, покорная. Тимоѳей съ Никифоромъ стояли близъ обломковъ Крестовика и молились Богу. Баба Гапа крутилась возлѣ Омаихи, но уже въ новой фескѣ, такъ какъ старый противный индюкъ до тѣхъ поръ не далъ пощады, пока не разнесъ ее въ куски.

А я съ Марусей?—Готовились къ святому вѣнцу, назначенному послѣ обѣда: Маруся съ Тимоѳеемъ, а я съ Никифоромъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Рѣчь кн. Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» настоящаго года помѣщена рѣчь, произнесенная малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ 25 сентября 1823 года. Приводимъ текстъ другой рѣчи, сказанной имъ-же при открытіи дворянскихъ собраній въ Полтавѣ 3-го и въ Черниговѣ 20-го января 1818 года.

«Чѣмъ стану привѣтствовать васъ, почтенные дворяне, въ торжественный день собранія вашего? Какія слова достойны важности предмета, вамъ предстоящаго? Мои были-бы слабы. Но обратимся къ тѣмъ, на коихъ основаны права наши, къ тому залогу любви и милосердія, который далъ намъ Всеавгустѣйшій Императоръ въ первые дни царствованія своего.

(Здѣсь прочтенъ Высочайшій манифестъ отъ 2 апрѣля 1801 года, возстановляющій права дворянства).

Такъ вѣщалъ Царь нашъ, возшедши на престолъ предковъ своихъ. Надежда вселилась въ сердца наши при сей зарѣ благоденствія и сколь величественно она исполнилась!

Гдѣ грозныя тучи, носившіяся надъ Россіею? Онѣ исчезли! Гдѣ враги ея? Всевышній низвергъ ихъ, поборствуя Царю, уповающему на него, исшедшему на брань съ крестомъ въ сердцѣ и возвравшему къ народу съ отеческою любовью.

Россія блаженствуетъ, торжествуетъ: зане Царь ея по сердцу Божію и Господь есть на всѣхъ путехъ его.

Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками! Сими знаменитыми годами будутъ гордиться и дальніе потомки наши. Но да увидятъ они въ насъ примѣръ добродѣтелей, не только воинственныхъ, но и гражданскихъ;

пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда можемъ только быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

Вы, почтенные дворяне, повинуясь гласу Царя, не знали преградъ своимъ пожертвованіямъ; не считали вы достояній своихъ, не помышляли о женахъ и дѣтяхъ вашихъ: себя, все что имѣли, приносили въ жертву отечеству. Всевышній благословилъ усилія ваши, и всемилостивѣйшій Государь удѣлилъ вамъ часть славы своея, сказавъ: «дворянство есть вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа».

Вникните въ сіи царскія слова, и да послужатъ они вамъ путеводителемъ въ будущихъ вашихъ дѣяніяхъ.

Право, предоставленное россійскому дворянству избирать изъ среды себя какъ судей, такъ и чиновниковъ, пекущихся о внутреннемъ спокойствіи, есть знакъ величайшаго довѣрія правительства къ нашему сословію. Оправдаемъ оное; и да не уклонится никто изъ васъ отъ возлагаемой на него обязанности; да не падетъ избраніе ваше на иныхъ, какъ на людей достойныхъ и опытныхъ, и да не возжелаетъ никто мѣста выше силъ своихъ.

Отличительная черта въ русскомъ дворянинѣ есть безпрестанное его служеніе отечеству. Онъ не считаетъ, какъ иноплеменникъ, что сойдя съ поля брани, или сложивъ съ себя какое либо званіе гражданское, прекратились его обязанности, что онъ уже заплатилъ дань отечеству: нѣтъ! онъ пребываетъ вѣрнымъ его сыномъ до конца дней своихъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ верховныхъ властей.

Теперь предлежитъ вамъ еще величественное поприще, содѣйствовать Отцу отечества и въ попеченіи его о устроеніи внутренняго благоденствія. Всякъ, исполняющій долгъ свой съ ревностью, жертвующій спокойствіемъ и личными выгодами для пользы общей, можетъ гордиться сею мыслію: и щедрый и справедливый Царь не оставитъ заслуги его въ тунѣ.

Всегда сіи пожертвованія были легки для васъ благородное малороссійское дворянство! но теперь онѣ будутъ восхитительны при воспоминаніи о тѣхъ торжественныхъ дняхъ въ кои удостоились мы видѣть всемилостивѣйшаго Государя среди насъ. Кто можетъ вспомнить безъ восторга милостивое его снисхожденіе къ каждому, попеченіе о благѣ общемъ, награды, коими онъ удостоилъ сочленовъвашихъ?

И такъ ничтожны для васъ будутъ всѣ трудности, предлежащія вамъ въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ обязанностей.

Вы, коихъ удостоитъ почтенное дворянство своимъ избраніемъ, вступя въ судилища, оставьте за прагомъ оныхъ всѣ прежнія сношенія ваши: да будутъ месть и злоба чужды сердецъ вашихъ; но и да не поколеблютъ васъ тоже связи родственныя и дружескія; со страхомъ Божіимъ въ сердцахъ будьте тверды, не бойтесь мощныхъ на земли, а взыщите сирыхъ и убогихъ: «возлюбите правду, судящіи землю: мудрствуйте о Господѣ во благостыни и въ простотѣ сердца взыщите его».

Но и тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердому Царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ. Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій Государь, «что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ, предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ, многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства».

Благородное дворянство! Сіе воззваніе отца отечества уже навѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ. Вамъ не трудно будетъ оное исполнить, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставили. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе, неумолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцевъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдѣляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ

покоится драгоцѣнный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги: и за родину никто не принесъ себя въ жертву! Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны; и память бы ихъ исчезла въ смертномъ снѣ, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю, не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ, побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщите способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли; вы займетесь нравственностью подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, «помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ!»

Но сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой; оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ, изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастію, еще доселѣ случаются; избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя, и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне! Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили; другіе, своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ, весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ, и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ «умомъ и душею народа».

Симъ великимъ привѣтствіемъ Царя нашего началъ и кончу изложеніе обязанностей вашихъ. Важность предмета, о коемъ я обращался къ вамъ, полагаетъ преграды моему вѣщанію; но порывъ

благодарности заставляетъ нарушить оныя, и я держаю еще нѣсколько времени занятъ васъ изъясненіемъ чувствъ, наполняющихъ сердце мое.

Въ сей день, малороссійское дворянство! когда я нахожусь среди почтеннаго собранія вашего, чувствую наиболѣе всю важность служенія, милостію монаршею на меня возложеннаго. Онъ довѣрилъ мнѣ пещись о вашемъ благосостояніи, быть исполнителемъ велѣній его, блюстителемъ порядка и правосудія въ краѣ семъ, столь знаменитомъ своими воспоминаніями, столь значительномъ и нынѣ въ общей связи государственной.

Священныя обязанности возложены на меня; но не въ силахъ моихъ и частію бы оныя исполнить, ежлибъ не осчастливленъ я былъ содѣйствіемъ вашимъ. Память истекшаго года неизгладима изъ сердца моего: многіе изъ васъ удостоили меня своею дружбою и своимъ довѣріемъ; всѣ оказали новые опыты приверженности къ Царю и отечеству: отъ щедротъ вашихъ основывается здѣсь училище — новый памятникъ того стремленія къ просвѣщенію, которое всегда отличало малороссійское дворянство.

Вы, почтенные сотрудники мои! избранные отъ дворянства мужи, коимъ вручило оно жезлъ предводительства: вы истинно заслужили отличное мое уваженіе и благодарность. Я часто обращался къ вамъ — и всегда находилъ въ васъ усерднѣйшихъ подданныхъ Государю, защитниковъ чести и спокойствія вашихъ согражданъ, мнѣ же дѣятельнѣйшихъ помощниковъ, не скрывающихъ отъ меня никогда зла и говорящихъ мнѣ всегда правду.

Малороссіяне! течетъ уже другой годъ, какъ я среди васъ. Уповаю, что не чуждъ уже я вамъ и что вы сохраните память приверженности моей и въ то время, ежели волею Монаршею перемѣнится мое служеніе; буде же нѣкогда прекратится оное, то среди же васъ буду искать себѣ успокоенія: дружба и уваженіе ваши будутъ и тогда лестнѣйшею для меня наградою отечества.

Теперь, почтенные дворяне! приглашаю васъ отправиться въ храмъ Господень, принести предъ престоломъ Всевѣдущаго священный обѣтъ въ нелицепріятномъ избраніи изъ среды себя судей правыхъ, чиновниковъ дѣятельныхъ, мнѣ же сотрудниковъ, достойныхъ моего уваженія».

Рѣчь эта была отдѣльно напечатана. Она произвела впечатлѣніе и, по всей вѣроятности, вызвала толки на мѣстѣ; нѣкоторыя мѣста ея показались слишкомъ смѣлыми, вслѣдствіе чего послѣдовало по цензурѣ распоряженіе не дозволять ея перепечатыванія въ

журналахъ. Однако она появилась въ 20 книжкѣ (15 мая) «Духа Журналовъ» на 1818 годъ, издаваемаго въ Петербургѣ цензоромъ Яценковымъ. По справкѣ оказалось, что она не была въ разсмотрѣніи цензуры и добавлена къ книжкѣ, пропущенной въ печать цензоромъ Тимковскимъ.

Въ отвѣтъ на потребованное отъ него объясненіе, издатель «Духа Журналовъ» говоритъ:

«Въ рѣчи князя Репнина нѣтъ ничего ни о рабствѣ, ни о свободѣ крестьянъ, а только самое легкое и осторожное напоминаніе о улучшеніи участи крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ кругу гражданскаго ихъ бытія, въ которомъ они закономъ постановлены. Предметъ не новый: можно указать тысячи узаконеній, то же самое и еще сильнѣе подтверждающихъ.

«Рѣчь сія прислана къ главному издателю «Духа Журналовъ» печатная. Она говорена была въ торжественномъ собраніи всего малороссійскаго дворянства такимъ лицемъ, которое на своемъ постѣ есть органъ воли Монаршей, слѣдовательно принята за оффиціальную; а потому и не оставалось никакого сомнѣнія къ напечатанію оной съ печатнаго уже экземпляра.

«Мнѣ не было тогда извѣстно словесное приказаніе его высокопревосходительства г. управляющаго министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, данное цензору статскому совѣтнику Тимковскому о недозволеніи печатать рѣчи сей. Если бы я могъ хотя мало подозрѣвать о такомъ распоряженіи, то-бы нарушить онаго не осмѣлился. Но, принявъ рѣчь сію за оффиціальную, какъ она и есть, не счелъ необходимымъ испросить цензорскаго одобренія къ напечатанію оной вновь, основываясь на § 39 устава о цензурѣ».

«Въ заключеніе имѣю честь объяснить, что я въ изданіи журнала не полагалъ иной цѣли, кромѣ пользы общественной, бывъ удаленъ не только дѣйствовать, но и мыслить вопреки намѣреніямъ правительства, какъ скоро намѣренія сіи, всегда благотворныя, сдѣлаются явными».

Содержатель типографіи К. Край далъ объясненіе, что рѣчь князя Репнина напечатана имъ безъ цензурнаго пропуска, такъ какъ она была доставлена ему въ печатномъ видѣ съ дозволенія правительства. Впредь-же обязывается ничего не печатать безъ дозволенія цензуры.

Отъ Яценкова отобрана была подписка впредь ничего не печатать въ издаваемомъ имъ журналѣ безъ предварительнаго одобренія цензоромъ Тимковскимъ.

Сообщилъ **В. Ю.**

Разбойникъ Тараненко. Настоящей моей замѣткой я хочу припомнить читателямъ «Кіевской Старины», а еще болѣе того тѣмъ, кто имѣетъ возможность собрать болѣе точныя свѣдѣнія, объ одной личности, извѣстной многимъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ этого столѣтія въ Кіевщинѣ, окрашенной въ устномъ сказаніи еще живыхъ людей въ цвѣтъ удальства. Я хочу напомнить о Тараненкѣ. Не зная ничего о его злодѣяніяхъ, я не хочу даже называть его именемъ бандита, въ письменности прилагаемымъ къ его предшественникамъ въ народномъ недавнемъ эпосѣ Гаркушѣ и Кармелюку. Точныя свѣдѣнія о Тараненкѣ, я думаю, не трудно получить въ дѣлахъ военнаго суда кіевскаго генералъ-губернаторства. Но я, припоминая публикѣ эту личность, считаю нужнымъ разсказать здѣсь все мнѣ о ней извѣстное, разумѣется, изъ разсказовъ, въ которыхъ если даже этотъ Тараненко не таковъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ таковъ, какимъ его хотѣла видѣть народная молва, часто выразительница своихъ симпатій или антипатій.

Разсказывали, что онъ, Тараненко, былъ дворовымъ человѣкомъ какой то генеральши К—ской изъ Шполянщины. Почему-то его помѣщица не давала ему разрѣшенія жениться на одной изъ ея горничныхъ, которую даже съ остриженой косой выслала въ другую деревню. Возмущенный этимъ Тараненко *сталъ грубить* и за свою продерзость былъ отданъ помѣщицей въ исправительныя арестантскія роты. Оттуда онъ бѣжалъ въ Аккерманъ, въ которомъ въ то время люди не умирали по той причинѣ, что на мѣсто умершихъ мѣщанское общество записывало приблудныхъ бродягъ безпаспортныхъ, коими въ то время кишѣла Херсонщина и Бессарабія, черезъ которую бурлачня направлялась «за Дунай ричку—маты, що не дае имъ погибаты». Приписанный подъ другимъ именемъ въ Аккерманѣ Тараненко пошелъ по набору въ солдаты и по его дородности и красотѣ попалъ въ гвардію, кажется, въ Преображенскій полкъ. На службѣ ему везло и жилось хорошо. Вздумалъ онъ дать о себѣ вѣсть матери и зазнобѣ; написалъ къ нимъ письмо, которое попало въ

панскій дворъ и обнаружило его, бѣжавшаго изъ арестантскихъ ротъ и поступившаго подъ чужимъ именемъ на службу, мѣстопребываніе. Генеральша сообщила о семъ куда слѣдуетъ; Тараненка арестовали и переслали для суда въ Кіевъ, гдѣ онъ и содержался въ Печерской крѣпости, откуда онъ совершилъ цѣлый рядъ побѣговъ, число которыхъ по народному сказу достигаетъ пяти. Во время этихъ его бѣганій, замѣчу кстати все на свою родину Шполянщину, онъ по неволѣ сводилъ знакомство съ темнымъ людомъ и въ томъ числѣ съ конокралами. Обыкновенно онъ заходилъ на родину, послѣ таскался по Херсонщинѣ и все таки каждый разъ ловился въ той же Шполянщинѣ.

Въ одинъ изъ такихъ побѣговъ онъ, по разсказамъ, проникъ въ спальню своей гонительницы-помѣщицы съ цѣлью зарѣзать ее; но въ спальнѣ оказалось двѣ кровати и на обѣихъ спящія женщины. Боясь зарѣзать ничѣмъ передъ нимъ неповинную компаньонку генеральши, и не имѣя спичекъ для того, чтобы зажегши ихъ узнать того, кого ему нужно, Тараненко бросилъ ножъ и ушелъ, сказавъ только о своемъ визитѣ ночному сторожу: «Я ій тамъ гостинца лышывъ!»

Сколько именно разъ совершалъ Тараненко побѣги, я навѣрное не знаю, но вѣрно то, что онъ бѣгалъ не разъ и каждый побѣгъ усложнялъ его дѣло, помимо совершаемыхъ имъ во время бѣгства все новыхъ и новыхъ преступленій. Въ народномъ сказаніи бѣглецъ Тараненко грабилъ богатыхъ и одаралъ бѣдныхъ, какъ и всѣ герои сказаній; но на самомъ дѣлѣ въ побѣгахъ онъ не могъ обойтись безъ пользованія чужимъ имуществомъ, добывать каковое, разумѣется, приходилось путемъ кражи или грабежа. Но кромѣ того онъ, говорили, много взводилъ на себя небывалыхъ преступленій ради того, чтобы затягивать рѣшеніе своего дѣла и найти случай опять бѣжать.

Лѣтомъ 1861 года Тараненко совершилъ побѣгъ изъ кіевской крѣпости. Я это хорошо знаю потому, что самъ читалъ циркулярное по волостямъ предписаніе о поимкѣ бѣглеца. Въ предписаніи были описаны его приметы, въ числѣ коихъ значилось, *что онъ въ солдатской шинели съ красными погонами (?!)*.

При собираніи орѣховъ *дѣвчата* пугали одна другую Тараненкомъ.

Но какъ то вскорѣ его поймали. Объ этой поимкѣ разсказывали такъ:

Возвращались въ м. Шполу изъ какой то недальней поѣздки шполянскій же волостной старшина и писарь. На передкѣ брычки сидѣлъ возница. Недалеко отъ мѣстечка они нагнали идущаго по

дорогѣ какого-то степеннаго мужика (въ разсказѣ помню говорилось *«хозяина»* въ смыслѣ наружной порядочности) и пригласили его подъѣхать съ ними. Возница все оглядывался и всматривался въ этого попутчика. Повозка подъѣхала къ волостному правленію, гдѣ была собрана сходка (громада) въ ожиданіи старшины. Попутчикъ степенно поблагодарилъ за подвозку, поздоровался съ громадою и пошелъ себѣ своимъ путемъ дальше. Возница еще всмотрѣлся въ уходящаго попутчика и сейчасъ-же заявилъ, что это Тараненко. Кинулись за нимъ и цѣлою громадою его поймали, причемъ онъ поранилъ ножемъ, нѣсколькихъ человѣкъ. Окованный по рукамъ и по ногамъ кандалами, или же прикованный къ возу, подъ стражею толпы крестьянъ, солдатъ и нарочно командированнаго станового пристава, Тараненко былъ препровожденъ въ Кіевъ. На ночлегѣ въ селѣ Піяхъ, каневскаго уѣзда, онъ сказалъ: «скажить пану маршалкови (Янковскому), щобъ мени прислалъ чаю и чого повечерити!» Желаніе его было удовлетворено. Года черезъ четыре мнѣ пришлось слышать разсказъ одного маіора, бывшаго въ полку, стоявшемъ гарнизономъ въ кіевской крѣпости во время бѣгства Тараненка въ 1861 году. Привожу здѣсь его по памяти.

Тараненко содержался въ какой то строгой арестантской кельѣ крѣпости. Помнится въ № 14. Была ли это какая особая камера подъ этимъ номеромъ или такъ называлось цѣлое зданіе—не знаю. Когда онъ оттуда бѣжалъ, то только нашли въ потолкѣ, очень высокомъ въ той камерѣ, выдавленную доску, отъ чего образовалось отверстіе, на чердакъ, но, какъ бѣглецъ могъ добраться до этого отверстія, не могли понять.

Пойманный Тараненко, по просьбѣ коменданта крѣпости, въ присутствіи многихъ лицъ и въ томъ числѣ разсказчика, объяснилъ свой побѣгъ такъ:

Что-то работавшіе на чердакѣ крѣпостные каторжные арестанты по просьбѣ Тараненка сверломъ пробуравили въ одной изъ досокъ потолка камеры его цѣлый рядъ плотно одна около другой расположенныхъ дыръ, такъ, что напоромъ можно было выдавить часть доски. Это узникъ сдѣлалъ, уставивъ на столикъ, имѣвшійся въ камерѣ, ребромъ койку, ставъ на эту приможку и наперши въ потолокъ шалевкою, одной изъ тѣхъ, коими замащивалась койка. Нужно было быть особенно ловкимъ, чтобы съумѣть влѣзть на такую подмостку—койку поставленную ребромъ на столъ и еще съ усиліемъ давить шалёнкою въ продырявленную доску потолка. Но тутъ вышла одна непредви-

дѣнная случайность, потребовавшая еще большей ловкости и рѣшимости со стороны бѣглеца.

Потолокъ въ камерѣ расположенъ очень высоко: столъ $1^1/_4$ арш., койка, если даже она была поставлена узкимъ ребромъ, 1 аршинъ, ростъ самого узника около $2^1/_2$ аршинъ—это уже $4^3/_4$ аршина, а потолокъ еще выше, что видно изъ того, что узникъ долженъ былъ употребить шалёвку изъ коечной настилки, которая не могла быть короче $2^1/_2$ аршинъ. По разсказу отъ полу до потолка 7 аршинъ. На высотѣ 5 аршинъ въ стѣнѣ имѣлось окно величиною аршинъ въ квадратѣ. Доска, которую предположено было выдавить, находилась въ потолкѣ надъ окномъ. Узникъ предполагалъ выдавить ту часть побуравленной доски, которая была ближе къ окну, и такимъ образомъ устроить въ потолкѣ отверстіе, до котораго думалъ добраться, добравшись до окна. Но вышло такъ, что короткая часть доски не поддалась напору, а выперлась длинная часть и такимъ образомъ явилось отверстіе въ потолкѣ аршинахъ въ двухъ отъ стѣны и еще далѣе отъ окна. Послѣ неудавшихся попытокъ выдавить нужную часть доски, узникъ порѣшилъ достичь сдѣланнаго уже отверстія. Для сего онъ къ отломанной ножкѣ стола привязалъ свитую изъ бѣлья и холста сѣнника веревку, приставилъ подъ окномъ ребромъ столъ, на него койку и по сей послѣдней съ заготовленною въ зубахъ веревкою добрался до окна. Въ аршинной амбразурѣ окна, замѣтьте на высотѣ 5 аршинъ,—ему нужно было стать и броситься съ него такъ, чтобы хоть одною рукою хватиться за край дыры въ потолкѣ и затѣмъ уже вставить туда ножку стола съ привязанной къ ней веревкой.

«Всѣ мы диву дались» говорилъ разсказчикъ «нужна была особая ловкость для этого воздушнаго прыжка на высотѣ пяти—шести аршинъ. Неудача влекла за собой смерть, онъ бы непремѣнно разбился о каменный полъ».

(Прошу обратить вниманіе на то, что это разсказъ не идеализирующаго Тараненка простолюдина или мелкаго панка, мало розняющихся въ ихъ міровоззрѣніяхъ, а разсказъ почтеннаго служаки маіора).

Всѣ эти замѣчательно трудныя гимнастическія эволюціи продѣлалъ Тараненко съ успѣхомъ и съ чердака черезъ слуховое окно вылѣзъ на крышу, а по водосточной трубѣ спустился на землю. Ночь была темная—(такую то онъ и выбиралъ)—шелъ дождь. На него, припавшаго къ землѣ, наткнулся было въ нѣсколькихъ шагахъ часовой. Бѣглецъ началъ плескать рукою воду въ лужѣ, подражая лаканью

собаки. Закутанный въ башлыкъ часовой, предполагая въ согнутой фигурѣ собаку, только чукнулъ.

— Чу ты! проклятая!—и пошелъ дальше.

Черезъ крѣпостные валы, цитадель и обрывы печерской горы онъ добрался до Днѣпра и на первой попавшейся лодкѣ пустился внизъ за водою, а затѣмъ, пробираясь то Днѣпромъ на краденныхъ лодкахъ, то Полтавщиной, добился въ свою Шполянщину, гдѣ и былъ пойманъ выше разсказаннымъ образомъ.

Въ заточеніи Тараненко, затягивавшій дѣло все новыми и новыми показаніями, пользовался особымъ уваженіемъ и популярностію другихъ узниковъ и въ томъ числѣ содержавшихся въ кіевской крѣпости въ 1863—1866 г.г. поляковъ по дѣлу возстанія. Между прочимъ мнѣ разсказывали, что рядомъ съ нимъ черезъ стѣну сидѣлъ судившійся за распространеніе какихъ-то прокламацій полковникъ К—ій въ 1862 году. Приговоренный къ разстрѣлянію, полковникъ К—ій послѣ объявленія ему сентенціи суда впалъ въ отчаяніе и плакалъ. Услышавшій это Тараненко, черезъ стѣну-ли или проводимый мимо его дверей, сталъ укорять плачущаго говоря: «Эхъ вы, панское отродье! Затѣвать то затѣете, а какъ на раздѣлку жидки! Сейчасъ въ слёзы!» Услышавшій это полковникъ К—ій воспрянулъ духомъ и бодро послѣ конфирмаціи шелъ къ мѣсту казни, гдѣ ему объявили о помилованіи и замѣнѣ смертной казни ссылкою въ каторгу.

Слыхалъ я, что Тараненко въ концѣ концовъ былъ наказанъ шпицрутенами (что-то большомъ количествѣ—не помню) и вынесши наказаніе, совершенно посѣдѣвшій, пошелъ въ ссылку; но съ дороги опять бѣжалъ и на этотъ разъ безслѣдно.

Кончая эту замѣтку, я вспомнилъ еще про одну такую же, сдѣлавшуюся сказочною, личность конца сороковыхъ годовъ. Это былъ какой то Рахальскій и можетъ быть Рафальскій—шляхтичъ. Молва и этому своему герою, какъ и другимъ, приписывала обираніе богатыхъ и одариваніе неимущихъ. Мѣсто похожденій Рахальскаго южныя Кіевщина и Подолія. Изъ слышанныхъ въ дѣтствѣ о немъ разсказовъ я помню только одинъ, можетъ быть, уже повторительно слышанный мною и въ старшемъ возрастѣ. Рахальскій письмомъ потребовалъ отъ одного помѣщика уплаты ему какой то суммы денегъ, которыя должны были быть положенными въ какомъ то дубѣ. Помѣщикъ этотъ, почему то мнѣ помнится гайсинскаго уѣзда, не то Ростковскій, не то Росцишевскій, обладалъ замѣчательною силою, надѣясь на каковую, отвѣтилъ Рахальскому:

— Приходи самъ или только самъ другъ и, если столкнете меня съ порога, то тогда отдамъ требуемую сумму.

Явился Рахальскій съ «козачкомъ» молодымъ паholкомъ. Помѣщикъ сталъ на дверяхъ растопырилъ ноги, уперся локтями въ косяки дверей и сказалъ:

— Готово! Сталкивайте!

— А ну дышъ Михалко! Зопхны пана! скомандовалъ Рахальскій. Козачекъ наперъ плечомъ и панъ полетѣлъ на полъ. Послѣ этого послѣдовало угощеніе и отдача требуемой суммы денегъ.

Гдѣ дѣвался этотъ Рахальскій, я не слыхалъ.

Въ 1847 или 1848 г. родители мои жили верстахъ въ 25 отъ Умани, около села Моньковки, на хуторѣ Гуральнѣ (тамъ были надъ хорошимъ прудомъ руины какой то винокурни). Въ одинъ зимній вечеръ къ намъ явился какой то панъ въ волчьей шубѣ, въ высокой остроконечной съ красной верхушкой шапкѣ, весь въ снѣгу отъ бывшей въ ту пору мятели и попросился ночевать. Разумѣется, былъ принятъ. Мы дѣти, посмотрѣвши на гостя, удалились опять на кухню, гдѣ старая бабуся «скубла пирья» на теплой лежанкѣ и разсказывала намъ какую то хорошую сказку, за что мы ей помагали въ «скубаньи», ожидая пока спечется въ горячей золѣ «кабакъ» (тыква). Въ кухнѣ мы увидѣли чужаго, пріѣхавшаго съ гостемъ парубка, одѣтаго въ широкіе штаны, съ ножемъ «на припони» и съ большою косою—чубомъ на бритой головѣ. Помню, что насъ очень занималъ этотъ парубокъ и мы съ лежанки все поглядывали на него. Своевременно мы дѣти заснули и не видѣли когда и какъ уѣхалъ отъ насъ гость.

По разсказамъ въ семьѣ это былъ Рахальскій.

Борисъ Познанскій.

Замѣтка о гетманѣ Павлѣ Тетерѣ. О бывшемъ правобережномъ гетманѣ Павлѣ Тетерѣ осталась у современниковъ его въ Малороссіи худая слава «измѣнника» и «прислужника ляховъ»—за его союзъ съ Польшей; да и изъ сторонниковъ Польши едва ли кто, говоритъ Костомаровъ, возбуждалъ къ себѣ такую ненависть въ малороссіянахъ, какъ гетманъ Тетеря. Ненависть эта вызвана безъ сомнѣнія двойной измѣной гетмана, вошедшаго, какъ сказано, въ союзъ съ Польшей и принявшаго, кромѣ того, католичество. Послѣдній фактъ, сообщаемый лѣтописью Грабянки, Н. И. Костомаровъ считаетъ «недо-

стовѣрнымъ», потому что въ 1669 году будто бы Тетеря писалъ игумену Кіево-Михайловскаго монастыря, что онъ желаетъ постричься въ Печерскомъ монастырѣ въ монахи; но въ монахи однако онъ не постригся и самаго письма его объ этомъ у Костомарова не приведено. Между тѣмъ намъ случайно встрѣтилось одно извѣстіе, дающее поводъ утверждать, что сообщеніе Грабянки о принятіи Тетерей католичества, послѣ бѣгства его изъ Брацлава въ Польшу, справедливо.

Послѣ закрытія виленскаго университета въ 1832 году остались нерѣшенными въ канцеляріи его нѣкоторыя дѣла о суммахъ, принадлежащихъ училищному фундушу. Дѣла эти разсматривались потомъ въ т. н. Радзивилловской коммиссіи, учрежденной въ г. Вильнѣ, и среди нихъ встрѣчается, между прочимъ, дѣло *о суммѣ 21,000 рублей серебромъ, записанной въ 1668 году въ пользу іезуитовъ гетманомъ Тетерею.*

Этотъ капиталъ впослѣдствіи былъ отданъ, какъ видно изъ дѣла, въ заемъ князю Радзивиллу и обезпеченъ на его имѣніи Колки, луцкаго уѣзда; но подлиннаго акта о пожертвованіи въ дѣлѣ нѣтъ, хотя безъ сомнѣнія онъ былъ и можетъ быть гдѣ нибудь найдется, а до того времени придется довольствоваться и этимъ краткимъ намекомъ.

Извѣстіе взято изъ дѣла Архива министерства госуд. имуществъ, № арх. 517, 1832 г., именно изъ числа дѣлъ, переданныхъ въ этотъ Архивъ изъ Департамента народнаго просвѣщенія.

П. Шафрановъ.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ Курскѣ. Авторъ *Душеньки*, коллежскій совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичъ *Богдановичъ*, послѣдніе дни своей жизни провелъ въ г. Курскѣ, гдѣ скончался 6 января 1803 года и погребенъ на Всесвятскомъ, что за Херсонскими воротами, кладбищѣ. Курское Всесвятское, или проще, какъ принято въ г. Курскѣ его называть,—Херсонское кладбище—одно изъ двухъ самыхъ древнихъ курскихъ кладбищъ, нынѣ существующихъ,—находится на юго-западной сторонѣ г. Курска. Внѣшній видъ кладбища, какъ и большей части православныхъ кладбищъ въ провинціи, поражаетъ посѣтителя своимъ крайне безотраднымъ состояніемъ и наводитъ невеселыя думы о полномъ невниманіи живыхъ людей къ праху

своихъ почившихъ братьевъ. Надгробные памятники, иногда очень цѣнные, полуразрушены; деревянные кресты покосились или валяются по кладбищу; могилы густо заросли крапивой, лопушникомъ и другими сорными травами; кладбище не огорожено кругомъ; словомъ, слѣды руки хищниковъ и печать полнѣйшей людской небрежности видны на каждомъ шагу... На этомъ-то кладбищѣ, среди полуразрушенныхъ надгробныхъ памятниковъ, находится заросшій крапивой, шиповникомъ, сиренью, акаціей и разнаго рода сорной травой, когда-то прекрасный, а нынѣ полуразрушенный памятникъ на могилѣ творца *Душеньки*, Ипполита Ѳедоровича *Богдановича*, поставленный въ 1834 году бывшимъ курскимъ губернаторомъ П. Н. *Демидовымъ*. Какъ будто-бы пророчески исполнились слова И. Ѳ. Богдановича:

«Когда чего я не имѣю,
Я то считаю за ничто»...

Черезъ три десятка съ лишнимъ лѣтъ послѣ смерти на забытой курянами могилѣ знаменитаго писателя и человѣка, русскій меценатъ сооружаетъ превосходный памятникъ; а спустя 56 лѣтъ послѣ сооруженія, этотъ памятникъ рука хищника и невѣжды приводитъ въ такое положеніе, что теперь съ трудомъ только можно было опредѣлить на запущенномъ кладбищѣ ту могилу, на которой памятникъ этотъ поставленъ. Впрочемъ, къ счастью, памятникъ настолько еще крѣпокъ, что ни время, ни стихіи, ни даже хищничество не могли совершенно уничтожить его. Если Богъ поможетъ и добрые люди сочувственно отнесутся, то, при небольшихъ матеріальныхъ затратахъ, можно будетъ произвести реставрацію памятника. Кстати не далеко и то время (6 января 1903 года) когда исполнится столѣтіе со дня кончины И. Ѳ. Богдановича.

Добыть свѣдѣній о подробностяхъ сооруженія памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, несмотря на всѣ старанія пишущаго эти строки, не удалось. Извѣстно только то, что памятникъ поставленъ въ 1834 году П. Н. *Демидовымъ* и, какъ утверждаютъ курскіе старожилы, на собственныя его средства.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, изображаетъ прекрасную, скульптурной работы, бѣлаго мрамора статую *Психеи*. *Психея* изображена въ видѣ стройной женщины, изящная фигура которой закутана въ пышную длинную одежду (тунику), мелкими складками ниспадающую къ ногамъ. Сверху одежды наброшенъ особый покровъ, закрывающій руки, держащія свѣтильникъ. Голова статуи отбита; свѣтильникъ поврежденъ, какъ

равно, въ нѣкоторыхъ частяхъ, повреждено и основаніе статуи. По слѣдамъ, оставшимся на памятникѣ, видно, что хищники усиливались сорвать съ пьедестала статую. Пьедесталъ сдѣланъ изъ пестраго мрамора въ греческомъ стилѣ и утвержденъ на гранитныхъ плитахъ въ двѣ ступени. Вокругъ памятника имѣется квадратная, крѣпкая, довольно изящная желѣзная рѣшетка. Высота памятника въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, 3 арш. и 1 верш.; статуя Психеи: 1 арш. 4 вершка. На пьедесталѣ были помѣщены надписи, сдѣланныя рельефными бронзовыми буквами, которыя были привинчены къ пьедесталу. Буквы эти похищены, съ лицевой стороны совершенно, остались только однѣ точки, гдѣ буквы находились; на задней-же сторонѣ осталась незначительная часть буквъ. Возстановляя по слѣдамъ оставшихся буквъ на лицевой сторонѣ пьедестала надпись, можно возстановить ея содержаніе:

. . **Ѣ** . . . **О** . . **ЕБ** . . .
ЗДѢСЬ ПОГРЕБЕНЪ
. . . . **Е** . . . **ІЙ** . . . **ѢТН** . . .
КОЛЛЕЖСКІЙ СОВѢТНИКЪ
. . . . . **ИТ** . . **ЕО** . . . **ОВИ** . .
ИППОЛИТЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ
. . . . . .
БОГДАНОВИЧЪ.
. . **О** . . . **ВШІЙ** . .
СКОНЧАВШІЙСЯ
. **ГЕ** . . . **РЯ 1** . **О** . . . . [1]).
6 ГЕНВАРЯ 1803 ГОДА.

Несомнѣнность мѣста погребенія И. Ѳ. Богдановича на Всесвятскомъ кладбищѣ удостовѣряютъ курскіе старожилы, въ числѣ которыхъ назову почтенную Анну Никитичну *Машнину*, глубокую старуху, одиноко живущую въ г. Курскѣ. Въ домѣ бабушки А. Н. Машниной, по разсказу А. Н. находившемся на углу Троицкой и Пастуховской улицъ, нынѣ уже несуществующемъ, гдѣ теперь выстроено духовное училище, проживалъ И. Ѳ. Богдановичъ и тамъ скончался. Время и мѣсто постановки памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, А. Н.

[1]) Скобками означены слова, сохранившіяся на памятникѣ.—*Т. В.*

Машнина помнитъ хорошо. Объ И. Ѳ. она передала разсказы бабушки и матери своей, что И. Ѳ. былъ въ большой дружбѣ съ тогдашнимъ курскимъ губернаторомъ Александромъ Матвѣевичемъ *Веревкинымъ*[1]), у котораго даже столовался. Во время тяжкой болѣзни И. Ѳ. Богдановича, по разсказу А. Н. Машниной, дали знать А. М. Веревкину, который немедленно прибылъ въ квартиру Богдановича. Приглашенный имъ, А М. Веревкинымъ, настоятель Троицкой церкви напутствовалъ умиравшаго поэта и, затѣмъ, похоронилъ на Херсонскомъ кладбищѣ. По метрическимъ книгамъ г. Курска актъ смерти И. Ѳ. Богдановича, какъ увѣдомила меня курская духовная консисторія, не значится.

И. Ѳ. Богдановичъ, какъ видно изъ его біографіи, составленной Н. М. *Карамзинымъ*, родился въ Малороссіи, въ м. Переволочной[2]) 23 декабря 1743 года; а скончался, какъ сказано выше, въ г. Курскѣ 6 генваря 1803 года. **Т. І. Вержбицкій.**

Некрологъ. *Остапъ Вересай*, пріобрѣвшій обширную извѣстность въ столицахъ и на югѣ, если не послѣдній, то одинъ изъ послѣднихъ «кобзарей», умеръ въ концѣ апрѣля въ с. Сокиренцахъ прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи. Обстоятельства его жизни и репертуаръ думъ и пѣсенъ, которыми онъ владѣлъ, хорошо извѣстны изъ многихъ статей, посвященныхъ ему въ печати. Литературная исторія Вересая началась съ половины пятидесятыхъ годовъ, когда въ полтавской глуши его открыли Л. М. Жемчужниковъ и П. А. Кулишъ. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ «Запискахъ о южной Руси», въ статьѣ «Сказки и сказочники». Въ «Основѣ» о немъ писалъ г. Жемчужниковъ, напечатавшій тогда и нѣкоторыя изъ его думъ и пѣсенъ. Позднѣе, въ семидесятыхъ годахъ, составлена была А. А. Русовымъ обстоятельная статья о Вересаѣ и записаны тексты большинства исполнявшихся имъ произведеній народной поэзіи. Музыку ихъ записалъ Н. В. Лисенко, сопроводивъ небольшимъ изслѣдованіемъ. То и другое появилось въ «Трудахъ юго-западнаго отдѣла гоеографическаго общества». Къ этому времени относится и поѣздка

---

[1]) Статскій совѣтникъ А. М. *Веревкинъ* служилъ въ должности курскаго губернатора съ 13 іюня 1799 по 12 сентября 1803 года.— *Т. В.*

[2]) Полтавской губерніи, кобелякскаго уѣзда—*Т. В.*

покойнаго бандуриста въ Петербургъ, улучшившая его матеріальное положеніе, и появленіе его, какъ пѣвца, въ засѣданіи географическаго общества и другихъ публичныхъ сеансахъ. Во время кіевскаго археологическаго съѣзда, Вересай, какъ живая древность, присутствовалъ въ Кіевѣ и пѣлъ передъ иностранными учеными, занесшими потомъ его скромное имя далеко въ Европу. Можно смѣло сказать, что изъ всѣхъ кобзарей (кромѣ кобзарей козацкой эпохи, намъ неизвѣстныхъ) ни одинъ не пользовался такой обширной извѣстностью и не возбуждалъ столько вниманія какъ Вересай. Будучи типичнымъ представителемъ кобзарства и человѣкомъ смышленымъ и умнымъ отъ природы, покойный Остапъ способствовалъ не мало знакомству нашему съ этимъ явленіемъ героической эпохи, столь удивительно сохранившимся въ южно-русской глуши до нашихъ дней.

Вересай былъ типичнымъ и прекраснымъ представителемъ кобзарства, но далеко не послѣднимъ, о чемъ, впрочемъ, онъ не любилъ слышать, чувствуя выгоду сохраненія за собой монопольной роли «послѣдняго кобзаря». Не говоря о его молодыхъ годахъ, когда собратій его можно было считать десятками, даже недавно еще живы были и Крюковскій, знавшій больше пѣсенъ и думъ, чѣмъ сокиренскій пѣвецъ, и «вечирскій Антонъ» и Павло Братыця, можетъ быть, здравствующій и теперь, пѣвшій двѣ думы о Хмельницкомъ. Въ центральныхъ уѣздахъ полтавской губерніи и сѣверныхъ черниговской, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ харьковской губ. еще и теперь можно встрѣтить бандуристовъ. Правда, это скорѣе пѣвцы съ кобзой, чѣмъ кобзари стараго типа, на которыхъ какъ бы покоился отблескъ какого то эпическаго величія исполняемыхъ ими произведеній. Едва ли возможно отъ этихъ современныхъ кобзарей записать что либо новое. Наши личныя попытки въ этомъ отношеніи не дали ничего, кромѣ не особенно важныхъ варіантовъ. Интересъ представляютъ они въ смыслѣ изученія быта, подробностей нравовъ, ремесла, условнаго языка ихъ и т. п. Эти кобзари—во всякомъ случаѣ послѣдніе и въ новыхъ условіяхъ жизни существованіе кобзарства немыслимо.

Въ «Кіевской Старинѣ» сообщены были г. Ухачъ-Охоровичемъ нѣсколько пьесъ Вересая, ускользнувшихъ отъ прежнихъ собирателей. Въ послѣдніе годы покойный кобзарь часто посѣщалъ Кіевъ. Его можно было часто встрѣтить весною съ внукомъ-поводаремъ и на улицахъ и въ домахъ многихъ кіевлянъ, хорошо его знавшихъ. Привычка къ жизни нищаго была очень сильна въ немъ: выйдя изъ знакомаго дома и только что получивъ нѣсколько рублей, онъ са-

дился въ кругу собратій на церковной паперти и принималъ подаваемыя копѣйки.

Вересая знали всѣ любители малороссійскаго слова и народной поэзіи. Самъ онъ съ особенной теплотой вспоминалъ о Л. М. Жемчужниковѣ, Кулишѣ и Чубинскомъ. Первые два «открыли» его, послѣдній устроилъ его петербургскую поѣздку, обезпечившую сколько нибудь его старость. П. А. Кулишъ, по его словамъ, «бувъ у его въ хати» и переписывался съ нимъ.

Много разъ снимали его портреты. Художникъ К. Маковскій изобразилъ его въ качествѣ «гусляра» на неудачной картинѣ, превратившейся въ уродливую олеографію, въ видѣ «преміи», доставшейся неприхотливымъ подписчикамъ «Нивы». Гравированный портретъ его былъ въ «Живописной Украинѣ» шестидесятыхъ годовъ, а лучшій фотографическій сдѣланъ недавно кіевскимъ фотографомъ Загорскимъ.

Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ, гофмейстеръ Двора и бывшій директоръ Императорскаго Эрмитажа, скончался 11 мая. Имя свое въ историческую науку покойный внесъ четырехтомнымъ, капитальнымъ трудомъ «Семейство Разумовскихъ». Въ трудѣ этомъ опубликована масса документальнаго матеріала, относящагося къ членамъ семьи Разумовскихъ, составлявшаго достоянье частныхъ архивовъ и ставшаго доступнымъ составителю, благодаря его общественному положенію и связямъ. Васильчиковъ, приходившійся правнукомъ гетману Разумовскому (по бабкѣ своей Аннѣ Кирилловнѣ, дочери графа Кирилла Григорьевича), кромѣ многолѣтняго труда, внесъ много любви въ свое сочиненіе, что отразилось на характерѣ и духѣ его, чуждомъ всего профессіонально-ученаго, педантическаго и заказнаго. Въ изслѣдованіи своемъ покойный явился совершенно самостоятельнымъ, такъ какъ раньше его никто не касался взятой имъ темы. Все написанное имъ составляетъ его дѣйствительную литературную собственность, а не перетасовку изъ многихъ книжекъ въ одну, какъ въ большинствѣ историческихъ работъ. Если имъ недостаточно освѣщена политическая роль Кирилла Разумовскаго, то для уясненія послѣдняго гетмана, какъ личности, первый томъ «Семейства Разумовскихъ», даетъ богатѣйшій матеріалъ. Очень рельефно изображены и своеобразная и мрачная фигура Алексѣя Кирилловича, и утонченный обликъ типическаго дипломата старой школы, мецената

и поклонника искусствъ графа Андрея Кирилловича, равно какъ и главы этого изумительнаго по судьбѣ своей рода, простодушнаго Алексѣя Розума и многочисленныхъ сыновей гетмана. Въ бумагахъ А. А. Васильчикова остался собраннымъ и почти обработаннымъ матеріалъ, касающійся послѣдняго поколѣнія угасшей въ Россіи семьи Разумовскихъ. Надо надѣяться, что матеріалъ этотъ будетъ изданъ семьей покойнаго, хотя бы въ дополненіе къ труду, на который составитель потратилъ столько лѣтъ своей жизни. По окончаніи монографіи о Разумовскихъ А. А. Васильчиковъ, по тому же плану, предполагалъ разработать біографіи представителей также угасшаго уже рода Безбородковъ.

А. А. Васильчиковъ родился въ 1832 году, воспитывался въ московскомъ университетѣ, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, состоя при миссіяхъ въ Римѣ и Карльсруэ, а потомъ по министерству Императорскаго двора, занявъ послѣ Гедеонова постъ директора Эрмитажа. Онъ былъ знатокомъ искусства и счастливымъ коллекціонеромъ. Имъ изданъ въ двухъ томахъ систематическій «Liste alphabetique des portraits russes», заключающій описаніе болѣе 4 тысячъ гравированныхъ портретовъ лицъ русскаго происхожденія. Въ рукописи остался послѣ покойнаго трудъ «Искусство въ Венеціи», составляющій начало задуманнаго большаго обзора судебъ итальянскихъ школъ живописи. Г.

Библіографія.

1) Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. В. В. Латышева. (Отдѣльн. оттискъ изъ «Записокъ Импер. Археол. Общ.» Т. IV; стр. 120—153.

2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 годахъ на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго В. Латышевъ. С-ПБ. 1890 (Inscriptiones graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonnesi Tauricae per annos 1881—1888 repertae. Iussu Consilii Caesarei Archaeologici ed. B. Latyschev. Petropoli. 1890).

В. В. Латышевъ стяжалъ себѣ завидную извѣстность многолѣтними успѣшными трудами по изданію и объясненію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ раньше и находимыхъ до послѣдняго времени на мѣстахъ поселеній грековъ и римлянъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ южной Россіи. Важнѣйшими результатами относящихся къ этому предмету занятій почтеннаго ученаго были до сихъ поръ: I томъ «Сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря», изданный въ 1885 г. на латинскомъ языкѣ *(Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae)*, а также *Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи* (С.-ПБ. 1887).

Первый изъ названныхъ въ заголовкѣ статьи трудовъ представляетъ собою часть того матеріала и тѣхъ объясненій, которыя по плану издателя должны войти въ 4-й томъ Сборника черноморскихъ надписей; это именно то, что въ видѣ-ли вновь открытыхъ надписей или въ видѣ новыхъ объясненій къ надписямъ прежде изданнымъ появилось или стало возможнымъ со времени выхода въ свѣтъ I т. «Сборника».

Медленность въ накопленіи новаго матеріала, восполняющаго изданныя въ 1885 г. надписи, затрудняетъ своевременную публикацію его въ выпускахъ предположеннаго 4-го тома; между тѣмъ интересы науки не ждутъ, и потому В. В. Латышевъ рѣшился, не дожидаясь изготовленія этого тома, публиковать въ Запискахъ археологическаго общества какъ новыя надписи, такъ равно замѣтки, поправки и новыя объясненія къ надписямъ, изданнымъ раньше. Рядъ такихъ разновременныхъ публикацій и дастъ матеріалъ для заключительнаго тома всего изданія. Въ настоящемъ оттискѣ авторъ не ограничивается сообщеніемъ важнѣйшихъ изъ вновь открытыхъ надписей,— онъ даетъ всѣ даже незначительные обломки, равно излагаетъ или отмѣчаетъ всѣ новыя объясненія, поправки и замѣчанія по поводу изданныхъ надписей какъ свои собственныя, такъ и высказанныя другими учеными. Тутъ же В. В. дѣлится съ читателемъ своими предположеніями о составѣ имѣющаго вскорѣ выйти II тома «Сборника», въ которомъ пополнены будутъ нѣкоторые недочеты I тома.

Авторъ излагаетъ новый матеріалъ по двумъ отдѣламъ: сначала идутъ надписи, не вошедшія въ I т. «Сборника», подъ №№, указывающими мѣста, которыя онѣ должны были бы занимать въ этомъ томѣ (стр. 4—22); это—надписи тирасскія, ольвійскія и херсонисскія. Во второмъ отдѣлѣ содержатся дополненія и поправки къ помѣщеннымъ въ «Сборникѣ» надписямъ.

Къ числу надписей, найденныхъ на мѣстѣ древняго города Тиры (Τύρας), т. е. въ нынѣшнемъ Аккерманѣ или въ аккерманскомъ у., относятся четыре №№, изъ которыхъ два изданы проф. Кондаковымъ въ «Трудахъ 2-го археол. съѣзда въ С.-ПБ.», отд. III, стр. 23, третій хранится въ кишиневскомъ музеѣ И. К. Суручана и изданъ теперь по эстампажу послѣдняго; эстампажъ четвертой надписи сообщенъ издателю также проф. Кондаковымъ. Всѣ эти фрагменты слишкомъ незначительны, чтобы сами по себѣ могли дать что либо для исторіи юга. Однако и они подкрѣпляютъ гипотезу о мѣстонахожденіи греческой колоніи Тиры и о пребываніи здѣсь греческихъ и римскихъ поселенцевъ до послѣднихъ временъ римской имперіи.

Болѣе цѣнны для исторіи ольвійскія надписи, числомъ 28, найденныя на мѣстѣ и въ окрестностяхъ богатѣйшей греческой колоніи Ольвіи, лежавшей на правомъ берегу Буга, въ 35 в. къ ю. отъ Николаева и въ 28 къ св. отъ Очакова, почти на мѣстѣ нынѣшняго села Ильинскаго, Парутина тожь, на 1 версту отъ него къ ю. Обломки памятниковъ, доставившіе ольвійскія надписи, хранятся боль-

шею частью въ музеѣ Суручана, по эстампажамъ котораго и изданы теперь проф. Латышевымъ, а также въ музеяхъ: новороссійскаго университета, въ историческомъ въ Москвѣ, одесскаго общества исторіи и древностей. Къ этому же отдѣлу надписей относятся приложенныя въ концѣ оттиска 4 таблицы съ точными снимками, изготовленными по эстампажамъ и таблицамъ г. Суручана. Возстановляемыя здѣсь надписи загадочны по самому составу алфавита, на ряду съ греческими литерами содержащаго въ себѣ и какіе-то особенные непонятные знаки (№№ 166[1-6]). Два образца подобной письменности изданы Латышевымъ въ «Сборникѣ» подъ №№ 166 и 167. Нѣкоторую разновидность этого письма представляютъ двѣ надписи «Сборника» подъ №№ 168 и 169, пополняемыя теперь № 168[1]. Особенность этихъ послѣднихъ надписей состоитъ въ томъ, что, не уступая первымъ по загадочности, онѣ начертаны только греческими буквами; три такихъ надписи будутъ изданы въ XV т. «Записокъ одесск. общества». Г. Суручанъ считаетъ надписи первой категоріи принадлежностью погребальныхъ памятниковъ тѣхъ скиѳовъ, которые жили въ Ольвіи или въ ея окрестностяхъ. По мнѣнію В. В. Латышева относящіяся сюда плитки принадлежатъ ольвійскимъ еллинамъ, а не окрестнымъ варварамъ, имѣютъ какое-то отношеніе къ погребальнымъ обрядамъ и представляютъ тайное письмо изъ монограммъ съ обыкновенными письменными знаками. Воздерживаясь въ ожиданіи болѣе ясныхъ данныхъ отъ догадокъ въ смыслѣ положительномъ, мы въ виду разнородности письма въ шести надписяхъ не можемъ отнести ихъ къ одной категоріи и признать всѣ ихъ состоящими частью изъ буквъ, частью изъ монограммъ: если въ однѣхъ изъ этихъ надписей присутствіе монограммъ несомнѣнно, то столь же очевидно, что другія состоятъ цѣликомъ изъ отдѣльныхъ знаковъ; потомъ, присутствіе въ *одной* надписи (№ 166[1]) имени ольвіополитовъ нисколько не говоритъ какъ противъ принадлежности этой надписи ольвійскимъ не-еллинамъ, такъ и въ пользу происхожденія всѣхъ подобныхъ надписей отъ еллиновъ. Отрицать варварское вліяніе во всякомъ разѣ едва-ли позволительно, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы обязаны были бы представить образчики аналогичнаго письма изъ метрополій черноморскихъ грековъ или римлянъ: иначе трудно понять единственное въ своемъ родѣ примѣненіе письменныхъ знаковъ у колонистовъ. Мы склонны признавать въ этихъ надписяхъ не одинъ, а нѣсколько видовъ или способовъ письменности, сложившейся у варваровъ подъ вліяніемъ еллинскимъ и еллино-рим-

скимъ; самое письмо надписей есть пока одна изъ многочисленныхъ загадокъ, соединенныхъ съ именами скиѳовъ и сарматовъ.

Въ числѣ новыхъ ольвійскихъ надписей № 52[1] пополняетъ раньше изданныя посвятительныя надписи ольвійцевъ въ честь Аполлона Простаты и прибавляетъ кое-что къ «варварскимъ» именамъ въ ольвійскихъ надписяхъ на—*agos*—*akos*.

Изъ числа херсонисскихъ надписей, найденныхъ за это время, въ оттискѣ изданы двѣ подъ №№ 197[1]. 222[1]. Первая, въ честь С. Октавія Фронтона, изданная и объясненная г. Латышевымъ раньше, издается теперь въ болѣе исправной копіи по эстампажу г. Орѣшникова. Другая пополняетъ немногочисленные образцы латинской епиграфики Херсониса. Пять остальныхъ надписей, найденныя при раскопкахъ въ Херсонисѣ въ 1888 г., изданы почтеннымъ ученымъ въ концѣ приложенія къ отчету археологической коммиссіи,—приложенія, составляющаго второй изъ поименованныхъ въ заголовкѣ трудовъ. Всѣ эти надписи греческія, относятся къ періоду римской имперіи. Три изъ нихъ—несомнѣнно чествованія лицъ, оказавшихъ услуги херсонисцамъ. Лучше прочихъ сохранилась первая (№ 32) въ честь нѣкоего амастрійца Фарнакеса, удостоеннаго награды отъ совѣта и народа Херсониса. Во 2 й строкѣ надписи слѣдуетъ читать κλοαχον, а не καθαχον (?), какъ прочитано почтеннымъ издателемъ; этому предшествуетъ ῥαθεντα дор. ф. ῥηθέντα «выше реченный».

Въ концѣ фрагмента ясно различаются начальныя буквы имени Αμαστριανός; ближайшія буквы спереди даютъ τοῦ τέλ (ους), такъ что далѣе стоящее ει относится къ предъидущему слову, а не къ του, какъ у г. Латышева. На дорійскомъ нарѣчіи и слѣдующая далѣе надпись (№ 33), и при возстановленіи ея слѣдуетъ читать ἔσπλουν и χράμασιν, какъ въ предъидущей, а не εἴσπλουν и χρήμασιν, какъ читается у г. Латышева.

Во 2 мъ отдѣлѣ оттиска (дополненія и поправки) особенно цѣнны замѣчанія Мордтмана по поводу нѣкоторыхъ надписей «Сборника,» далѣе указаніе автора на то, что № 219 попалъ въ «Сборникъ» по недосмотру. Замѣтимъ при этомъ, что и для занесенія всѣхъ надписей, поименованныхъ въ оттискѣ ольвійскими, въ эту одну категорію, имѣются основанія далеко неодинаковой убѣдительности. Въ дополненіяхъ и поправкахъ подъ № 228[1] дана полная копія изданной уже надписи. Начертанія первой строки не допускаютъ возстановляемаго издателемъ чтенія δρόμον.

Боспорскія надписи въ числѣ 31, издаваемыя теперь г. Латышевымъ, найдены въ предѣлахъ древняго Боспорскаго царства съ главнымъ городомъ его Пантикапеемъ на мѣстѣ нынѣшней Керчи и хранятся большею частью въ мѣстныхъ музеяхъ. Нѣкоторыя надписи списаны издателемъ съ памятниковъ, другими онъ пользовался въ эстампажахъ Гросса, хранителя керченскаго музея, иногда сличая ихъ съ оригиналами. По характеру письма и другимъ признакамъ, издаваемыя теперь надписи пріурочиваются г. Латышевымъ къ различнымъ эпохамъ длиннаго періода времени отъ IV в. до Р. Х. до VI в. по Р. Х. Надписи—почти исключительно надгробныя и весьма краткія, а потому, давая кое-что новое или интересное въ лексическомъ (1. 5. 7. 11. 24. 20) и грамматическомъ отношеніи (15. 29), онѣ содержатъ въ себѣ немного собственно для исторіи. Однако нѣкоторыя изъ надписей и въ этомъ послѣднемъ отношеніи не лишены интереса, наприм. 12. 19. 20. 31. Съ половины IV в. по Р. Х. исторія Боспорскаго царства намъ слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было безъ опоры въ самой надписи (№ 31), при наличности невѣдомыхъ именъ относить надпись къ VI вѣку и ставить въ связь съ историческими домыслами. Надпись—христіанская; съ конца IV в. по Р. Х. боспорскіе цари были христіане; упоминаемая въ надписи дворцовая должность τοῦ ἐπὶ τῆς πιναχίδος существовала въ Боспорѣ уже въ III в., и нѣтъ, по нашему мнѣнію, никакихъ основаній для того, чтобы пріурочивать самую надпись къ столь позднему времени, какъ это дѣлаетъ г. Латышевъ. Поспѣшнымъ кажется намъ также заключеніе почтеннаго ученаго на основаніи постановки статуи Каракаллѣ Сакроматомъ II о томъ, что и въ это время Боспорское царство подчинено было римской власти (№ 19). Слѣдующая надпись (№ 20) списана со статуи боспорскаго царя Рескупорида III, поставленной въ Пантикапеѣ жителями пафлагонскаго города Амастриды, причемъ боспорскій царь величается другомъ римлянъ *и еллиновъ*, Сакроматъ предъидущей надписи называетъ себя другомъ кесаря и римлянъ; та и другая статуя поставлены въ благодарность за услуги (τὸν εὐεργέτην). Предлагаемое издателемъ чтеніе надписи № 27 нуждается въ поясненіи. Въ надписи № 15 γυνῆι не nominat., но vocativ. 3-я строка № 17 слѣдуетъ читать Φιλιωτέρα, а не Φιλωτέρα, хотя изъ надписей и литературы извѣстна эта послѣдняя форма. Почему имя Ἀντέ (ρως) № 13 предпочтено другимъ именамъ, также начинающимся съ Ἀντε—?

Вообще говоря, изданіе и этихъ надписей исполнено съ тою же тщательностью и съ такимъ же умѣніемъ, какими отличаются и прежніе труды В. В. Латышева по греческой епиграфикѣ.

Ѳ. Мищенко.

Stanisław Smolka. Kiejstut i Iagełło. Osobne odbicie z VII tomu Pamiętnika Wydziałów filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademie Umiejętnosci. W Krakowie. 1888.

Одно за другимъ появились въ свѣтъ два новыхъ изслѣдованія по исторіи литовскаго княжества, принадлежащія перу извѣстнаго ученаго Смольки. Въ настоящемъ отчетѣ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей пока съ однимъ изъ этихъ трудовъ, заглавіе котораго только что выписано. Вопросъ, рѣшаемый г. Смолькой въ въ этой работѣ, затрогивался не разъ. Его не могли обойти ученые, занимавшіеся исторіей литовскаго государства, какъ Шайноха, Смирнова, Каро и другіе, но названные ученые не посвящали ему спеціальнаго трудъ, хотя Шайноха и Каро должны были начинать исторію Ягелла съ разсмотрѣнія его отношеній къ дядѣ Кейстуту. Самый вопросъ не разъяснялся такъ глубоко и такъ всесторонне, какъ это сдѣлано въ трудѣ г. Смольки. Даже въ работѣ Стадницкаго «Olgierd i Kiejstut» исторіи борьбы Ягелла съ Кейстутомъ посвящена только послѣдняя глава, въ которой мы видимъ лишь стремленіе возстановить фактъ въ дѣйствительномъ видѣ, но безъ уясненія внутреннихъ мотивовъ, руководившихъ дѣйствующими лицами и приведшихъ къ извѣстной, столь трагической развязкѣ. Для г. Смольки нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что виновникомъ трагической кончины Кейстута и его жены Бируты былъ дѣйствительно Ягелло. Вопросъ не въ этомъ. Онъ заключается въ томъ, какія цѣли преслѣдовались Ягелломъ и его партіей въ этотъ трагическій моментъ исторіи Литвы. Разрѣшенію этой то задачи и посвященъ трудъ автора. Г. Смолька считаетъ выводы своихъ предшественниковъ неполными и объясняетъ этотъ фактъ отношеніемъ указанныхъ авторовъ къ историческимъ источникамъ. Главнымъ основаніемъ при разработкѣ этого періода литовской исторіи считались данныя, находимыя въ источникахъ русскихъ. Авторъ разсматриваемаго труда, не отрицая ихъ безусловной важности и цѣнности, отводитъ надлежащее мѣсто и источникамъ иностраннымъ, прусскимъ и ливонскимъ, какъ лѣтописнымъ, такъ и

документальнымъ, и, сопоставляя ихъ извѣстія одно съ другимъ и съ извѣстіями источниковъ русскихъ, приходитъ къ интереснымъ, хотя и не всегда безусловно неопровержимымъ, выводамъ. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Насколько всесторонне разбираетъ г. Смолька исторію отношеній Кейстута и Ягелла, можно видѣть уже изъ одного перечисленія отдѣловъ его труда. Послѣдній распадается на десять параграфовъ. Вотъ ихъ заглавія: 1) «System wspólnych rządów», 2) «Litwa i Zakon Krzyżacki», 3) «Podróż Skirgiełły», 4) «Litwa i Moskwa», 5) «Rok 1380», 6) «Ruska Cerkiew», 7) «Dymitr i metropolita Kiprjan», 8) «Rok 1381», 9) «Revolucya r. 1382», и 10) «Upadek Kiejstuta». Едва ли возможно болѣе детальное разсмотрѣніе вопроса. Внутреннія событія въ Литвѣ ставятся въ тѣсную связь съ явленіями политической жизни сосѣдей и ихъ отношеніями къ литовскому государству.

Исторія литовскаго государства есть исторія взаимодѣйствія политическаго и культурнаго двухъ этнографическихъ элементовъ—русскаго и литовскаго. Въ этомъ заключалась его сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слабость; отсюда вытекаетъ трагизмъ положенія его дѣятелей. Эта мысль превосходно развита въ трудѣ В. Б. Антоновича «Очеркъ исторіи в. к. литовскаго». При Ольгердѣ и Кейстутѣ выработался особенный политическій modus vivendi въ литовскомъ государствѣ, удовлетворявшій, казалось, обѣ стороны. Этотъ новый укладъ и отношенія между Ольгердомъ и Кейтутомъ полно обрисованы въ указанныхъ выше работахъ В. Б. Антоновича и Стадницкаго. Внутреннее спокойствіе литовскаго государства и его внѣшнее значеніе были неразрывно связаны съ сохраненіемъ этого уклада. По смерти Ольгерда носителемъ идеи внутренняго политическаго равновѣсія является Кейстутъ, одинъ изъ создателей этого равновѣсія. Ягелло долженъ былъ замѣнить Ольгерда, по смерти Кейстута на его мѣсто долженъ былъ стать Витовтъ. Но эта программа, по мнѣнію автора, не могла быть долѣе удержана: внѣшнія отношенія литовскаго государства неожиданно измѣнились. Г. Смолька не придаетъ важнаго значенія личности Войдылы, интригамъ котораго приписывалась такая важная роль въ исторіи столкновенія Ягелла и Кейстута. Болѣе важную роль играла тутъ, по мнѣнію автора, мать Ягелла, Юліанія, русская по рожденію, православная по религіи. Всю исторію борьбы двухъ князей г. Смолька разсматриваетъ съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній русскаго и литовскаго элементовъ. Въ этотъ моментъ русскій элементъ въ литовскомъ государствѣ начи-

наетъ стремиться къ безусловному преобладанію. Окрѣпшее московское государство начинаетъ съ особенной силой притягивать къ себѣ русскія области, вдругъ проявившія полное нежеланіе быть подъ властью чужеродныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ языческихъ правителей. Первый открываетъ это движеніе къ Москвѣ Андрей Ольгердовичъ, князь Полоцка. Но вотъ является вопросъ, на который авторъ не обратилъ должнаго вниманія: какимъ образомъ полоцкій князь, принадлежа къ княжащей семьѣ, отличаясь отъ нея только религіей, переходитъ къ князю московскому и открываетъ первое наступательное движеніе Москвы противъ литовскаго государства. Авторъ считаетъ яснымъ, что Андрей явился въ Псковъ уже врагомъ Ягелла, но не объясняетъ мотивовъ этого враждебнаго отношенія. Г. Смолька отказывается отвѣтить и на другой вопросъ: остался-ли Андрей княземъ полоцкимъ послѣ своего побѣга во Псковъ? Признавали-ли полочане Андрея своимъ княземъ и послѣ удаленія его изъ предѣловъ литовскаго государства? Прямаго отвѣта мы не найдемъ въ имѣющихся у насъ источникахъ, а между тѣмъ полученіе отвѣта въ данномъ случаѣ весьма важно. Отъ такого или иного разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ зависитъ установленіе правильнаго взгляда на самое значеніе дѣйствій князя Андрея. Было-ли тутъ движеніе русскаго элемента противъ установившагося уклада равновѣсія въ литовскомъ государствѣ, или полоцкое движеніе направлено было исключительно противъ Ягелла? Чтобы провести свой взглядъ на значеніе борьбы Ягелла съ Кейстутомъ, автору необходимо доказать первое положеніе, но едва-ли это возможно. Г. Смолька идетъ еще далѣе. Онъ на основаніи извѣстій Виганда Марбургскаго считаетъ дѣйствительнымъ фактомъ союзъ между Орденомъ, Псковомъ и московскимъ государствомъ противъ литовскаго княжества. Къ нему необходимо присоединить и полоцкое княжество. По нашему мнѣнію, этотъ фактъ требуетъ болѣе вѣскихъ подтвержденій, и извѣстія марбургскаго крестоносца нужно, можетъ быть, причислить къ числу хвастливыхъ сообщеній, которыхъ немало можно указать въ прусскихъ и ливонскихъ хроникахъ. Извѣстіе Виганда, о дарованіи Пскову, по его собственной будто-бы просьбѣ, князя магистромъ ордена,—противорѣчитъ всей исторіи отношеній псковичей къ нѣмцамъ.

Вслѣдъ за Андреемъ Ольгердовичемъ тяготѣніе къ Москвѣ обнаруживаютъ князья Сѣверщины. Несомнѣнно, такое движеніе русскихъ областей было дѣйствительно опаснымъ моментомъ для литовскаго государства. Теперь виленскому двору, по мнѣнію автора, было

необходимо сдѣлать выборъ между Литвой и Русью; для сохраненія государства и для борьбы съ Москвой необходимо было броситься въ объятія Руси и выставить въ Вильнѣ знамя православія, но прежде нужно было прижать Литву и сгубить Кейстута, ея мощнаго представителя. Орудіемъ для выполненія этого плана является Орденъ. Мы не останавливаемся на гипотетическихъ предположеніяхъ автора о цѣляхъ путешествія Скиргелла на западъ, хотя нельзя не отмѣтить значительнаго остроумія и проницательности г. Смольки въ объясненіи отдѣльныхъ историческихъ фактовъ. Какъ-бы ни было, въ Давидзишкахъ былъ заключенъ тайный договоръ между Ягелломъ и Орденомъ. Онъ оставлялъ на жертву Ордену земли литовскія. «Yestto prawdziwe, говоритъ авторъ, arcydzieło zdradzieckiej polityki». Обособленный, ослабленный Кейстутъ долженъ былъ погибнуть. Однако-же въ цѣли Ордена вовсе не входила гибель Кейстута. Орденъ добивался лишь разрушенія того гармоничнаго уклада, который былъ созданъ Ольгердомъ и Кейстутомъ и такъ тяжело отзывался на положеніи Ордена, разрыть пропасть между троцкимъ и виленскимъ дворами, обособить Кейстута, ослабить его, и тогда броситься на одного Ягеллу со всѣми своими силами. Но кромѣ объявленія себя главой русскаго элемента, покровителемъ православія, Ягелло попытался поразить Москву и другимъ способомъ. Нѣтъ надобности рѣшать, кто первый, Ягелло или Мамай, началъ переговоры о союзѣ противъ Москвы. Здѣсь мы видѣли тоже стремленіе, какое проявилъ позднѣе Витовтъ,— при помощи Орды уничтожить Москву,—но какимъ ничтожнымъ и по внутреннему характеру, и по результатамъ, является предпріятіе Ягелла въ сравненіи съ грандіознымъ планомъ Витовта. Въ число союзниковъ Мамая авторъ включаетъ и Олега рязанскаго. Роль послѣдняго въ этомъ событіи не понята г. Смолькой. Превосходный разборъ дѣйствій Олега въ этотъ важный историческій моментъ сдѣланъ Д. И. Иловайскимъ въ его трудѣ «Исторія рязанскаго княжества», на который авторъ не обратилъ вниманія. Результаты предпріятія были совсѣмъ иные, чѣмъ ожидали союзники: Мамай былъ разбитъ на голову; Ягелло не успѣлъ во время явиться къ нему на помощь. Авторъ старается объяснить опозданіе литовскаго князя врожденною медлительностью, а особенно тѣмъ, что главныя военныя силы его состояли изъ русскихъ отрядовъ, съ которыми онъ не рѣшился принять участіе въ битвѣ противъ русскаго князя, сражавшагося съ обще-русскимъ врагомъ, татарами, тѣмъ болѣе, что Сѣверщина въ лицѣ своихъ князей Ольгердовичей стояла на сторонѣ русскаго

дѣла и клала за него свои головы. Объясненіе близкое къ истинѣ. Авторъ при этомъ указываетъ и на тотъ знаменательный фактъ, что даже Ольгердъ не рѣшался въ своихъ войнахъ съ Москвою вступать съ ея войсками въ открытый бой. Какъ-бы ни было, литовско-татарское предпріятіе не удалось. Политическое пораженіе, которое потерпѣла Литва въ этомъ предпріятіи, не имѣетъ, по мнѣнію г. Смольки, себѣ равнаго въ литовской исторіи. Значеніе московскаго государства и его князя теперь такъ возросло, что опасность притяженія имъ русскихъ областей еще болѣе увеличилась. Это было ясно, и потому, какъ думаетъ авторъ, являлась для виленскаго двора безусловная необходимость спѣшить выполненіемъ политической программы внутри государства, ранѣе начертанной. Затѣмъ событія слѣдуютъ быстро одно за другимъ. Въ 1381 году Кейстутъ низвергаетъ Ягелла и садитъ его въ Витебскѣ, а въ 1382 году Ягелло снова овладѣваетъ великокняжескомъ столомъ и приказываетъ удавить своего дядю.

Мы сказали нѣсколько раньше, что авторъ не даетъ отвѣта на нѣкоторые детальные, весьма важные вопросы, разрѣшить которые было-бы необходимо для поддержанія основной мысли автора. Если въ дѣлѣ Ягелла съ Кейстутомъ должно видѣть борьбу русскаго элемента съ литовскимъ, если, какъ весьма основательно предполагаетъ авторъ, занятію виленскаго замка для Ягелла въ 1382 году способствовали русскіе мѣстичи, то почему Волынь со своимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ становится на сторону Кейстута и тѣмъ поддерживаетъ какъ-бы литовское начало? Фактъ, отмѣченный въ трудѣ г. Смольки, но оставленный безъ объясненія. Едва-ли тутъ можно видѣть лишь результатъ взаимной любви двухъ стариковъ, Кейстута и Любарта. Авторъ опирается въ своемъ взглядѣ на характеръ дѣятельности Ягелла, на фактъ поддержки послѣдняго силами его русскаго удѣла и на возстаніе, поднятое въ Сѣверщинѣ Корибутомъ для отвлеченія вниманія Кейстута. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что движеніе въ Сѣверщинѣ было направлено противъ Кейстута, имѣло въ своей основѣ сепаративныя стремленія этой земли, но насколько проявилось тутъ желаніе поддержать Ягелла утвердительно отвѣчать на это нельзя. Намъ кажется, что это возстаніе Сѣверщины произошло бы и само по себѣ раньше или позже, что Ягеллу удалось поднять тутъ возстанія, лишь благодаря существованію въ Сѣверщинѣ готоваго горючаго матерьяла. Не вполнѣ выяснено г. Смолькой и слѣдующее замѣчательное явленіе. Сѣверщина поднимается противъ Кейстута, Волынь выступаетъ за него, а Полоцкъ

дѣйствуетъ не менѣе странно: онъ не хочетъ признавать власти Ягелла. Осада Полоцка Скиргелломъ ведется неудачно. Какая основная причина полоцкаго бунта? Извѣстіе Виганда, что Полоцкъ не желалъ имѣть князя язычника, какимъ былъ еще въ то время Скиргелло, должно быть понимаемо не вполнѣ такъ, какъ понимаетъ это г. Смолька, потому что лишь только стало извѣстно о свержении Ягелла и о занятіи велико-княжескаго стола Кейстутомъ, какъ полочане выказываютъ большую радость и объявляетъ себя за Кейстута, то есть, какъ бы становятся на сторонѣ литовской партіи. Фактъ интересный и весьма важный. Онъ побуждаетъ видѣть въ возстаніи Полоцка не стремленіе къ отпаденію отъ литовскаго государства, а желаніе сохранить старый удѣльно-вѣчевой порядокъ, т. е. старую удѣльно-вѣчевую автономію, ручательствомъ за сохраненіе которой являлось вокняженіе Кейстута. Такимъ образомъ, возбуждается сомнѣніе въ томъ, всѣ ли русскія области дѣйствовали въ этомъ періодѣ по однимъ и тѣмъ-же побужденіямъ и всѣ ли онѣ смотрѣли на Ягелла и Кейстута одинаковыми глазами. Является весьма основательно вопросъ: это тяготѣніе къ Москвѣ Андрея полоцкаго, Дмитрія сѣверскаго, и др. князей, было-ли направлено противъ политическаго уклада, созданнаго Ольгердомъ и Кейстутомъ и поддерживаемаго послѣднимъ, или, можетъ быть, оно имѣло другіе мотивы. Русскій элементъ литовскаго государства не имѣлъ основанія съ вокняженіемъ Ягелла протестовать противъ этого уклада, тѣмъ болѣе, что можно было надѣяться теперь на еще большее, чѣмъ прежде, преобладаніе русскаго элемента въ силу того обстоятельства, что подлѣ Ягелла стояла его мать, русская и православная, имѣвшая на сына несомнѣнное вліяніе. Невольно приходитъ мысль, что политическія движенія русскихъ областей были вызваны самою личностью Ягелла, которой не могли не знать хорошо въ литовскомъ княжествѣ, что эти движенія были направлены не противъ литовскаго государства, не противъ литовскаго элемента, не противъ существующаго внутренняго политическаго уклада, представителемъ котораго являлся Кейстутъ, а въ защиту его и связанной съ нимъ почти полной автономіи русскихъ областей противъ централизаціонныхъ стремленій Ягелла. Разъ только мы допустимъ такое предположеніе, вся борьба Ягелла съ Кейстутомъ представится намъ въ совершенно иномъ видѣ. Послѣдующій ходъ событій въ литовскомъ государствѣ скорѣе можетъ подтверждать, чѣмъ ослаблять сдѣланное выше предположеніе. Нельзя, дѣйствительно, считать серьезно великимъ княземъ литов-

скимъ Скиргелла этого ограниченнаго, слабаго, хотя и «чуднаго» князя, какъ выражаются о немъ лѣтописи, а борьба Ягелла съ Витовтомъ выясняетъ еще болѣе личность перваго.

Мы позволили себѣ высказать нѣсколько сомнѣній, возбуждаемыхъ фактами этого трагическаго періода литовской исторіи. Беремъ на себя смѣлость думать, что эти сомнѣнія вызваны у насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя детальныя черты избраннаго вопроса не вполнѣ выяснены и оцѣнены авторомъ разбираемаго труда.

Слѣдовало-бы остановиться еще на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ авторомъ въ его работѣ. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ автора о зависимости смоленской земли отъ великаго князя литовскаго еще при Ольгердѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ г. Смолька слѣдуетъ лишь за г. Бестужевымъ-Рюминымъ и В. Б. Антоновичемъ. Намъ кажется также, что авторъ черезчуръ много приписываетъ личности самого Дмитрія Ивановича Донскаго и не совсѣмъ вѣрно представляетъ себѣ положеніе московскаго государства послѣ нашествія Тохтамыша. Но мы не имѣемъ уже возможности останавливаться на этихъ частностяхъ, не имѣющихъ никакого значенія въ развитіи основныхъ положеній автора.

Г. Смолька поставилъ себѣ цѣлью выяснить значеніе факта избранія Ягелла на тронъ польскій и обстоятельства, его сопровождавшія, и считаетъ необходимымъ начать это выясненіе съ событій первыхъ лѣтъ княженія Ягелла въ Литвѣ. Послѣдняя половина задачи уже выполнена въ трудѣ, о которомъ мы только-что дали нашъ посильный отчетъ; остается ожидать рѣшенія главнаго вопроса. «Część drugą, obejmującą dzieje lat 1382—1387, od upadku Kiejstuta do pokonania Andrzeja Polockiego i Swiętoslawa Smoleńskiego, говоритъ авторъ, spodziewam się niebawem wykończyć», а мы не замедлимъ ознакомить съ нею нашихъ читателей.

П. Г.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1890 г.

Настоящая книга «Чтеній» при первомъ просмотрѣ ея содержанія выгодно отличается отъ трехъ предъидущихъ болѣе строгой систематизаціей содержанія, важностью и наконецъ обиліемъ членскихъ работъ; въ этомъ случаѣ она можетъ быть поставлена на равнѣ съ

изданіями болѣе богатыхъ историческихъ обществъ, каково напримѣръ, московское. Эта перемѣна объясняется въ отдѣлѣ протоколовъ засѣданій общества назначеніемъ, по ходатайству почетнаго члена общества Нестора г. попечителя кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельяминова-Зернова, обществу ежегоднаго пособія изъ казны въ 800 руб. Общество опредѣлило воспользоваться этимъ пособіемъ для правильной организаціи своей издательской дѣятельности; предположено «Чтенія въ обществѣ Нестора» сдѣлать періодическимъ изданіемъ въ одной или, если окажется возможнымъ, въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна должна появляться въ весеннее полугодіе, а другая въ осеннее; каждая книжка, заключая въ себѣ около 20 листовъ, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: протоколовъ засѣданій общества, изслѣдованій и рефератовъ и матеріаловъ историческихъ. Передъ нами весенняя книга «Чтеній», вполнѣ соотвѣтствующая вышеозначенной программѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ, протоколовъ засѣданій, помѣщено краткое изложеніе девяти рефератовъ. Во второмъ отдѣлѣ—шесть изслѣдованій, которыя также были прочтены въ засѣданіяхъ общества; къ изслѣдованіямъ присоединены, какъ приложенія, небольшое количество матеріаловъ, на коихъ они основаны. Въ третьемъ отдѣлѣ—матеріаловъ-сообщены документы трехъ родовъ; о нихъ мы скажемъ ниже.

Изъ перваго отдѣла книги мы узнаемъ о жизни и дѣятельности общества. Въ 1889 г. общество имѣло десять засѣданій, въ которыхъ прочтено 24 реферата: по археологіи—6, по исторіи права—2, по исторіи козачества—1, по исторіи крестьянъ—1, по исторіи землевладѣнія—1, по исторіи литературы—1, по исторіи искусства—1, по исторіи печати—1, некрологъ—1, остальные рефераты (9) посвящены обозрѣнію новыхъ наиболѣе выдающихся работъ въ исторической литературѣ.

Во второй отдѣлъ вошли слѣдующія работы:

В. Завитневича: «Изъ археологической экскурсіи въ припетское Полѣсье». Разсматривая типы погребенія въ раскопанныхъ имъ курганахъ, авторъ различаетъ ихъ два: погребеніе въ почвенномъ слоѣ и погребеніе въ ямахъ; первый типъ преобладаетъ на сѣверѣ отъ р. Припети, второй на южномъ берегу этой рѣки. Погребеніе перваго типа онъ приписываетъ дреговичамъ, а относительно втораго онъ раздѣляетъ мнѣніе проф. В. Б. Антоновича о принадлежности его древлянамъ; такимъ образомъ, г. Завитневичъ дѣлаетъ выводъ, что древлянскія поселенія, начинаясь въ системѣ р. Роси, простирались вплоть до самой Припети, гдѣ они соприкасались съ дрегович-

скими поселеніями. На основаніи раскопокъ онъ также думаетъ, что сѣверная граница дреговичей не оканчивалась линіей, служащей водораздѣломъ между системами Припети съ одной стороны, Березины и верхняго Нѣмана—съ другой, какъ доказываютъ нѣкоторые ученые, а что, напротивъ, она переходила названную линію и потому слова начальной лѣтописи о поселеніи дреговичей «между Припетью и Двиной» могутъ быть понимаемы буквально. Ссылаясь на изслѣдованія В. Б. Антоновича, г. Завитневичъ курганы втораго типа дѣлитъ также на два рода: одни, въ которыхъ встрѣчаются сосуды и другіе—безъ нихъ. Древлянскіе курганы встрѣчаются всегда безъ сосудовъ; въ полянскихъ присутствіе сосудовъ—обычное явленіе.

Между тѣми и другими курганами встрѣчаются могильники съ обрядами трупосожженія, практиковавшагося у сѣверянъ. Такъ какъ всѣ виды погребенія встрѣчаются смѣшанными въ области р. Припети, то г. Завитневичъ видитъ въ этомъ подтвержденіе мысли, что Припеть нѣкогда служила весьма бойкимъ торгово-промышленнымъ путемъ, привлекавшимъ къ себѣ колонистовъ почти изъ всѣхъ сосѣднихъ областей.

Мы не будемъ касаться содержанія кургановъ, которое дастъ возможность археологу обрисовать домашній бытъ населенія и интересующихся этой не менѣе важной частью работы г. Завитневича отсылаемъ къ самой статьѣ его, которая, замѣтимъ мимоходомъ, написана живо и читается съ интересомъ.

Но если въ работѣ г. Завитневича преобладаетъ синтезъ, то въ работѣ другаго мѣстнаго археолога, проф. Кнауэра, наоборотъ, мы встрѣчаемъ самый обстоятельный анализъ кургановъ. Это точнѣйшій протоколъ раскопки, произведенной г. Кнауэромъ около села Сораты (въ южной Бессарабіи). Согласно съ мнѣніемъ проф. Антоновича, авторъ относитъ по времени роскопанный имъ курганъ къ періоду между каменнымъ и бронзовымъ вѣкомъ и считаетъ его принадлежащимъ гуннамъ, подобно другимъ курганамъ, описаннымъ авторомъ въ III-й книгѣ «Чтенія».

Изъ изслѣдованій историческихъ первое мѣсто по достоинству занимаетъ изслѣдованіе проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова: «Черты семейнаго права западной Россіи въ половинѣ XVI в.». Предметомъ этого труда служитъ для автора не столько исторія семейнаго права, сколько исторія обычнаго права въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ, такъ какъ ни въ какой области права обычаи не оказались столь жизненными или живучими, какъ именно въ семейной сферѣ.

Разсматривая формы брака на пространствѣ западной Россіи, проф. Будановъ находитъ оттѣнки ея въ украинной полосѣ, въ провинціальныхъ городахъ внутренней территоріи и въ главныхъ культурныхъ центрахъ государства. На украинѣ сдѣлки брака и развода совершались безъ участія церкви и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявлялось о состоявшихся сдѣлкахъ свѣтской власти, при чемъ уплачивалась пошлина; въ провинціальныхъ городахъ какъ заключеніе, такъ и расторженіе брака, подвергается разсмотрѣнію и утвержденію со стороны свѣтской власти (магистратскаго уряда), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковной власти; за гражданской сдѣлкой въ бракѣ слѣдовало вѣнчаніе; разводъ совершался при участіи церковной власти—это была вторая высшая ступень историческаго развитія семейнаго права; въ культурныхъ центрахъ средніе и низшіе слои еще недалеко ушли отъ провинціаловъ; разницу же въ воззрѣніяхъ на семейное право простыхъ людей и людей высшаго класса авторъ объясняетъ не столько степенью образованности тѣхъ и другихъ, сколько разницею экономическихъ условій быта ихъ. Въ XII в. «не было у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья». Въ XIII, XIV и XV вв. различіе въ воззрѣніи на совершеніе брака между боярами и простыми людьми постепенно сглаживались. Въ XVI и XVII вв. замѣчается еще двойственность въ воззрѣніяхъ на совершеніе брака; церковь, государственная власть и суды, хотя и признаютъ бракъ, заключенный при помощи гражданскихъ формъ, равносильнымъ съ бракомъ вѣнчальнымъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не возникаетъ спора о правахъ, вытекающихъ изъ брака; въ случаѣ исковъ предпочтеніе отдается вѣнчальному браку. Разсматривая далѣе личныя права супруговъ, почтенный авторъ вездѣ находитъ подтвержденіе своему основному положенію, что личныя права супруговъ находятся въ тѣсной связи съ имущественными; съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на вопросы о приданомъ, вѣнцѣ и другихъ сдѣлкахъ по имуществу между супругами; выдача приданаго обязательна не только для братьевъ и родственниковъ невѣсты, но и для родителей ея; приданое составляетъ общее имущество супруговъ; оно возвращается родственникамъ бездѣтно умершей жены и безъ вѣновой записи. Мужъ, вошедшій въ домъ жены, не только не получаетъ правъ на имущество жены, но и терпитъ ограниченіе собственныхъ личныхъ правъ. Родительская власть отличается большей строгостью, чѣмъ власть мужа (во власти мужа надъ женой среди низшихъ классовъ народа въ XVI в. авторъ видитъ внѣшніе приз-

наки древняго рабства жены, что, впрочемъ, объясняетъ экономическими условіями); родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери—вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ; право это простиралось не только на дѣтей, но и на другихъ лицъ, подчиненныхъ семейной власти (зятьевъ). Но въ отношеніи къ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ сдѣлки о закладѣ имѣютъ лишь форму односторонняго распоряженія, а въ самомъ дѣлѣ совершаются по общей волѣ семьи съ участіемъ самихъ закладываемыхъ.

Родители изъ низшихъ классовъ признавали за собой и практиковали право продавать дѣтей въ вѣчное рабство, но судьи (въ половинѣ XVI в.) отвергаютъ это право съ точки зрѣнія морали. Таковы существенные выводы изъ этого новаго и весьма интереснаго труда уважаемаго профессора. Выводы эти тѣмъ болѣе важны, что они сдѣланы съ величайшей осторожностью и сдержанностью и при томъ не апріорны: они основаны на актахъ XVI-го вѣка, извлеченныхъ авторомъ изъ книгъ виленскаго центральнаго архива и сообщаемыхъ въ «приложеніяхъ» къ статьѣ, давая, такимъ образомъ, возможность каждому читателю провѣрить выводы.

Другой весьма интересной и обширной работой является работа проф. *П. В. Владимірова*: «Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.» Сравнительное изученіе этихъ памятниковъ приводитъ къ указанію мѣстныхъ особенностей правописанія: кіевскаго, галицко-волынскаго и западно-русскаго; древнѣйшіе памятники письменности XI вѣка, по своимъ особенностямъ языка и правописанія, относятся къ кіевскимъ; противоположными имъ въ это время являются памятники новгородскіе; въ XII в. выдѣляются особенности галицко-волынскія, отличныя и отъ новгородскихъ и отъ кіевскихъ, а въ рукописяхъ XIII в. замѣчаются уже признаки западно-русской письменности, рѣзче выступающія въ XIV в.; въ XV и XVI вв. въ памятникахъ юго-западной Руси замѣчается два теченія въ письменности: одно—западно-русское, поддерживавшееся оффиціальнымъ правописаніемъ и языкомъ грамотъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія, другое—южно-русское, съ особенностями нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ и съ правописаніемъ, такъ называемымъ, средне-болгарскимъ. Въ историко-литературномъ отношеніи разсматриваемые памятники интересны преимущественно для характеристики времени отъ XIV до XVII в. Авторъ обозрѣваетъ рукописи въ хронологическомъ порядкѣ; количество ихъ, какъ оказывается,

довольно велико, но никакого счета имъ не ведется и группировки по содержанію не сдѣлано; вообще же можно сказать, что авторъ разсматриваетъ исключительно рукописи книгъ библейскихъ, богослужебныхъ, богословскихъ и проч.; но рукописи актовъ, грамотъ и другихъ памятниковъ, въ которыхъ свободнѣе сказывались особенности живаго языка и правописанія своего времени и мѣста не описаны. Въ «Приложеніи» авторъ помѣщаетъ рукопись Мѣлецкаго монастыря, содержащую въ себѣ «Поученіе Зарубскаго черноризца Георгія» въ спискѣ XIII в, отмѣчая разночтенія и нѣкоторыя особенности формъ по изданію Срезневскаго (въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» № VII).

Проф. *В. С. Иконниковъ* въ своемъ трудѣ: «Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III» по поводу напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1886 г. (т. III, стр. 123—124) выписокъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Красно-холмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря, изъ которыхъ видно, что Самозванецъ въ маѣ 1606 г. собиралъ лошадей для «польскаго походу» и по поводу изслѣдованія г. Н. Левитскаго: «Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ» доказывающаго, что Лжедимитрій не только не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ Рима, но и разрушилъ ихъ въ конецъ, дѣлаетъ провѣрку, на основаніи изданныхъ въ разное время уже памятниковъ смутнаго времени, фактовъ того времени, и отмѣчаетъ новую сторону въ дѣятельности Самозванца: его отношенія къ Сигизмунду; въ то время какъ въ Польшѣ русскіе бояре вели интригу о сверженіи съ престола Димитрія, у него самого возникаетъ мысль о войнѣ съ Польшей; опираясь на враждебную Сигизмунду III партію, Самозванецъ имѣлъ намѣреніе низвергнуть послѣдняго съ престола и самому занять его, подчинивъ Польшу Москвѣ. Это положеніе автора прочно обосновано подлинными актами и сказаніями современниковъ.

М. Н. Ясинскій описываетъ весьма интересный и близкій намъ по времени и по мѣсту фактъ: «Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіевской губерніи въ 1855 году». Но прежде чѣмъ начать разсказъ о событіяхъ 1855 г. авторъ обозрѣваетъ вообще движенія крестьянъ въ предшествующее время. Причины этихъ движеній онъ видитъ: 1) въ частыхъ и упорныхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ, 2) въ слухахъ о возможности избавиться отъ крѣпостной зависимости поступленіемъ въ военную службу или переселеніемъ въ свободные края, 3) въ недовольствѣ инвентарными правилами, а въ особенности

4) въ жестокости помѣщиковъ и разореніи барщиной; въ виду непрерывности этихъ движеній авторъ приходитъ къ заключенію, что 1) русскій народъ никогда не мирился съ крѣпостнымъ состояніемъ, 2) жажда свободы была такъ велика и надежда на освобожденіе такъ упорна, что никакія репрессаліи не могли подавить ни той, ни другой и 3) во всѣхъ волненіяхъ обнаруживается полное недовѣріе крестьянъ къ мѣстнымъ властямъ и глубокая вѣра въ тѣсную связь свою съ царемъ и его желаніе освободить крестьянъ.

Движенія 1855 г. произошли въ 9 губерніяхъ: рязанской, тамбовской, владимірской, нижегородской, пензенской, симбирской, саратовской, воронежской и кіевской. Волненія въ кіевской губерніи происходили въ мартѣ и апрѣлѣ 1855 г.; они охватили уѣзды: таращанскій, васильковскій, сквирскій, каневскій, черкасскій, кіевскій, звенигородскій, чигиринскій и уманскій; наиболѣе же сильны они были въ васильковскомъ, каневскомъ и сквирскомъ. Движеніе было скоро подавлено военной силой. Виновные наказаны ссылкой въ Сибирь и розгами; жестокія наказанія шпицрутенами сквозь строй смягчены. Причину волненій авторъ видитъ исключительно въ неправильномъ толкованіи манифестовъ 14 декабря 1854 г. и 29 января 1855 г.; причину эту онъ считаетъ внѣшнимъ поводомъ къ волненіямъ; внутренней же причиной—ту, которая вызывала и большинство всѣхъ предшествующихъ волненій: ненависть къ крѣпостному праву, жажду свободы и убѣжденіе народа, что царь скоро дастъ или уже далъ таковую. Авторъ подробно излагаетъ ходъ движенія и указываетъ на мѣры, принятыя начальствомъ къ его подавленію. Мы не будемъ передавать содержанія статьи и замѣтимъ только относительно причинъ, что въ общемъ хотя онѣ и вѣрно указаны, но лишь отчасти: переходъ отъ внутренней причины къ внѣшней не могъ совершиться безъ какихъ либо посредствующихъ еще причинъ и въ данномъ случаѣ могло быть умственное и литературное движеніе 40-хъ годовъ, содѣйствовавшее развитію освободительной идеи, новыя чаянія и ожиданія при началѣ царствованія императора Александра II и, наконецъ, то положеніе, въ которомъ находились крестьяне кіевской губерніи въ предшествовавшее время. Изслѣдованіемъ проф. В. Б. Антоновича установлено, что крестьяне кіевскаго воеводства до 1796 г. пользовались въ экономическомъ отношеніи такими выгодами и преимуществами, какихъ не имѣли крестьяне другихъ областей бывшей Рѣчи-Посполитой, что съ присоединеніемъ къ Россіи большое количество бездомной шляхты и другихъ свобод-

ныхъ сословій было обращено въ крѣпостную зависимость [1]), что въ мѣстныхъ судахъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія производились сотни дѣлъ объ отыскивавшихъ свободу лицахъ, что движенія проявились въ тѣхъ именно уѣздахъ, гдѣ находились королевскія староства, крестьяне которыхъ были всегда людьми свободными, что крѣпостное состояніе ихъ въ теченіи 50 лѣтъ не могло подавить въ нихъ живыхъ воспоминаній о былой свободѣ и что въ кіевской губерніи недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами были явленіемъ обычнымъ. Точно также и при установленіи основныхъ причинъ движеній крестьянъ вообще авторъ упускаетъ связь ихъ съ умственнымъ движеніемъ и ростомъ освободительной идеи; такъ напр. Пугачевщинѣ предшествовала коммиссія для составленія проекта новаго уложенія и возбужденіе въ ней вопроса о положеніи крестьянъ [2]). Во всякомъ случаѣ трудъ г. Ясинскаго весьма цѣнное приращеніе къ ряду работъ по мѣстной исторіи.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» настоящей книги «Чтеній» помѣщенъ «Православный южнорусскій катихизисъ 1600 г.», какъ памятникъ борьбы православныхъ съ протестантскими и раціоналистическими ученіями, господствовавшими въ XVI и началѣ XVII в. на Руси и въ Польшѣ. Издатель, проф. С. Т. Голубевъ, въ своемъ предисловіи считаетъ авторомъ катихизиса Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, въ то время наставника виленской братской школы. Рядомъ съ «Катихизисомъ» помѣщены «Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи (1630—1690 гг.)». Сюда вошли привилегіи польскихъ королей, универсалы Богдана Хмельницкаго, актъ подтвержденія корол. привилегіи кіевскимъ воеводой П. В. Шереметевымъ и царская грамота г. Чернигову, объясняющая права и обязанности мѣщанъ; особенно цѣнны, по нашему мнѣнію, универсалы Хмельницкаго, рисующіе намъ его какъ правителя, и грамота г. Чернигову, знакомящая съ положеніемъ городовъ лѣвобережной Украины.

Въ заключеніе проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ напетанъ «Экстрактъ изъ журнала слѣдованія статскаго совѣтника и ре-

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне старостинскихъ имѣній считавшіе себя свободными.

[2]) Что касается до тяжести барщины, то хотя она и могла имѣть вліяніе на возбужденіе движеній, но связь между тѣмъ и другимъ фактомъ не всегда можетъ быть опредѣлена. Собраніе и изученіе фактовъ въ той области только одно можетъ указать на дѣйствительныя причины, а въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано слишкомъ мало; поэтому г. Ясинскій вполнѣ основательно далъ своему очерку общее заглавіе: „Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи“.

зидента Андріана Неплюева отъ Кіева въ Константинополь въ 1746 году». Журналъ носитъ вполнѣ оффиціальный характеръ; въ него занесены лишь факты, касающіяся исторіи международныхъ отношеній Польши, Россіи, Крыма и Турціи; личныя впечатлѣнія автора журнала не имѣютъ въ немъ мѣста.

Редакція настоящей книги «Чтеній» принадлежитъ проф. Н. И. Дашкевичу.

И. Каманинъ.

Ѳ. И. Буслаевъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I-й, съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1890.

«Исторія книгопечатанія»—популярное изложеніе судьбы печатнаго дѣла и типографскаго искусства со времени символическаго и образнаго письма, письменъ китайскихъ, египетскихъ, финикійскаго алфавита до нашего вѣка, ознаменовавшагося «колоссальнымъ развитіемъ типографской техники, многочисленными усовершенствованіями въ способахъ печатанія, богатствомъ разнообразнѣйшихъ шрифтовъ, типографскихъ украшеній и другихъ частностей дѣла». Подвестъ итогъ успѣховъ типографскаго дѣла въ XIX вѣкѣ авторъ обѣщаетъ во 2-мъ томѣ «Исторіи книгопечатанія». Первый томъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ обычнаго предисловія, пять отдѣльныхъ частей книги (12 главъ). Первыя страницы отдѣла съ мало выразительной краткостью излагаютъ «очеркъ развитія письменъ»: смѣна однихъ письменъ другими, ихъ взаимодѣйствіе между собою, происхожденіе и развитіе письменъ не выяснены читателю съ достойною предмета ясностью. Во второмъ отдѣлѣ книги, «Начало книгопечатанія и его распространеніе до XVI вѣка», авторъ разсказываетъ о предшественникахъ Гуттенберга, о Гуттенбергѣ и изобрѣтеніи книгопечатанія, наконецъ, передаетъ много мелкихъ подробностей о распространеніи книгопечатанія въ концѣ XV вѣка въ нѣмецкихъ городахъ, въ Римѣ, Венеціи, во Франціи, въ Голландіи и Англіи, затѣмъ въ сѣверной и восточной Европѣ: краковскій «Октоихъ» Іоанна Дамаскина, изданіе Святополка Фіола 1491 года—первая печатная славянская книга. Авторъ «исторіи» переходитъ въ третьемъ отдѣлѣ своего сочиненія къ разсказу «о типографскомъ искусствѣ съ XVI по XVIII вѣкъ» въ западной Европѣ; главѣ объ этомъ важномъ

для типографскаго дѣла времени предшествуетъ около 20 страницъ текста, выясняющихъ значеніе ксилографіи въ типографскомъ дѣлѣ и гравюры XVI—XVIII вв. на западѣ. Судьба «славянскаго и древнерусскаго книгопечатанія» изложена въ IV отдѣлѣ книги и заканчивается разсказомъ о гравированіи въ Россіи XVII в. Послѣдній вопросъ, какъ и общая исторія русской гравюры передана съ полною обстоятельностью въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Розинскаго «Русскіе граверы», о чемъ слѣдуетъ вспомнить при чтеніи указанной главы сочиненія г. Булгакова. Послѣдній отдѣлъ книги и послѣдняя (12-я) глава «Исторіи книгопечатанія», русское книгопечатаніе въ XVIII вѣкѣ занимаетъ около 55 страницъ текста и излагаетъ исторію печатнаго дѣла при Петрѣ Великомъ, а особенно въ вѣкъ Екатерины II, издательскихъ компаній и дѣятельности Н. И. Новикова. Къ сочиненію г. Булгакова приложенъ указатель источниковъ и списокъ иллюстрацій. Книга издана г. Суворинымъ прекрасно, и представляетъ сама по себѣ одинъ изъ выдающихся образцовъ русскаго типографскаго и граверскаго искусства. 6 хромолитографій, 8 автотипій, до 270 снимковъ со всевозможныхъ шрифтовъ, первопечатныхъ изданій и типографскихъ украшеній и до 150 инціаловъ и заставокъ изъ славянскихъ и русскихъ рукописей прошлыхъ вѣковъ дополняютъ книгу многими интересными, красивыми и характерными иллюстраціями. Изданіе сдѣлано тщательно, со вкусомъ и со знаніемъ дѣла.

Останавливая вниманіе читателей на общемъ характерѣ книги г. Булгакова, мы не можемъ не указать на нѣсколько сухой, конспективный способъ изложенія. Предположимъ, что авторъ задался мыслью изложить исторію книгопечатанія, типографскаго дѣла—темой очень назидательной, но по существу вопросовъ типографскаго искусства нѣсколько спеціальной и сухой. Вопросы идейной сущности памятниковъ въ связи съ дѣломъ книгопечатанія и его усовершенствованіями не входили въ программу работы г. Булгакова. Мы однако, думаемъ, что книга г. Булгакова выиграла бы не мало, если бы авторъ придалъ ей характеръ менѣе справочный, болѣе философскій и обобщающій. «Исторія книгопечатанія» справочной книгой служить не можетъ за отсутствіемъ какой бы то ни было полноты указаній и ссылокъ на всевозможныя печатныя изданія. Между тѣмъ дѣло книгопечатанія, особливо въ первые вѣка своего распространенія, не было дѣломъ исключительной спеціальности, не было дѣломъ людей, занятыхъ одной техникой типографскаго искусства. Часто «друкари» и «печатники» были сами переводчиками, авторами книгъ, не менѣе часто

руководителями общественныхъ движеній и творцами новаго слова, живой мысли и умственнаго настроенія: они, совершенствуя типографское дѣло, были въ тоже время носителями передовой мысли, общественной идеи той эпохи, въ которую приходилось имъ отъ типографскаго станка переходить къ авторскому перу или къ слову оратора, проповѣдника своихъ идей и общественныхъ воззрѣній. Разсказъ о смѣнахъ идейныхъ настроеній рядомъ съ изложеніемъ успѣховъ типографскаго дѣла, перечнемъ и описаніемъ важнѣйшихъ и и наиболѣе любопытныхъ памятниковъ книгопечатанія прошлаго времени,—вотъ что должно было бы войти въ популярное сочиненіе по исторіи книгопечатанія. Внесеніе, такъ сказать, «идейнаго» элемента при разсказѣ о техническихъ усовершенствованіяхъ типографскаго дѣла оживило бы и осмыслило каждую ступень прогресса въ одномъ изъ наиболѣе великихъ изобрѣтеній человѣческаго ума. Сочиненіе г. Булгакова страдаетъ отсутствіемъ живости и «идейности» изложенія, что и лишаетъ книгу значительной доли интереса, необходимаго при популяризаціи «исторіи книгопечатанія».

Къ типографскому дѣлу южной и западной Руси относятся многія страницы 10-й главы сочиненія («Древнерусское книгопечатаніе»). Достоинства и недостатки разсказа г. Булгакова отражаются и въ данной главѣ: изложеніе «исторіи книгопечатанія» переходитъ часто въ скучный перечень изданій сочиненій, перечень, который такъ нетрудно составить по библіографическимъ указаніямъ Каратаева, Ундольскаго, Сахарова, Строева и др. Разсматривая указатель источниковъ сочиненія г. Булгакова, мы нашли большое количество ссылокъ не только на книги библіографическаго характера, но даже на статьи, статейки и маленькія журнальныя и газетныя замѣтки по исторіи книжнаго дѣла. Тѣмъ болѣе поразило насъ при такомъ видимомъ обиліи источниковъ неупоминаніе автора о многихъ трудахъ, гдѣ собраны важнѣйшія библіографическія подробности о старопечатныхъ книгахъ южной и западной Руси. Мы, конечно, говоримъ не о рѣдкихъ книгахъ... но г. Булгаковъ не знаетъ, напримѣръ, трудовъ проф. Голубева, не только его «Библіографическихъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно славянскихъ книгахъ XV—XVIII ст.», но и сочиненія о «Петрѣ Могилѣ». По такой то причинѣ г. Булгаковъ, составляя списокъ юго и западно-русскихъ старопечатныхъ книгъ, впадаетъ во многія непростительныя библіографическія ошибки. Напримѣръ, г. Булгаковъ опредѣляетъ мѣсто изданія Апокризиса 1598 г. Филалета въ Вильнѣ (стр. 255), между тѣмъ какъ это со-

чиненіе было издано въ Острогѣ. «Ѳриносъ» Смотрицкаго не былъ изданъ въ 1596 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ г. Булгаковъ (стр. 255), дѣлая ссылку на Головацкаго (Дополн. къ очерку Ундольскаго). Первое изданіе Ѳриноса можно предположить въ 1610 г. да и то на польскомъ языкѣ. Книги «Календарь римски новы» львовскаго изданія 1586 г. нѣтъ (стр. 266); «Календарь римски новы»—заглавіе второй половины сочиненія «Ключъ царства небеснаго», напечатаннаго въ Острогѣ въ 1587 г. и перепечатаннаго недавно въ «Архивѣ Юго-Зап. Россіи» (т. VII, ч. I, стр. 232—265). Перечисляя напечатанныя Мих. Сліоскою русскія книги, авторъ очевидно не знаетъ о существованіи «Псалтыри» 1642 г., изданной Сліоскою во Львовѣ и т. д., и т. д. Кстати замѣтимъ автору, что Пересопницкое Евангеліе написано: «Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ протопопы Саноцкаго».—Мы относимъ эту справку къ 256 страницѣ сочиненія г. Булгакова.

И. Ж.

Ѳ. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. Одесса. 1890.

Названная брошюра—актовая рѣчь, въ сокращеніи произнесенная 1 мая 1890 г., въ день празднованія 25-лѣтія новороссійскаго университета,—содержитъ живой очеркъ воззрѣній и дѣятельности извѣстнаго слависта. Фактическая новизна его заключается въ выдержкахъ изъ рукописей покойнаго, которыя хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Отсылая интересующихся славистикой и византинизмомъ, которымъ главнѣйше посвящена была дѣятельность Григоровича, къ самой брошюрѣ, укажемъ здѣсь на ту сторону ея, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ задачамъ «Кіевской Старины», именно на занятія Григоровича по мѣстнымъ вопросамъ. Они непосредственно отвѣчали общимъ запросомъ его научныхъ работъ и представляли нераздѣльную часть всей его дѣятельности. Науку онъ желалъ сдѣлать посредницей въ международныхъ недоразумѣніяхъ славянъ, румынъ и грековъ. Еще въ 1860 г., т. е. ранѣе основанія одесскаго университета, онъ развивалъ планъ основанія при Ришельевскомъ лицеѣ каѳедры славянской филологіи; въ его умѣ рисовался планъ основанія повременнаго изданія, въ которомъ складывались бы свѣдѣнія о южныхъ земляхъ, заселенныхъ славянами, румынами и греками. Понятно поэтому, почему привлекалъ пытливость Григоровича новороссійскій край, въ которомъ давно уже сожительствуютъ названныя

народности. Григоровичъ печатался мало; вопросами мѣстной географіи и этнографіи занялся онъ лишь подъ конецъ своей жизни и дѣятельность его на этомъ поприщѣ оцѣнивается не столько количествомъ добытыхъ имъ результатовъ, сколько методологическими пріемами. Въ данныхъ языка, особенно въ названіяхъ урочищъ, онъ искалъ и находилъ остатки старины; не довольствуясь списками населенныхъ мѣстъ, онъ предполагалъ собирать названія балокъ, рѣчекъ, кургановъ и потомъ подвергать ихъ лингвистическому анализу. Убѣдившись въ холодности и лицъ привилегированныхъ сословій къ научнымъ интересамъ, онъ предпочиталъ личные разспросы мѣстныхъ жителей и помощь народныхъ учителей и сельскаго духовенства; онъ обратилъ вниманіе на старовѣровъ, какъ на вѣрныхъ хранителей старины, рекомендуя обратиться къ нимъ съ открытымъ посланіемъ о сообщеніи, какія рукописи находятся въ ихъ собраніяхъ. «Я глубоко убѣжденъ, говоритъ проф. Успенскій, и позволяю себѣ настойчиво утверждать, что если суждено у насъ когда либо образоваться школѣ со своими опредѣленными задачами и методомъ по изученію южно-русской старины, то во главѣ этой школы станутъ преданія, идущія отъ Бруна и Григоровича».

Къ брошюрѣ приложенъ списокъ печатныхъ трудовъ Григоровича, составленный А. И. Маркевичемъ, и фототипическій портретъ покойнаго профессора-слависта.

В. Я.

Обозрѣніе журналовъ.

1) Историческій Вѣстникъ № 5—6. 2) Вѣстникъ Европы № 6 3) Русская Мысль № 6. 4) Русская Старина № 6. Сверхъ того просмотрѣны, но ничего для библіографіи не оказалось: Русскій Архивъ № 6 и Сѣверный Вѣстникъ № 6.

Историческій Вѣстникъ № 5. Въ отдѣлѣ критики—краткая рецензія книги: «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ». Кіевъ, 1889 г. (стр. 464—465).

№ 6. *В. К.* «*Памятникъ Понятовскому*», гдѣ вкратцѣ разсказана исторія нахожденія этого памятника въ подвалахъ новогеоргіевской крѣпости и постановка его въ имѣніи князя Паскевича Гомелѣ могилевской губ. (стр. 647—649).

Въ отдѣлѣ критики: *М—къ Г—цкій* коротенькій одобрительный отзывъ о книгѣ: «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. Составилъ преподаватель волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ. Томъ II. Уѣзды ровенскій, острожскій и дубенскій» Почаевъ 1890 г. (Стр. 685).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткая біографія умершаго историка Геннадія Ѳеодоровича Карпова, занимавшагося разработкой древнихъ историческихъ актовъ и издавшаго нѣсколько изслѣдованій по исторіи Малороссіи (стр. 710).

Л. Павленковъ. «Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1889 г.».

Вѣстникъ Европы № 6. Въ отдѣлѣ Изъ общественной хроники краткія свѣдѣнія изъ исторіи новороссійскаго университета, со времени открытія котораго 1-го мая истекло 25 лѣтъ (стр. 860—862).

Русская Мысль № 6. *Я.* «О памятникѣ Н. В. Гоголю въ Москвѣ», гдѣ подводится итогъ суммъ, собранныхъ для сооруженія памятника Гоголю за 10 лѣтъ (47941 р. 94 1/2 к.) и указывается возможное мѣсто для постановки памятника въ Москвѣ (стр. 108—112).

Русская Старина. № 6. *В. И. Шенрока—Николай Васильевичъ Гоголь.* Приведено 8 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 639—656).

Іосифъ Сидорскій. Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій—баккалавръ кіевской духовной академіи, онъ занималъ видный постъ по учебной части въ привислянскомъ краѣ; въ послѣдніе же годы, служа при святѣйшемъ Синодѣ, онъ исполнялъ важныя порученія по духовному вѣдомству на западныхъ окраинахъ, между прочемъ по уясненію чешскаго дѣла на Волыни и устройству учебнаго дѣла среди чеховъ-колонистовъ, а также устроенію кіевскаго торжества 900-лѣтія крещенія Руси (стр. 717—726).

Въ отдѣлѣ библіографіи: *Арк. Л—нко.* Краткая одобрительная рецензія книги: «Мемуары относящіяся къ исторіи южной Руси. Вып. I (XVI в.). Михаилъ Литвинъ, Б. де Виженеръ, Л. Горецкій, Э. Ляссота. Переводъ К. Мельникъ (подъ ред. В. Б. Антоновича)». Кіевъ, 1890 г. (на обложкѣ).

ЛѢТОПИСЬ ПОДГОРЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Въ числѣ другихъ рукописей, находившихся на выставкѣ Ставропигійскаго Института во Львовѣ, была книга in folio въ 150 страницъ, подъ заглавіемъ „Сѵнопсисъ или краткое собраніе исторій и созиданія святыя обители общежителныя Подгорецкыя, древле именуемыя Плѣсницкыя, купноже и въспоминаніе о сооруженіи святыя церкви Преображенія Господня въ тойже святой обители, списася року Божія 1699“. На старинномъ кожаномъ переплетѣ этой книги имѣется тоже наклеенное польское заглавіе: „Księga Historij klasztoru Podhoreckiego, zakonu Basyliańskiego, po rusku pisana, gdzie tak (że) inwentarz rzeczy cerkiewnych i klasztornych. Roku pańskiego 1699 sporządzona“. Собственно лѣтопись занимаетъ въ этой книгѣ только 60 страницъ. Кромѣ того на страницахъ 89—97 находится какъ будто добавка—нѣсколько документовъ, выписанныхъ изъ львовскихъ актовъ гродскихъ и заключающихъ въ себѣ дарственныя записи въ пользу монастыря. Прочее мѣсто занимаютъ инвентари или „реестры“ книгъ и церковной утвари монастыря. Инвентарей въ нашей книгѣ имѣется три, а именно первый по времени, а послѣдній по мѣсту отъ 1699 года, второй по времени и первый по мѣсту отъ 1714 и третій по времени, средній по мѣсту отъ 1730 года. Лѣтопись, которой два послѣдніе листа (еще до нумераціи) вырваны, доведена до 1715 года. Болѣе новымъ письмомъ конца XVIII ст. добавлены еще двѣ записи 1726 и 1729 годовъ.

„Cvнопсисъ“ составляетъ если не очень важный, то все таки интересный источникъ для исторіи прикарпатской Руси, преимущественно съ 1662—1699 годовъ. Нѣкоторыя подробности изъ него были уже обнародованы крилошаниномъ А. С. Петрушевичемъ въ 1874 г. въ его „Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1600—1700 годовъ“. Но такъ какъ А. С. Петрушевичъ началъ свои выписки изъ „Cvнопсиса“ 1662 годомъ и почему то пропустилъ интересныя во многихъ отношеніяхъ преданія объ основаніи церкви Плѣсницкой и объ инокѣ Зосимѣ, то мнѣ кажется не лишнимъ систематически исчерпать весь историческій матеріалъ, заключающійся въ „Cvнопсисѣ“. Правда, значительную долю въ этой лѣтописи занимаютъ копіи документовъ: дарственныхъ записей, королевскихъ привиллегій и епископскихъ грамотъ, имѣющихъ развѣ только мѣстное значеніе и поэтому пропущенныхъ нами; кромѣ того авторъ лѣтописи заносилъ въ нее многіе факты, тоже не имѣющіе болѣе широкаго историческаго значенія, какъ напр. извѣстія о новыхъ постройкахъ, земельныхъ спорахъ и т. п. хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря, что мы также пропускаемъ. Очень жаль, что со смертію игумена Парфенія Ломиковскаго лѣтопись Подгорецкаго монастыря совершенно прекращается.

Миронъ.

Упомянувъ объ апокалипсическихъ деревахъ, которыя уцѣлѣли среди общаго опустошенія, авторъ лѣтописи продолжаетъ: „Щасливіе древа въ ласцѣ божой зосталіе. Не мнѣй щаслившіе древа и сей церкви святой, ижъ гди сурове зъ загнѣваннаго декрету небесного страшные непріятелѣ креста святого мечем христіанскіе краи пустошили, огнем околичніе мѣста и церкви божіи руйновали, сію же церковъ отъ посполитого декрету и пожару, яко отъ общеземнаго потопа ковчегъ Ноевъ сохранити изволилъ Господь. Панства, провѣнціи, мѣста и села околичніе зостали зруйнованніе, а тая церковъ святая, яко саламандра во огни, яко тріе отроки во пещи вави-

лонской живи, яко Сигор въ Пентаполи, и яко Лотъ от пламенно-текущей уволненний Содоми, превишше же смрадних водъ, гоненія, преслѣдованія и войни непріятельской безпечне пребывала. Що дивнѣйша: все мѣстце града Плѣсницкаго, которое негдись на том мѣстцу стояло, и до сего дня зовется Плѣсницко, яко окопы и вали значніе до сихъ часъ дают вѣдомость, тіи такъ зруйнованые, иж дубы високіе, дерева дубравніе на томже мѣстцу повирастали, а сия церковъ святая невредно соблюдаема естъ... А збудована естъ отъ княжни Елены, которая княжна знать была вѣри православно-христіанской, и прежде бо сих временъ на главахъ российского народу княжие сняли митры. Даст того певный и виразний документъ над царскими врати внутръ олтаря в тіе слова напис: „Аρπ *року: Гони Батый Елену Княжну, аже и церковь сію в то время тая же сооруди княжна, граду Плъсницку тогда бывши разоренну*“ явѣ естъ, ибо тую церковъ невредимо вышній Господь сохранил доселѣ и прославилъ, же ю от посполитого гнѣву своего и запаленя уволнилъ...

„Хто бы тежъ при церкви сей святой от того часу през килкасот лѣтъ зоставалъ, ниже писанія, ни извѣствованія обрѣтаемъ. Повѣсти о семъ и свѣдительства старих и старожитных людей сицевыя изобрѣтаемъ. От року 1583 старец нѣкто именемъ Зосима, родомъ тутешних странъ, из града, Бѣлый Камень названнаго, благочестивихъ родителей синъ млад еще сый дойде з нѣким монахом до святыя горы Аѳонскія, Господу тако хотящу, и там образ иноческій воспріемъ, наставленъ Богомъ и извѣщенъ бывъ духовным своим отцемъ, взем благословеніе от ігумена своего, обители святого Аѳанасія, возвратися во своя страны, и возлюби мѣсто при сей церкви. Бѣ же монахъ простъ, во страсѣ божіи колико можаше Богу служа, день и нощъ моляся ему со слезами, жилище же его бѣ во земли ископанно во пещерѣ при криниці, зависти бо ради въ то время мирскихъ священниковъ села Подгорецъ возбраненно бѣ ему при церкви самой жити, понеже доброти миръ во злѣ лежай не токмо ненавидит, но и гнушается и... Поживе же сей блаженный монах лѣтъ

пятнадесят, и сподобися от Христа Бога увѣдати свое отъ земных ко небеснымъ отшествіе. Тогда прихождаху къ нему мнози от правовѣрных пользы ради, ихже много поучивъ, единощи и сіе рече: яко прежих здѣ не малое время, со многими страстьми боряся, и дарова ми Богъ еще на мѣстѣ сем тридесят лѣтъ жити, еже и собыстся. И тако пребывъ на том едином мѣстѣ всѣх лѣтъ четиредесят и пят неотходимо, провѣдѣ паки свое отшествіе к Богу, его-же возлюби, и призва духовных и знаемых людей со приставникомъ села Подгорецъ и вручи ему все елико имяше, воспоминая ему и глаголя: возми ти сіе, аще бо угодно будет Богу, подасть мѣсту сему вѣрных своих, иже прославляти будутъ имя его святое. Преставися року Божія 1625, мѣсяца септеврія въ 23 день, и погребенъ естъ честно при церкви Преображенія Господня.

Року Божія 1659 прійде на мѣсто сіе законникъ именемъ Созонтъ Ломѣковский, саном діякон, зъ святой обители скитской, посѣщая сродники своя, иже воистинну Божіим изволеніем прийде в сію страну.... и хотя запустѣлое мѣсто въ древнее привести благочиніе и украшеніе, начатъ жити со другим монахом, начавше убо прилежно сіе мѣсто святое строити и о нем труждатися, древа неплодящая и всякую гущавину некрасящую изсѣкати, ревнующе святым преподобным отцем Антонію и Ѳеодосію печерским, иже огнем зъ неба зведеннымъ окрестъ хвростіе попалиша, Богу, братіи и себѣ пребываніе уготовляху. По малѣ же времени Богом подвижен прибывает къ сему законнику Созонту на сіе мѣстце честное и святое честный старец Ілія Гостиславскій зъ тогож монастира святой обители скитской законникъ священно іеромонах, року Божія 1661, мѣсяца августа дня 4. И разгорѣся душею, возлюбы сіе мѣсце святое, изволи жити на нем любезно со братом Созонтом.... Удаются до своего монастиря святія обители скитскія, до отцевъ и братіи всѣхъ обще.... Съ благословеніем их начаша общую обитель при той церкви святой старожитной фундовати..... По сем удаются до преосвященнаго епископа луцкаго, въ тое время Гедеона Святополка князя Четвертенского, благословенія святительского яко смиреннии иноци смиренно моляще, аби на том мѣсцѣ святом жити и обитель святую..... разширяти и

приоздобляти.... возмогли. До чого.... епископ благоизволивъ и благословивъ блаженного старца Ілію въ ігумена, брата же Созонта на степень священства постави року Божія 1662. Блаженный же отецъ Ілія.... за моцныи фундамента виправленний от ясневельможного его милости пана Станѣслава Конецпольского дѣдичного добръ тих пана консенсъ альбо право на ригаловом папиру польским діалектом при звислой печати рукою власною подписанный положи, и сим правом грунта, на них же обитель сыя святая стоит, яко фѣляром утверди.

(Слѣдуетъ документъ Станислава Конецпольскаго, напечатанный у А. С. Петрушевича „Сводная лѣтопись“ ст. 136, и пастырское благословеніе епископа луцкаго Гедеона Четвертинскаго 1663 года. Слѣдующій затѣмъ разсказъ о дѣяніяхъ перваго игумена Ильи пропускаемъ).

Игумен Ілья къ Богу отиде мѣсяца декамврія 15, року 1666.... Вторий игумен Іовъ нѣколико лѣтъ труждался со братіею во строеніи святия обители прилежно яко можаше.... В тие времена наступившой войнѣ Дорошенковой (Дорошенщина), зъ козаками и зъ ордою, преставися о Господѣ помянутий старец Іов игумен.....

(Слѣдуетъ перечень четырехъ игуменовъ, изъ которыхъ каждый только короткое, но съ точностью неопредѣленное, время управлялъ монастыремъ).

По сем избраша братія честнаго отца Афанасія Березу. Того времени прийдоша дніе, в ня же видѣхом злая. Нечистивий бо цар турецкий зъ великими войсками своими и татарскими, с ним же и Дорошенко зъ войсками козацкими пришедши в землю нашу росийскую (1672), многих христіан во плѣн взяша, церкви Божіи разориша, Подоля опустошивши и Камянецъ-Подольскій опановавше, веліе смятеніе сотвориша. Братія же святія обителя сея, овіи в замку Подгорецком, иніи во обители и во вертепах кріющася, Божіим смотреніем всі цѣло сохранени быша. Злочестивіи же въ монастири килка келій огнем сожегше и прочая вещи.....

Не по мнози времени вторицею война турецкая под Журавном наступила. Того ж року и часу (1676), мѣсяця септеврія дня

6 святую обитель Скитскую турки разорили и огнем сожегли, в то время ігуменствующу во святой обители Скитской честному отцу Дороѳею, и паки велие в земли сей бысть смятеніе. Тогожде времени в сей святой обители ігуменом бысть вишe реченний отецъ Афанасій Береза, иже страха ради остави сію святую обитель, братія же неимущая пастиря всі розийдошася и не оста ни един во обители.

Року Божія 1683, найяснѣйшій король его милость Іоан Третий з войсками ходил под Вѣдень, турковъ побѣдил, бывшу в той побѣдѣ зъ королем преосвященному епископу львовскому Іосифу Шумлянскому.

Року 1684, остави паству свою, то есть епископію луцкую, преосвященний епископ Гедеон Святополкъ Четвертенскій и отиха на кіевскую метрополію, а епископію король его милость в блюстительство предреченому епископу львовскому вручи.

Въ лѣто 1686 поставлен бысть епископом луцким Афанасій Шумлянский единоестественний брат епископа львовскаго, в мѣстѣ Жадачевѣ, дня осмого мѣсяца мая от преосвященного Дософея митрополита сочавскаго и епископа Іосифа Шумлянскаго и Інокентія Винницкаго, епископа премишльскаго, в то время еще во благочестіи будучаго, при существующу той хиротоміи преподобнѣйшому отцу Варлааму Шептицкому, архимандритѣ уневскому и отцу Николаю, архимандритѣ сочавскому.

Тогож року 1687, дня 24 мѣсяца септеврія, найяснѣйший монарха Іоан Третий, король польский, повернувши з войни з под Жванца, пребывал въ Олеску и въ Подгорцах въ маетностях своих. Тамо пребываючи, слиша от людей о давности церкве виш поменения, и приихал сам особою своею кролевскою до сей святой обителѣ со трома синами своими найяснѣйшими кролевичами польскими Іаковом, Александром и Константином, и з многими вельможами, сенаторами и панами, где обачивши мѣсце церкве и писмо овое въ церкви над царскими врати внутръ олтаря на стѣнѣ виритое „1108 року гони Батій Елену княжну“, сіи слова зъ личбою прочетше и удивившеся, похвалиша вси Бога и пречистую Дѣву Богородицу,

яко увидѣли своими очима от такъ давного времени церковъ святую, ни ветхостю вѣка, ниже различними войнами нарушенную. Въ то время ігумен (Парѳеній Ломѣковскій) зъ братіею презентовали его королевской милости консенсъ албо право виш менованное от ясневельможного с. м. пана Станѣслава Конецпольского сему монастирови данное, и просили о потверженіе албо конфѣрмацію оного, на що его королевская милость, яко пан побожний и милостивий позволил, и не толко тое право по всем потвердил, але и болше своим писмом албо правом тому монастиреви надал. (Слѣдуетъ копія грамоты короля Іоанна Собѣскаго, данная въ Золочевѣ 15 октября 1687). Року от сотворенія свѣта 6126, а от Рождества Христового 1688, мѣсяца февруарія дня 25 в четвертокъ сирний пришедше безбожніи агаряне въ повѣтъ бродский и іние грады, церкви Божіи и села огнем сожегоша и людей безчисленное множество во плѣн взяша. Тогож часу и сію святую обитель немало их близ окружиша. Но Божіим и пресвятия его Богоматере заступлением ниедин приближитися ко святой обители возможе, обяти бо быша веліим страхом, и скоро бѣжаша, нѣкому же их гонящу. Благодатію же Божіею яко из братій, тако и з послушников и вещей монастирских ничтоже вреждено бысть, но вся цѣло сохраненна быша.

Року 1689 поменениаго Парфенія ігумена святия обители сея боголюбивий епископ львовский архидіакона своего виправил в великій царствующій град Москву до пресвѣтлѣйших и великодержавнѣйших благочестивих царей, въ тож время благополучно царствующих Іоанна и Петра Алексѣевичовъ и пресвѣтлой царевни соцарствующей имъ Софѣи Алексѣовни, таможде и до святѣйшого Кир Іоакима московскаго и всея Росіи и всѣх сѣверних стран патріархи, зъ своим архиепископским писаніем... Отиде во путь, взяв же со собою брата іеромонаха Феодосія и иніе послушники, дня 30 мая 1689 в четвертокъ. Молитвами пресвятой Богородици и святих угодников Божіих достиже царствующаго великаго града Москвы, и вся исправивъ, возвратися во свояси. Возвратившуже ся ему съ пути в обитель сію дня 21 декамврія даде нѣкія вещи и в украшенію церкви Божой и обители святой, такожде и братіям нуждная.

Сія вся списати и в краткую собрати Сѵнопсисъ понудихом ся не коего либо ради тщеславія или над инія святия обители превозношения, но видяще, яко всѣ умираем и аки вода разливаемся по реченію разумной Текунтянини, всякое же писание умирати не обиче. Аз же многогрѣшний іерей Василий презвитер церкви Успенія Пресвятия Владичица нашея Богородици, написавъ сіе исправленное от инних начертаніе, бывши в той же катедрѣ святого великомученика Георгія львовской, у преосвященного епископа Іосифа Шумлянского о благословение мого пресвиторства побѣжден великим ку моему смиренію пречестнаго отца Парфенія сіе св. обители ігумена благодѣтельством подвигохся аще и прудкоручним писаніем сіе исписати.

Тогож року 1708, мѣсяца іюля дня 16 преставися боголюбивий нашъ пастыръ Іосифъ Шумлянский въ катедрѣ львовской, въ тоже катедрѣ въ гробѣ от него же собѣ за живота еще вымурованом погребен бысть дня 7 мѣсяца септеврія 1708, на которого погребѣ були епископи: Георгій Вѣннѣцкий епископъ перемиский, Діонісий Жабокрицкий, епископъ луцкий, Варлаам Шептицкий, архимандрита уневский, которий послѣжде епископом львовским обраний, и превелебнии ігумени, пречестнии намесники диецезии львовскои, галицкои и Каменца Подольскаго.

Року 1629, дня 20 іюлія умеръ въ Львовѣ ігуменъ и ктиторъ нашъ о. Парѳеній Ломѣковский; перед смертію записал нам 40,000 зол. п. яко капитал на процент и 5000 на далшую фабріку, также вси свои рухомости.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ

ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОБРАЛЪ В. М.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе: сватовство, розглядины, домашнія приготовленія къ свадьбѣ.—Суббота: приготовленія къ свадьбѣ съ участіемъ сосѣдей, вѣнки, приглашеніе молодой къ себѣ на свадьбу, пѣсни на улицѣ, возвращеніе молодой и дружекъ съ обхода села.—Гильце, пѣсни въ весильномъ домѣ, удаленіе дружекъ, изготовленіе шишекъ и коровая.—Воскресенье: поклоненіе молодой, молодая на посадѣ, пѣсни до пріѣзда жениха; поклоненіе молодого, молодой на посадѣ, пришиваніе лентъ боярамъ, осыпаніе овсомъ молодого, выѣздъ молодого.—Пѣсни на поѣздѣ.—Молодой у воротъ, у порога, въ сѣняхъ, въ хатѣ.—Пришиваніе вѣнка къ шапкѣ молодого.—Молодые во дворѣ.—Молодые за столомъ, раздѣлъ коровая, расплетаніе косы, отъѣздъ молодыхъ, пѣсни на поѣздѣ, встрѣча молодыхъ, обрядъ первой ночи, торжество молодой, позоръ молодой.—Понедѣльникъ: утро молодой, бесѣды (балы), ожиданіе шишки родителями молодой.—Перезовъ.—Вторникъ: пропиваніе родителей.

Приведенныя ниже свадебныя пѣсни записаны мною въ прошедшемъ 1889 году, въ сѣверной части лубенскаго уѣзда, преимущественно въ м. Снѣтинѣ и окрестныхъ селахъ,—мѣстности, никогда еще не изслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи,—отъ слѣдующихъ козачекъ и крестьянокъ: Уляны Выборной и Даріи Котовой, изъ м. Снѣтина, снѣтинской волости; Евгеніи Нецилькиной, Евдокіи Паньковой, Ѳедосіи Палехиной, Орины Недилькиной, Степаниды Шевченковой, Маріи Юрченковой, Настасіи Коломійцевой, Орины Мартыщенковой и Варвары Иваненковой, жительницъ с. Литвяковъ, волчковской волости; Евгеніи Заикиной, хут. Волчей долины, той же

волости; Уляны Молькиной, изъ с. Волчка; Елены Дмитренковой и Устиньи Калениченковой, изъ с. Березоточи, той же волости; Маріи Гриценковой изъ с. Засулья, засульской волости; Палагеи Куліевой, изъ с. Пѣсокъ, той же волости; Акулины Бѣлокуровой, изъ с. Луки, тишковской волости; Варвары Максимейковой изъ с. Исачекъ, той же волости и Прасковьи Заикиной, живущей въ хут. Кремянкѣ, матяшовской волости и другихъ.

Свадебный обрядъ, объясняющій эти пѣсни и имѣющій притомъ въ лубенскомъ уѣздѣ нѣкоторыя особыя черты, отличающія его отъ обрядовъ другихъ уѣздовъ полтавской губерніи, изложенъ мной какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по разсказамъ и указаніямъ тѣхъ же лицъ, преимущественно Уляны Выборной, Даріи Котовой, Варвары Максимейковой и Евгеніи Недилькиной, также козака Михаила Пулехи и крестьянъ: Самсона Иваненка и Мирона Печеного.

До свадьбы. Розглядыны.

Народному свадебному обряду (закону) въ лубенскомъ уѣздѣ предшествуютъ, какъ и повсемѣстно въ Малороссіи, нѣкоторые обряды при сватовствѣ и вѣнчаньи. Какъ извѣстно, женихъ обращается къ родителямъ невѣсты со своимъ предложеніемъ чрезъ старостъ, всегда представляющихъ его личное, семейное и имущественное положеніе въ выгодномъ свѣтѣ. Согласіе дѣвушки въ общемъ смыслѣ, въ принципѣ, выражается замѣной хлѣбовъ; но, затѣмъ, показаніе старостъ повѣряется разспросомъ сосѣдей жениха и осмотромъ его жилья родителями невѣсты и ея родственниками, или сосѣдями. Этотъ осмотръ (розглядыны) производится иногда со вниманіемъ и строгостью, напоминающими обыскъ. Пріѣзжіе осматриваютъ огородъ и дворъ, запасы хлѣба и сѣна въ стогахъ, надворныя постройки, щупаютъ палками хлѣбъ въ закромахъ коморы, иногда лазятъ даже въ погребъ и на чердакъ (горыще). Окончательное согласіе дѣвушки выражается дачею ею „рушныкивъ“ старостамъ и „хустокъ“ молодому и боярину, какой обычай большею частью совпадаетъ съ вѣнчаньемъ, но можетъ предшествовать ему, если вѣнчанье и свадьба происходятъ въ одно и тоже

воскресенье. Въ первомъ случаѣ промежутокъ времени между вѣнчаньемъ и свадьбой родители молодыхъ наполняютъ домашними приготовленіями: колютъ кабана, привозятъ муку изъ мельницы, рѣжутъ локшину, цѣдятъ брагу и покупаютъ водку; только въ субботу къ участію въ приготовленіяхъ приглашаются сосѣди, свадьба оглашается по селу и всѣ послѣдующія дѣйствія пріобрѣтаютъ публичный характеръ.

Суббота. Вѣнки.

Въ субботу, послѣ обѣда, старшая дружка невѣсты, большею частью ближайшая родственница, обращается къ наполняющимъ весильный домъ гостямъ съ просьбой:

— Старосты, пани старосты! благословить молодій винкы повыть? [1]).

На что присутствующіе отвѣчаютъ:

— Богъ благословыть!

Тогда старшая дружка откалываетъ съ головы молодой двѣ ленты: красную и зеленую, быстро собираетъ ихъ на иголку и дѣлаетъ вѣнки,—два цвѣтка, похожіе на полный макъ, и подаетъ на тарелкѣ молодой, которая проситъ у родителей и у всѣхъ присутствующихъ: благословить *винкы поносыть*. Затѣмъ старшая дружка пришпиливаетъ ей къ волосамъ оба вѣнка, которые невѣста не снимаетъ до пріѣзда жениха. Надѣвъ вѣнокъ, молодая угощаетъ подругъ водкой, пирогами, кнышами и сметаной.

Когда вьютъ вѣнки, то дружками поются слѣдующія пѣсни:

1.

Благословы Боже,
Пречыста Госпоже,
Виночкы повыты,
Сей домъ звеселыты

(Сообщено Уляной Выборной).

2.

Изъ субботонькы на недилоньку
Ростворылося небо,
Тамъ выдно хресты золотіи,
И престолы святіи.
Кинець престола

[1]) Въ м. Снѣтинѣ вѣнки вьютъ къ вечеру.

Маты Хрыстова
Плете виночки, стоя;
Плете виночкы
Та зъ шавліечкы,
Та зъ лиліечкы,
Та зъ червонои стричкы.
Та зъ руточкы, зъ мяточкы
Васильку до шапочкы,
А зъ шавліечкы, та зъ лиліечкы
Та Маруси до стричечкы.
(Ея же).

3.

Пишла наша Маруся у садочокъ,
Изрываты полуцвиткивъ на виночокъ,
А за нею ридный батенько у слидочокъ:
На що жъ тоби, дытя мое,
Полуцвитовъ цвитъ?
Що ты сама якъ калына,
Якъ рожевый цвитъ.
На що тоби, дытя мое, той виночокъ?
Ужежъ тоби не ходыты у таночокъ,
Ужежъ тоби не водыты подружечокъ.
Ой е въ мене мій батеньку меньшая сестра,
Вона моихъ виночкивъ доносыть,
Вона моихъ подружечокъ доводыть.
(Ея-же).

4.

Звылы Маруси два виночкы
Зъ руточкы, мяточкы сердечка,
Та й покотылы по столу
По жыльчастому скатерти;
Руточка ясна, калыночка красна,
Съ кымъ тебе позбираты?
Та просы Марусю батенька,
Щобъ помоглы руты збираты.
Не буду я ихъ прохаты,
Не вмилы мене кохаты.
А ни кохаты, ни зодягаты,
Ни пры соби держаты.
(Евдокія Панькова).

5.

Жалуй мене, моя матинко,
Я гисть у тебе.
Шануй моихъ подружечокъ
Теперъ у себе.
Якъ не стане, моя матинко
Мене въ тебе,
То не будуть подружечкы
Бильшъ ходыты,
Та й не будуть кватырочкы одсуваты,
Бо ни кого на улыцю выклыкаты.
Якъ итымуть подружечкы,
Мынатымуть двиръ,
Та й нестымуть смородыну зелененьку,
Та й заплачешъ, моя матинко, жалибненько;
Та й нестымуть смородыну зъ ягидкамы,
Умыесся, моя матинко, слизонькамы,

Та й нестымуть смородыну съ спиленькымы,
Та й умиеся, моя матинко, дрибненькымы.
Та даешъ мене, матинко, сама бачышъ
Не разъ, не два ты за мною тай заплачешъ,
Не разъ, не два тай затужышъ
Покы мене черезъ люды перечуешъ.
(Настасья Коломійцева).

Суббота. Приглашеніе на свадьбу.

Кончивъ вить вѣнки, дружки рѣзвой, нарядной толпой сопровождаютъ молодую по селу. Она заходитъ въ хаты приглашать къ себѣ сосѣдей и родственниковъ „на хлибъ, на силь, на весилья“, а дружки остаются на улицѣ и возвѣщаютъ о свадьбѣ громкимъ пѣніемъ. Дружекъ бываетъ обыкновенно много 15, 25, даже 50, такъ какъ въ дружки идутъ всѣ дѣвушки, сосѣдки невѣсты, но если въ одной и той же части села одновременно празднуется нѣсколько свадебъ, то пѣсенное число „симъ сотъ и чотыри и вси чорнобриви“ можетъ уменьшиться въ дѣйствительности даже до семи.

На улицѣ поютъ:

6.

Ой вы сусиды ворогы,
Не переходьте дорогы [1]),
Не становиться за сонця,
Иде наша Маруся одъ винця,
Веде соби Василька молодця.
(Уляна Выборная).

7.

Тай у субботоньку, за сонця,
Сыдила Маруся край виконця,
Поряжалася зъ своею ненькою:
Скилькы дружечокъ браты.
Та бери донечко симдесятъ,
Коло симдесятъ сама сядь,
Беры зовыци, беры сестрыци,
Вси подружкы у дружкы.
(Она же).

8.

Ой ты попе Гордію!
Не дзвоны рано въ недилю,
Задзвоны рано въ субботу,
Потеряй дивкамъ роботу,
Нехай не шьють, не прядуть,
До нашои Маруси въ дружкы идуть.
(Евдокія Панькова).

[1]) Вар. с. Пѣсокъ: Нехай перейде родына,
Щобъ наша Маруся щаслыва.
(Палагея Куліева).

9.

Куды мы не пидемъ
Та все однимъ слидомъ,—
Зеленою порошою
Зъ молодою зъ хорошою.
(Она же).

10.

Нызомъ, дружечкы, нызомъ,
Закыдалы дорожку хмызомъ,
А у Васылька кинь вороненькій
Перескочыть хмызъ зелененькый,
А у Васылька кинь вороніймій
Перескочыть хмызъ зеленіймій.
(Степанида Шевченкова).

11.

На долыну, дружечки, на долыну,
По червоную калыну,
Та по хрещатый барвинокъ
Молодій Маруси на винокъ.
(Уляна Выборная).

12.

Ой шумила дибривонька, шумила,
Туды наша Маруся ходыла,
Кискою плечици покрыла,
За собою дружечокъ водила.
(Она же).

13.

Ой коса моя русява,
Та якъ я тебе кохала,
Що въ субботоньку вбирала,
А въ недилоньку красыла,
За одынъ вечиръ зносыла.
(Она же).

14.

Ой киско, киско маивко!
Та не довго тоби маяты.
Въ субботоньку изъ ранку,
А въ недилоньку до смерку,
Ходыть Маруси у винку.
(Она же).

15.

Молодая Маруся, молодая,
Въ неи кисонька русява,
Коло тіи кисонькы коснычкы —
Нашои дивчыны дружечкы.
(Она же).

16.

Не вій витре въ поли,
Повій по роздоли;
Розмай русу косу
По червонимъ поясу,
Розмай косу по волосочку
Якъ жыта по колосочку.
(Оришка Мартыщенкова).

17.

Холодочкомъ, дружечкы, холодочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ,
Щыпайте руту, мяту зелененьку,
Затыкайте Марусю молоденьку,
Нехай наша рута, мята зеленіе,
Нехай наша Маруся молодіе.
(Уляна Выборная).

18.

Ой улыци, улыци неметеніи,
Туды йшлы дружечкы нечесаніи,

Молодая Маруся йшла, промела,
За собою дружечокъ провела.
(Оришка Недилькина).

19.

Ой улыци, улыци тисніи,
Туды йшлы дружечкы пышніи,
Неслы воны короговцю якъ огонь.
А на тій же короговци малюванье,—
Тожъ тіи Маруси дивованье.
А на тій же короговци лыстонькы,—
Тожъ Марусины мыслонькы.
(Марія Юрченкова).

20.

Не барыся, Марусю, не барыся,
Усимъ дружечкамъ поклонысь,
Старшій дружечци найныжше,
Що сыдитеме найблыжче.
Оце жъ тоби, Марусю, за тое,
Щобъ не плела кисонькы у трое,
Та заплела кисоньку въ дрибушкы,
Щобъ росплитали вси дружкы.
(Уляна Выборная).

21.

Ой вы сюды дружечкы не ходите,
Зеленого винограду не топчите,
Бо сей виноградъ самъ порисъ,
Туды нашу Марусю Богъ понисъ.
(Она же).

22.

А чи радъ, Васыльку, чи не радъ,
Що порисъ по садочку виноградъ?
Щей червоная калына—
Молодая Маруся княгина.
(Она же).

23.

Ой тамъ, на сели, на рынку,
Пылы бояре горилку,
Изъ золотенькихъ чарочокъ
Одъ молоденькихъ дружечокъ.
(Она же).

24.

Поцвичена калынонька, поцвичена,
Уже наша Маруся повинчаная.
Колыбъ же намъ недилоньку диждаты,
Пидемо Маруси спиваты.
(Евдокія Панькова).

Если вѣнчанье и свадьба происходятъ въ одинъ день, то вмѣсто этой пѣсни дружки поютъ:

25.

Ой у лузи калынонька нецвиченая,
Туды йшла дивчинонька невинчанная,
Колыбъ же намъ недилоньки диждаты,
Пидемо дивчиноньку винчаты.
(Она же).

26.

Ой попе, попе,
Отче нашъ,
Тай одчиняй церковцю
Просто насъ,
Тай звинчай же насъ
Въ добрый часъ.

(Она же).

27.

Ой булы мы въ попа,
Нема попа дома,
Та поихавъ та до города
Ключивъ купуваты—(2)
Церковь одмыкаты,
Марусю винчаты.

(Она же).

28.

Ой помалу, дружечкы, йдите,
Пыломъ не пылите,
Щобъ наши жупаны
Пыломъ не прыпалы,
Щобъ нашая слава
По всимъ свиту стала.

(Уляна Выборная).

29.

Дывлятся селяне,
Що йдуть городяне,
По переду та Маруся иде,
Симсотъ дружечокъ веде,
Симсотъ щей чотыри
Та все чорнобриви,
Симсотъ щей пятнадцать
Та вси у сапьянцяхъ.
Въ стричкахъ, та въ коснычкахъ
Та въ червонихъ черевычкахъ.

(Уляна Выборная).

30.

Думай, думай та Марусю,
Думай та гадай,
Брести тоби дви риченьки,
Щей третій Дунай.
Перебрела дви риченьки,
Дунаечка ни,
Роскишъ була у батенька,—
У свекорка ни.

(Она же).

31.

Ой по морю рыбочка грае,
Золотыми перами мае,
А Маруся здывувалася,
Що хороше нагулялася,
Васылькови сподобалася.

(Она же).

32.

Закувала зозуленька
Рано у саду,
Ой казала Марусенька
Замижъ не пиду,
Ой казала молодая погуляю
Русою косою помаю.

(Она же).

33.

По тимъ боци ставу
Клыче павычъ паву,

Плывы, плывы моя павочко,
Дамъ я тоби срибне яблочко.
Черезъ тое срибне яблочко
Потеряла дивуваньячко.

(Она же).

34.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Не клинъ яблунына
Золотая верховына,
Полюбыла та дивчина
Молодого челядына,
Сама соби здывувалась,
Що съ хорошимъ повинчалась.

(Марія Юрченкова).

35.

Варіантъ с. Засулья.

Схылылась верба зъ верха до кореня,
Винчалась дивчына зъ ранку до полудня,
Сама соби здивувалась,
Що зъ челядиномъ повинчалась.

(Марія Гриценкова).

36.

Червоная колынонька, жовтый цвитъ,
Ой чомъ до насъ Василька въ гости нитъ?
Чи мы ёму хустыны не пошылы,
Чи мы ёму виночка не звылы,
Чи мы ёму Маруси не зрядылы?
Мы ёму хустыну пошылы,
Вы ёму виночокъ извылы,
Мы ёму й Марусю зрядылы,
Мы ій на посади посадылы.

37.

Ой городъ, городъ Лебединъ
Туды ихавъ Василько молодый,
Пидъ нымъ коныченько вороный,
На ему жупанъ голубый,
На ему шапка смушова,
Коло бока хустына шовкова,
Вышыла Маруся учора,
Темнои ночи при свичи
Ясного сонця, край виконця,
За для Василька молодця.

(Уляна Выборная).

38.

Ой крикнувъ орелъ на ставу,
Обизвався та Василько въ своему дому:
Ой горе жыты самому,
Колибъ щей Маруся зо мною.

(Она же).

39.

Та плыве утынька по сынему морю
Изъ своимы утенятами,
А за нею плыве сызый селезень.
Постой утынько й мене,
Бувъ я на ставку, тай чувъ я славку
Щей на тебе, сира утынько,
Що плетуть ситкы на твои диткы
Щей на тебе, сира утынько.
Нехай же плетуть, хоть переплетуть,
То я ихъ не боюся:
Крыльця роспущу, дитей заберу,
Видсыля уберуся.
Та йшла Маруся все улычкамы
Изъ своимы дружечкамы,
А за нею иде молодый Васылько.
Постой Марусю мене,
Постой Марусю, постой молода,
Щось маю росказаты:
Ходывъ я въ лавку, тай чувъ я славку,
Що на тебе молодую
Кроють китайку, шьють кыбалку,
А на твою головоньку.
Та нехай же кроють, та нехай же шьють,
Я ій не боюся,
У недилоньку, до вечеронькы
Я въ неи наряжуся.

(Уляна Выборная).

40.

Ой плавала щука рыба по надъ млыномъ,
Та давала Маруся ручку двомъ.
Ой не двомъ, не двомъ—одному,
Ой на тоби, Васылько, ручку мою,
А ты, Иванку, дывысь, не дывысь,
Пиды соби зъ иншею обнимысь
А ты, Иванку, не гайся,
Пиды соби зъ иншею звинчайся.

(Настасія Коломійцева).

41.

Варіантъ с. Засулья.

Плавала щука рыба по пидъ млыномъ,
Та давала Маруся ручку двомъ,
А хочь двомъ, хочь не двомъ,—одному
На тоби, Васыльку, ручку мою.
Биленька ручка въ батынька мого,
Чи буде такая въ твого?
Якъ будешъ ты покирненька,
То буде твоя головонька гладенька,
А якъ будешъ ты упряма,
То буде твоя головонька що дня пьяна.

(Марія Гриценкова).

42.

Варіантъ с. Засулья.

Зацвила крута гора фіялкамы,
Туды йшла Маруся съ дружечкамы,
А за нею Василько съ боярамы.
Постой, постой, Марусю, теперь ты моя!
Вона стала, отгадала, що я не твоя,
Що я въ батька паняночка,
А ты въ свого панъ;
Шукай соби паняночкы
Такои якъ самъ.
Ой выиздывъ я вси села й города,
Та не найшовъ паняночкы, якъ ты молода.

(Она же).

43.

Варіантъ с. Засулья и с. Литвяковъ.

Ой ходыла та Маруся по саду, саду,
А за нею та Василько по ей слиду.
Ой чогожъ ты та Василько
На мій слидъ упавъ,
Шукай соби кращишои,
Якъ молодый самъ.
Ой объихавъ я, Марусю,
Села и города,
Тай не найшовъ кращишои,
Якъ ты молода.

(Уляна Выборная).

44.

Тыхо тыхо лотоками
Вода йде,
Що сестрица до братика
Чоломъ бье.
Ой вымитай, братику,
Новый двиръ,
Та застылай, братику,
Тесовый стилъ,
Та наповняй, братику, кубочкы,
Веде сестрыця дружечкы.
Ой до двору, дружечкы, до двору,
Нахыляйте сосонку до долу,
Та принесемо до дому
Тай поставымо на столи,
На жыльчастому [1]) скатерти.

(Уляна Выборная).

45.

Мы булы въ лужку,
Загубылы дружку,
Якъ сонечко зійде,
Вона сама прійде.
Якъ сонце пидобьется,
Вона сама притрясетця.

(Марья Гриценкова).

[1]) Цвитному.

46.

Варіантъ с. Волчка.

До двору, дружечкы, до двору,
Ломайте сосонку до долу.
Зелена сосна—не гнеться,
Що богатій, матинко, не шлеться,
А убогій, та хорошій не сміе,
Такъ моя руса коса змарніе.

(Ульяна Молькина).

47.

Забарная, Маруся, забарная,
Забарылася на сели,
А вы, дружечкы, на дорози,
Щей на лютому морози.

(Она же).

Суббота. Возвращеніе съ улицы.

48.

Прыбирайся, матинко, прыбирайся,
Та до себе дружечокъ сподивайся,
Щобъ була щука, рыба жареная,
Щобъ була горилочка вареная,
Щобъ булы огирочкы солоненьки,
Щобъ наши дружечкы веселенькы.

Варіантъ.

Щобъ булы солоныи огиркы,
Щобъ булы дружечкы ягидкы.

(Уляна Выборная).

Возвращаясь домой, молодая ломаетъ палочку (ципокъ), съ которой она обходила село, и бросаетъ ее чрезъ хату.

Дружки поютъ:

49.

Росты, сосно, въ гору,
Мы йдемо до дому,
До новои хаты,
Де ридная маты,
Де кубкы повненьки,
Братикы ридненьки.

Варіантъ.

До матинкы, до ридненькои
На кубочкы на повненькіи,
У порога поютъ:

На хусточкы червоненькіи.
(Уляна Выборная).

50.

Сяду, впаду ластивкою
Передъ матинкою,
Передъ синечкамы
Изъ своими дружечкамы.
(Она же).

51.

На вгороди вышня,
Колыбъ до насъ матинка выйшла,
Ягидокъ щыпаты,
Дружечокъ частуваты.
(Оришка Недилькина).

52.

Выйды маты съ хаты,
До свого дитяты,
Ягидочокъ рваты,
И дружечокъ частуваты.
(Настасія Коломійцева).

53.

Варіантъ с. Засулья.

Выйды маты зъ хаты,
Пизнавать дытяты.
Межъ пышными дружечкамы
Умывается слизочкамы,
Межъ пышнійшымы
Умывается дрибнійшымы
(Марія Гриценкова).

54.

Выйшла матинка проти насъ,
Та глянула цо всихъ насъ,
Краща Маруся одъ увсихъ насъ.
(Уляна Выборная).

55.

Выйшла матинка изъ хаты,
Стала дружечокъ пытаты:
Де вы дружечкы бувалы,
Що вы дружечкы видалы?
Ой булы мы, матинко, въ церковци,
Та бачылы, матинко, два винци
На Марусеній головци.
(Она же).

Суббота. Гильце.

56.

Урижъ, матинко, китайкы,
Застылай столы ще й лавкы,
Бо йдуть дружечкы панянкы.

Вризала матинка китайкы,
Застлалы столы щей лавкы:
Сидайте, дружечкы панянкы!
(Она же).

Возвратясь съ села, дружки въ сѣняхъ весильнаго дома вьютъ „гильце“, т. е. убираютъ вишневую (изрѣдка сосновую или сиреневую—„изъ бозя“) вѣтвь съ частыми боковыми побѣгами, воткнутую въ хлѣбъ, бантами изъ лентъ, бумажными цвѣтами, пучками калины, жита и краснаго гаруса (жычками). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Засульѣ) привѣшиваютъ еще къ гильцу орѣхи, конфекты и пряники.

Когда вьютъ гильце, то поютъ:

57.

Не йдить молодыцѝ
До насъ гильця выты,
Зовьемо мы самы,
Краще нижъ изъ вамы.

(Уляна Выборная).

58.

Летила зозуленька черезъ садъ,
Погубыла пиръячка на весь садъ.
Избирайте дружечкы пирьячко
Зовьемъ своей Маруси гилечко.

(Елена Дмитренкова).

59.

Ой покы мы Маруси гильце звылы,
Половыну луга выходылы,
Червоную калыноньку выломалы,
И хрещатый барвиночокъ выщыпалы,
Таки своей Маруси гильце звылы.
Звылы Маруси гилечко
У два соколы гниздечко,
Выще дерева ялыны,
Та зъ червонои калыны,
Молодій Маруси княгыни.

(Уляна Выборная).

Окончивъ вить гильце, и попросивъ у старостъ благословенія въ такихъ же почти выраженіяхъ, въ какихъ просили о вѣнкахъ („благословить гильце въ хату внесты“), дружки входятъ въ хату съ гильцемъ и поютъ:

60.

Благословы Боже,
Пречыста Госпоже!
Намъ гилечко звыты,
На столи постановыты,
Сей домъ звеселыты.

(Она же).

61.

Варіантъ с. Засулья.

Благословы маты
Гильце звываты.
Гильце звыты,
Сей домъ звеселыты.
(Марія Гриценкова).

62.

Осыпалася руточка,
Коло золотого кубочка.
Руто моя дрибна, зелена,
Якъ мени тебе позбираты?
Просы Марусю батенька,
Щобъ помигъ руты збираты.
Не буду ихъ прохаты,
Не вмилы мене кохаты,
А ни кохаты, ни зодягаты,
Ни пры соби держаты.

Потомъ эта же пѣсня повторяется въ отношеніи къ матери, съ замѣной словомъ „батенька“ словомъ „матинку“, и въ отношеніи молодого; причемъ три послѣднія строчки пѣсни замѣняются слѣдующими:

Буду прохаты, буде винъ мене кохаты,
И кохатыме й зодягатыме,
И пры соби держатыме.
(Настасья Коломійцева).

63.

Стояла Маруся пидъ гильцемъ,
Та чесала косу гребинцемъ,
Упустыла гребинецъ подъ столець;
Подай, Васильку, грибинець.
Яжъ тоби, Марусю, не вдовець,
Щобъ я тоби подававъ грибинець.
(Марія Гриценкова).

Суббота. Пѣсни въ весильномъ домѣ.

Гильцемъ оканчивается въ большей части селъ лубенскаго уѣзда дѣятельность дружекъ въ субботу и почти всѣ послѣдующія пѣсни поются ими въ воскресенье, до пріѣзда жениха; только въ м. Снѣтинѣ, дружки поютъ еще вечеромъ:

64 [1]).

Молода Маруся синечкы мела,
Якъ голубочка гула,
Що нахылытця, що нахылытця
Слизоньками умыетця,

[1]) Всѣ пѣсни съ 64—71 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Що пидведетця, що пидведетця
Хустыною утретця.
Ой Боже мій, Боже мылостывый,
Що я наробыла?
Кого любыла, кого любыла,
Того розгнивыла,
А кого не любыла, зроду не знала,
Той дружыною стала.

65.

Ходить сестрыци на вечорныци,
Бо вже мени не ходыты;
Та любыть сестрыци, кого я любыла,
Бо вже мени не любыты [1]).
Кого любыла, то того розгнивыла,
Кого не любыла, зроду не знала,
Той дружыною стала.

66.

Ой куды жъ ты тай Марусю ходыла,
Що ты свою головоньку набилыла?
Ой ходыла я, сестрыци, тай у выш-
ни, въ садъ,
Тай на мою головоньку билый
цвитъ упавъ,
Вышневый, черешневый до долочку,
Яблучковый, грушковый на го-
ловочку.
Та вжежъ его буйный витеръ не
обвіе,
Та вжежъ его ясне сонце не осяе,
Що на моій головонци процвитае.
Ой де твои, та Марусю, очыци булы,
Що за того та Васылька рушныч-
кы далы?
Дывылыся кари очи ажъ у тем-
ный лугъ.
Оце тоби, та Марусю, присуженый
другъ.

67.

Та летять галочкы
У тры рядочкы,
Зозуленька по переду.
Уси галочкы
По лугахъ силы,
А зозуленька на калыни.
Уси галочкы защебеталы,
Зозуленька закувала.
Ой чого куешь, чого жалуешь
Сызая зозуленька?
Чи жаль тоби темного луга,
Чи гиркои калыны?
Не жаль мени темного луга,
Ни гиркои калыны,
А жаль мени ранняго вставаньячка,
Хорошого куваньячка;
Що я рано встаю,
Хорошенько кую,
Вси садочкы звеселяю.

---

[1]) Вар. Та вже мени туды ходыты,
Куды мени люды скажуть,
Та вже мени того любыты,
Исъ кымъ рученькы звяжуть.

Та йшлы дружечкы
У тры рядочкы,
А Маруся по переду.
Уси дружечкы по лавахъ силы,
А Маруся на покути.
Уси дружечкы тай заспивалы,
А Маруся заплакала.
Ой чого плачешь, чого жалуешь,
Молодая Марусю?
А чи жаль же тоби батенька свого,
Чи подвирьячка его?
Не жаль же мени батенька свого,
Ни подвирьячка его,
А жаль мени русои косы
Щей дивоцкои красы,
Що дивочкы грають,
Кисонькамы мають,
А мене не пріймають.

68.

Коло синечокъ весь барвиночокъ
Стелется стежечкамы,
Ой туды йшла молода Маруся
Изъ своимы дружечкамы,
Напротывъ ей батынько ей
Съ повнымы кубочкамы,
За слизонькамы за дрибненькымы
И батенька не пизнала.

69.

Ой якъ бы я знала, або видала,
Що засватана буду,
Той подчыняла бъ, той подмыкала бъ
Батеньковы воритечка,
Той упустыла бъ, той увигнала
Стадо коней воронесенькыхъ.
Нехай вытопчуть, нехай выловлють
Се зильячко запашнесенькe.
Ой щобъ не росло, не кохалося
Отцю, ненци тай на жалости.
Щой отцю, ненци тай на жалости,
Меньшій сестри тай на радости.
Сестрыця иде, цвиты зрывае,
За головку затыкае,
А матинка йде, на цвиты гляне,
Й серденько вяне.
Ой вяне, вяне якъ ножемъ крайе,
Що дитяты не майе.
Тай немайе дочкы, нема скрынёчкы
Ни Маруси челядыночкы.

70.

Ой ходыла та Маруся по кимнати,
Та будыла свого батенька съ кровати.
Ой уставай мій батеньку, годи тоби спать,
Уже мени у тебе не викъ викувать (2),
Одну ничку субботнюю переночувать.

71.

Ой у городи крыныченька одна,
Холодная вода зо дна,
Ой тамъ Маруся били рукы мыла,
До батенька говорыла.
Батеньку мій, ты рожевый цвите!

Не завьязаный свите!
Пусты ничку, тай на улычку.
Донечко моя, неволенька моя,
Просыся у матинкы.

72.

Даешъ мене, моя матинко, сама одъ себе,
Покыдаю роменъ зилья тай у тебе.
Та вставай, моя матинко, ранесенько
Тай полывай роменъ зилья частесенько,
Та вставай, матинко, ранише
Та полывай роменъ зилья частише.

(Палагея Куліева).

73.

Де ты, Марусю, де ты молода
Сей ранокъ ранкувала?
Ранкувала я, мои подружечкы,
У старшои дружечкы.
А въ тіи дружечкы, мои подружечкы,
Два пысарчыка пыше.
Шой одынъ пыше, тай одпысуе
Одъ ридного не до ридного.
А другый пыше, та одпысуе
Одъ батынька та до свекорка.

(Улана Выборная).

74.

Варіантъ м. Снятина.

Ой у синечкы, у прысинечкы
Ясне сонечко сходыть.
Ой тамъ Маруся овесець брала,
Голубонькивъ годувала.
Голубонькы жъ мои, загудить же мени,
Защебечить соловеечкы,
Завдайте тугу темному лугу
Щей батеньку ридненькому,
Що винъ мене дае, тай самъ не знае,
И доленькы не вгадае:
Чи за пьяныченьку, чи за костыроньку,
Чи за того розбойнычка.
За пьяныченьку за велыкого
Той горе чаши буде,
Ой горе чаши, зеленому выну,
По тесовому столу,
А за костыроньку, за велыкого,
Той горе коню буде,
Ой горе коню вороненькому
У поли чистенькому.
А за розбойнычка, за велыкого,
Той горе тилу буде,
Ой горе тилу, щей биленькому
Одъ нагайкы дротянои.

(Она же).

75.

Варіантъ с. Засулья.

Якъ бы я знала, або видала,
Що засватана буду,
Мыла бъ я синечкы зеленою рутою.
Черезъ синечкы двое дверочокъ
У вышневенькый садочокъ,
Тамъ Маруся овесець брала,
Голубивъ годувала.
Гудить голубы, куйте зузули,
Защебечить соловейкы,
Завдайте жалю батеньку моему
И матинци ридненькій,
Що воны мене отдають
И самы не знають,
А доленьку не спытають.
Ой доню моя, не бувъ я въ Бога,
Чи щаслыва твоя доля.

(Марія Гриценкова).

Если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то дружки поютъ еще слѣдующія пѣсни:

76.

Варіантъ м. Снѣтна.

Хоть велыкый двиръ,
Такъ маленькый збиръ.
Не вся моя та родыночка,
Нема родыны ни половыны,
Ни батенька зъ Украины.
Пошлю соловейка, пошлю маленького
По батенька по ридненького.
Ще соловейко не долитае,
А батенько се все знае.
Ни соловья зъ гаю,
Ни батенька зъ раю,
Ни родыны зъ Украины.

(Уляна Выборная).

Если въ живыхъ нѣтъ матери, то поютъ:

77.

Варіантъ с. Засулья.

Шырокій двиръ, а маленькій збиръ,
Нема родыны й половыны,
И матинкы ридненькои.
Пошлю я зузулю сыненьку
По матинку ридненьку,
И зузуля долитае,
И матинка на догадъ знае,
И слёзы пролывае.
Цежъ одъ мого дытяты,
Одъ сыротяты
Нызкіи поклоны.

(Марья Гриценкова).

Если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

78.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой ходыла та Маруся по крутій
гори,
Тай гоныла селезныка по тыхій
води.
Плывы, плывы, селезныку, тыхо по
води,
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку,
теперь и къ мени,
Тай дай мени порядочокъ бидный
сироти.
Ой радъ бы я, дытя мое, до тебе
прыбуть,
Насыпано сырои земли на руки
мои,
Склипылыся кари очи, устонькы
мои.
Наймай, наймай, та Маруся,
Дорогихъ копачивъ,
Тай откопай свого батька тай для
помочи.
И заступы и лопаты поламалы
И батенька ридненького недко-
палы;
Обизвалось два ангола у прыт-
вори,
Не ткопаешъ вже Марусю ни-
колы.

(Уляна Выборная).

Если матери нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

79.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Ой ходыла Маруся по крутій
гори,
Набачыла сиру утыньку на тыхій
води.
Плывы, плывы, сира утынька, тыхо
по води,
Прыбудь, прыбудь, моя, матинко
теперь и къ мени,
Ой дай мени порядочокъ бидный
сироти.
Ой рада бъ я, мое дытя, прыбуть
и къ тоби,
Насыпано сырои земли на рукы
мои,
Склыпылыся кари очи, устонькы
мои,
Ой наймай же, та Марусю, дорогихъ
копачивъ,
Та откопай свою матинку за для
помочи
Наймала, мои сестрыци, ажъ трычи
по пять,
Та не можна матинкы съ того свита
взять.

(Евдокія Панькова).

80.

Ой выйды, выйды, чужый батеньку,
До сироты на порадоньку,
Тай подывыся, чужый батеньку,
Якъ сыриточка плаче.
Що сирота плаче,
Плаче рыдае,
Що порядку не мае,
Нема порядку съ самого ранку,
Щей учора зъ вечора.

(Улана Выборная).

81.

Ой цвилы, цвилы та вже й поспилы
Ягоды полуницы.
Ой мынаються молодій Маруси
Улыци й вечерныци.
Та не такъ, мынуться, не такъ мынуться,
Що вечора спомянуться.
Дивочкы гуляють, кисонькамы мають,
А йіи не прыймають,
А хочь и прыймуть, правды не скажуть,
Тилькы воны сами знають.
Ой йды, йды ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена.

(Она же).

82.

Ой казавъ же ты, любыстоньку [1]),
Не опущу свого лыстоньку,
А теперь же опускаешься,
Кругомъ себе обстылаешься
Все лыстячкомъ, та кориньячкомъ,
Та хрещатенькымъ барвиночкомъ.
Ой казавъ же, та мій батеньку,
Не тдакъ тебе, моя доненьку,
А теперь же отдаешь мене,
Даешь мене, тай не жалуешь,
И свитъ мени та завьязуешь,
Накрываешь та китайкою,
Наставляешь та хазяйкою (2),
Щей до печи куховаркою.
Щей до печи, та не до своеи
До матинкы, не до риднои.

83.

Ой матинко, та голубонько,
Измый мени та головоньку,
Въ останюю субботоньку,
Та росчешы тай гладесенько,
Заплеты косу дрибнесенько.
А въ недилю та не гай мене,
Зараненька выряжай мене;
Теперь ничка та темненькая
И дороженька далекая.
Мы зъ дорожкы та изблудымо
И Марусю та загубымо.
Ой пиду, я та блукаючы,
По два дворы та мынаючы,
А у третій заглядаючы;
Ой тамъ люды та суды судять,
Та все мого та свекорка гудять.

---

[1]) *Вар.* Ой шумивъ же берестоньку.

Ой вы люды, яки вы дивны!
Чомъ вы мени давно не сказали,
А покы насъ попы не винчалы,
Покы намъ ручокъ не вязали.

84.

Ой въ синечкахъ, на васылечкахъ
Соловейечко свыще,
Выйды Марусю, выйды молода,
Тебе батенько клыче.
Нехай же клыче, хочь переклыче,
Теперь же я не клюшныця,
Положыла ключи,
До винчанья йдучи,
У комори на прибои.
У синечкахъ, на васылечкахъ
Соловейечко свыще,
Выйды Марусю, выйды молода,
Тебе матинка клыче.
Нехай же клыче, хочъ переклыче,
Теперь же я не робитныця,
Поробыла дило, всю роботоньку
Ранесенько въ субботоньку.

85.

Мы въ Маруси булы, виночки выпы
И горилочку пылы,
Пылы сырую й вареную,
Изъ медомъ солодкую.
Ой жаль же намъ Марусю на тебе,
Що збирала насъ до себе,
А теперь розлука съ тобою,
Якъ изъ ридною сестрою.

86.

Та спасыби тоби, Марусю,
За твои били калачи,
За твои повни кубочки,
Що прывытала дружечки.

87 [1]).

Роскотится кысныци,
Розойдимося сестрыци,
Розлука наша съ тобою,
Якъ изъ ридною сестрою.

Суббота.—Приготовленіе пишекъ.

Вѣнки и гильце вьютъ въ субботу только въ домѣ у молодой и поэтическія пѣсни, сопровождающія эти обряды, поются также только у нея, такъ какъ въ лубенскомъ уѣздѣ у молодого нѣтъ своего гильца; но есть и другіе субботніе обряды и пѣсни, соединенные съ печеніемъ свадебныхъ хлѣбовъ, общія обоимъ весильнымъ домамъ.

Хлѣбъ, какъ и всѣ свадебныя кушанья, приготовляются сосѣдками родителей молодыхъ подъ руководствомъ искуснѣйшей изъ нихъ

[1]) Пѣсни съ 81 по 87 № записаны отъ У. Выборной.

„куховаркы“, которая получаетъ въ вознагражденіе за свой трудъ платокъ (хустку), ленту и 50 коп. Она поступаетъ въ весильный домъ съ пятницы и прежде всего начинаетъ печь „лежни“—два большіе, продолговатые, пшеничные хлѣба, украшенные голубями изъ тѣста, въ которые запекаютъ яйца и деньги. Остатокъ тѣста отъ „лежней“ идетъ на заготовленіе калачей и шишекъ,—небольшихъ, круглыхъ хлѣбцевъ, сверху которыхъ кладется бахрома изъ тѣста, маленькія шишечки и на самомъ верху голуби.

Шишекъ дѣлаютъ полный столъ и роздаютъ потомъ родственникамъ и женщинамъ, участвовавшимъ въ свадебныхъ приготовленіяхъ. Вмѣстѣ съ лежнями, дѣлается еще большая шишка, имѣющая особое назначеніе: при отъѣздѣ молодой въ воскресенье, вечеромъ, къ мужу, эту шишку беретъ съ собой свашка, вмѣстѣ съ рубашкой для молодой, и если послѣдняя „хороша“ (дѣвственна), то шишку украшаютъ „жычкамы“ (гарусомъ), перевязываютъ красными лентами и отсылаютъ родителямъ невѣсты въ понедѣльникъ утромъ.

Приготовленіе шишекъ сопровождается слѣдующими пѣснями:

88.

А Марусына ненька
По улыци ходить,
Своихъ сусидъ просыть:
Сусидочкы мои, голубонькы,
Прыбувайте вы къ мени
И къ моему дытяти,
Хорошенько шышочокъ бгаты.

(Уляна Выборная).

89.

Ой зашумила, зашелестила
Ярая пшеныця у стози,
Не подобае ярій пшеницы
Въ стози стояты,
Уже часъ, пора,
Матинко моя,
Въ шышечкы побгаты.

(Настасія Коломійцова).

90.

Ой въ огороди, у частоколи
Зацвилы нагидкы.
Ой дайте намъ, шышкобгальныцямъ,
Горилки, не видкы.
Ой въ огороди, у частоколи
Зацилыв волошкы,
Ой дайте намъ, шышкобгальныцямъ,
Горилочкы трошкы.

(Уляна Выборная).

Суббота.—Приготовленіе коровая.

Послѣ шишекъ, въ субботу, къ вечеру, приготовляется коровай такимъ образомъ: противъ печи ставятъ столикъ, а на него „дижу“ съ пшеничнымъ тѣстомъ; тѣсто изъ дижи выбираютъ на большой столъ и дѣлаютъ изъ него круглый хлѣбъ съ крестомъ изъ тѣста сверху; въ средину кладутъ пять сырыхъ яицъ: одно посрединѣ и четыре по концамъ, кладутъ еще деньги, иногда сыръ. Его украшаютъ двѣ женщины и двое мужчинъ голубями, маленькими кренделями и шишками изъ тѣста, при чемъ поютъ:

91.

Піду я до Дунаю,
Подумаю, погадаю:
Чи мени воду носыты?
Чи мени коровай мисыты?
А чи мени воду браты?
А чи мени коровай бгаты?
Наберу зъ крыныци водыци,
Вгайте коровай молодыци.

(Евгенія Недилькина).

92.

А я коровай мисыла,
Зъ Дунаю воду носыла,
Не такъ зъ Дунаю, съ крыныци,
Мисылы коровай молодыци.

(Палагея Куліева).

93.

Нихто не вгадае,
Хто у насъ коровай бгае.
Изъ города городяночкы,
Изъ миста мищаночкы,
Изъ села селяныци,
Хорошіи молодыци.

(Ѳедосія Палехина).

94.

Ой у поли овесець ясенъ,
А у доми коровай красенъ,
Шышечкамы та барыльцями,
Съ хорошимы молодыцями.

(Марія Юрченкова).

95.

Свиты Боже зъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було выднесенько,
Всему роду веселесенько.

(Евгенія Заикина.)

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Л. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тепинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. и. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.